

ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ART OF SCIENCE

Материалы V Международной
гуманитарной научно-практической
конференции

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ART OF SCIENCE

**Материалы V Международной гуманитарной
научно-практической конференции**

(г. Пермь, ПГНИУ, 3–4 декабря 2021 года)

Пермь 2022

УДК 3
ББК в7
А79

Art of science [Электронный ресурс] : материалы V Международной гуманитарной научно-практической конференции (г. Пермь, ПГНИУ, 3–4 дек. 2021 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2022. – 2,12 Мб; 126 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/Art-of-science-2022.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-3903-8

Издание представляет собой сборник материалов V Международной гуманитарной научно-практической конференции. Рассмотрены актуальные проблемы гуманитарных наук, представлены результаты междисциплинарных исследований студентов и аспирантов гуманитарных специальностей.

Материалы сборника предназначены специалистам-гуманитариям, аспирантам, студентам, и всем тем, кто интересуется проблемами гуманитарных наук.

**УДК 3
ББК в7**

Издается по решению ученого совета историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

Ответственные за выпуск: А. Р. Ехлакова, Д. А. Ренев

Рецензенты: научный сотрудник управления УНИД Пермского института культуры, канд. ист. наук, доцент **А. А. Космовская**

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермского института ФСИН России, канд. ист. наук, капитан внутренней службы **С. М. Рязанов**

ISBN 978-5-7944-3903-8

© ПГНИУ, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
----------------	---

ART OF IMAGE

<i>Муравьёва Т. И.</i> Карикатура Р. Овертона «Кентербери, его смена диеты» («Новая пьеса», 1641) как источник истории религиозных отношений в Англии в середине XVII века	6
<i>Газизуллин Т. А.</i> Пространство Белого Юга в восприятии лидеров партии кадетов: декабрь 1918–ноябрь 1919 гг.	18
<i>Мамин Р. В.</i> Гендерное насилие в советском анекдоте: возможна ли интерпретация?	27
<i>Шапошникова Г. А.</i> Влияние средневековой живописи на трансформацию образа смерти в современном цифровом искусстве	34
<i>Рычина К. А.</i> Отражение кризиса идентичности в исландском кинематографе XXI века.....	38

ART OF SIGN

<i>Горющенко Д. О.</i> Неологизмы английского языка 2021 (по материалам Cambridge Dictionary)	50
<i>Курячая М. Ю.</i> Хронотоп дома в романе Мариам Петросян «Дом, в котором...».....	61
<i>Кислицкий П. К.</i> Эстетический потенциал китайской иероглифики в постмодернистском искусстве (на примере творчества Сюй Бина)	67

ART OF PUBLIC

<i>Субботина А. А.</i> «Выживаемость» и лояльность местных глав в условиях конкурсной модели избрания (на примере муниципалитетов Пермского края)....	73
<i>Болтак В. С.</i> Анимационное искусство как инструмент политической пропаганды	88

ART OF SOCIETY

<i>Новикова А. В.</i> «Айам аль-араб» («Дни арабов»): эпос домусульманской жизни «аравлян»	97
<i>Иванченко И. С.</i> Трансформация семейно-брачных отношений русского крестьянства Западной Сибири во второй половине XIX вв.	104
<i>Gang W.</i> The Research on the Protection and Inheritance Strategy of Folk Custom Intangible Cultural Heritage in Beibu Gulf of Guangxi	112
<i>Кононов А. А.</i> Тотальность права как феномен отчуждения человека	119

CONTENTS

Introduction	5
--------------------	---

ART OF IMAGE

<i>Muraveva T. I.</i> Richard Overton's Caricature "Canterbury, His Change of Diet" ("New Play") (1641) as a Source of the History of Religious Relations in England in the Middle of the XVII Century	6
<i>Gazizullin T. A.</i> Space of the White South in the Perception of the Cadet Party Leaders: December 1918 – November 1919.....	18
<i>Mamin R. V.</i> Gender-Based Violence in Soviet Jokes: is Interpretation Possible?	27
<i>Shaposhnickova G. A.</i> The Influence of Medieval Painting on the Transformation of the Image of Death in Modern Digital Art.....	34
<i>Ryshina K. A.</i> Reflecting the Identity Crisis in the Iceland Cinematograph of the XXI Century.....	38

ART OF SIGN

<i>Gorychenko D. O.</i> English Language Neologisms 2021 (on the Materials of Cambridge Dictionary)	50
<i>Kuryachaya M. Yu.</i> Chronotope of the House in Mariam Petrosyan's Novel «The House in which...».....	61
<i>Kislitskiy P. K.</i> The Aesthetic Potential of Chinese Characters in Postmodern Art (Illustrated by the Example of Xu Bing's Artworks)	67

ART OF PUBLIC

<i>Subbotina A. A.</i> The Survivability and Loyalty of Local Heads Under the Competitive Model of Election (a Case of Perm Krai).....	73
<i>Boltak V. S.</i> Animation as a Tool of Political Propaganda.....	88

ART OF SOCIETY

<i>Novikova A. V.</i> "Ayyam al-arab" ("Days of the Arabs"): Epos of the Pre-Islamic Life "Aravlyan"	97
<i>Ivanchenko I. S.</i> Transformation of Family and Matrimonial Relations of Russian Peasantry in Western Siberia in the Second Half of the XIX Century	104
<i>Gang W.</i> The Research on the Protection and Inheritance Strategy of Folk Custom Intangible Cultural Heritage in Beibu Gulf of Guangxi.....	112
<i>Kononov A. A.</i> Legal Totality as a Phenomenon of Human Alienation	119

ВВЕДЕНИЕ

V Международная гуманитарная научно-практическая конференция «Art of science» – это проект, направленный на популяризацию научной деятельности среди студентов-гуманитариев и объединение молодых ученых, представляющих разные гуманитарные науки, с целью повышения интереса к междисциплинарным исследованиям.

Цель конференции – поддержка интеллектуальной деятельности студентов, направленная на формирование условий для профессиональной, научной самореализации молодых ученых в области гуманитарных наук.

В задачи конференции в 2021 г. вошло:

- содействие развитию студенческих инициатив в области гуманитарных наук, практических и экспертных навыков, с целью популяризации научной деятельности среди студентов;
- развитие творческих и ораторских способностей участников конференции;
- консолидация молодых ученых в сфере гуманитарных наук с целью привлечения большего количества студентов-гуманитариев к научной деятельности и формирования научной площадки для междисциплинарных исследований;
- популяризация новых направлений в российской научной среде и актуализация междисциплинарных подходов к гуманитарному исследованию;
- создание условий для научной, творческой, социально-общественной самореализации молодых ученых и максимального использования их потенциала для развития науки;
- обмен практиками в сфере студенческой научной деятельности, направленный на развитие науки, повышение её значимости для молодых ученых и формирование новых научно-практических площадок в регионах.

Конференция также имеет целью показать участникам и гостям, что наука – это искусство мыслить, задавать вопросы и находить ответы, понятные обществу.

Таким образом, формат реализации проекта исходит из идеи «наука – это не скучно».

В рамках конференции удалось объединить такие исследовательские области, как история, филология, культурология, политология и др.

КАРИКАТУРА Р. ОВЕРТОНА «КЕНТЕРБЕРИ, ЕГО СМЕНА ДИЕТЫ» («НОВАЯ ПЬЕСА», 1641) КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИИ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

Муравьёва Татьяна Ивановна

Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, 150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, 108/1,
nindjamuravey@yandex.ru

В статье рассматривается проблема роли религиозных противоречий в Англии в период революции XVII века на основе визуального источника, созданного современником событий. С помощью методики Варбургской школы проведен анализ изображений, получены знания о событиях религиозного характера, повлиявших на ход революции в целом. Сделаны выводы о причинах усиления пуританского движения и возрастания ненависти в отношении архиепископа У. Лода и официальной церкви.

Ключевые слова: *Английская революция; религиозные отношения в Англии; английская карикатура.*

Эпоха Английской революции середины XVII века отличается тесной связью религиозных и политических вопросов, которые вкупе во многом определяли действия сторон во время «Английского мятежа». Среди историков нет единого мнения, в какой степени религиозные проблемы и религия в целом повлияли на ход революции и то, как общество воспринимало данный социально-политический кризис.

Так, историки либерального-вигского течения (Ф. Гизо, Т. Маколей) считали революцию закономерной борьбой за конституционно-демократические порядки [Гизо, 1868; Маколей, 1906]. Интересна концепция «пуританской революции» С. Гардинера. Историк особое внимание уделял религиозным вопросам, которые «подогревали» политическую борьбу в стране [Gardiner, 1904, p. 37–38].

Марксисты же, считая революцию буржуазной, видели ее происхождение результатом долговременных изменений в экономике. Этот подход нашел отражение, в частности, в трудах К. Хилла, М.А. Барга и Б.М. Лавровского, в некоторой степени Дж. Эйлмера [Хилл, 1998; Барг, Лавровский, 1958; Эйлмер, 2004].

Однако и они отмечают религиозные противоречия как значимый фактор в борьбе сторон.

Историки-ревизионисты, в том числе К. Рассел, видели причины революции в тех политических противоречиях, которые сложились после созыва Короткого и Долгого парламентов [Russell, 1990]. Однако уже пост-ревизионисты, например, Э. Хайес, стали отрицать случайность произошедшего, в то же время подчеркивая виновность Карла I и его окружения в попытке введения единого молитвенника в Шотландии [Хайес, 1989].

Как отмечает профессор А.Б. Соколов, «многие современные историки пишут о желательности отказаться от крайностей вигской, марксистской или ревизионистской интерпретаций» [Соколов, 2008, с. 162]. В их трудах проявляется все большая тенденция к консолидации различных факторов, интеграции их восприятия как единого целого, повлиявшего на возникновение данного конфликта в середине XVII века [Ерохин, 2017].

Безусловно, в таких условиях все письменные источники той эпохи становятся фундаментом для исследования вопроса влияния религиозного фактора на происходившее в государстве противостояние. В данном случае весьма актуальную для историка информацию несет карикатура Ричарда Овертона «Кентербери, его смена диеты» (рис. 1), опубликованная в 1641 году в Лондоне [Wiseman, 1992, p. 50]. Контртекстуальный анализ репрезентативности источника и условий его бытования в культурной среде не дал результатов. Однако известно, что через выпуск брошюр происходило распространение политико-религиозных идей и мнений. Покупая брошюру, читатель не обязательно соглашается с высказанными в ней мнениями, но он участвует в распространении смыслов, посылов данной печати. Кроме того, сами печатные миниатюры, пьесы, как та, что предложена нами, приглашали читателя к дискуссии, к критическому переосмыслению происходящего кризиса в правительстве [Wiseman, 1992, p. 48–49].

Автор, ярый пуританин, идеолог течения левеллеров, создал множество сочинений, в которых нападал на епископов и современную ему церковную политику. Но самым кратким и лаконичным способом передать то «противостояние» пуритан политике Лода и ее последствий он смог на упомянутой карикатуре, которая предоставлена как визуальный источник в книгах Дж. Кинга «Милтон и религиозное противоречие» [King, 2000, p. 28] и Д. Ньютона «Паписты, протестанты и пуритане» [Newton, 1998, p. 40]. Однако ни в одном из исторических сочинений должного анализа карикатуре не дано, она лишь является «дополнительной иллюстрацией». По нашему мнению, данный визуальный источник заслуживает особого внимания, так как является результатом, «продуктом» религиозных противоречий в Англии в начале революции, а также свидетельствует о

тех методах и инструментах, которые использовались сторонами для противодействия другой.

В связи с вышеизложенным, целью данной работы является исследование отношений в английском обществе середины XVII века с точки зрения религиозного фактора и на основании карикатуры Р. Овертона и тех знаний, которые могут быть получены в результате анализа данного визуального источника.

В качестве способа анализа карикатуры была использована методика Варбургской школы, так как, по нашему мнению, разработанная Э. Панофским схема исследования визуального источника позволит как раскрыть внешний аспект карикатуры (буквальный, первичный смысл), так и найти ее внутренний (глубинный, вторичный смысл), который содержит в себе нечто большее, то есть исторические события и реакцию населения на них и отражение религиозного раскола в обществе [Панофский, 1999, с. 43–49].

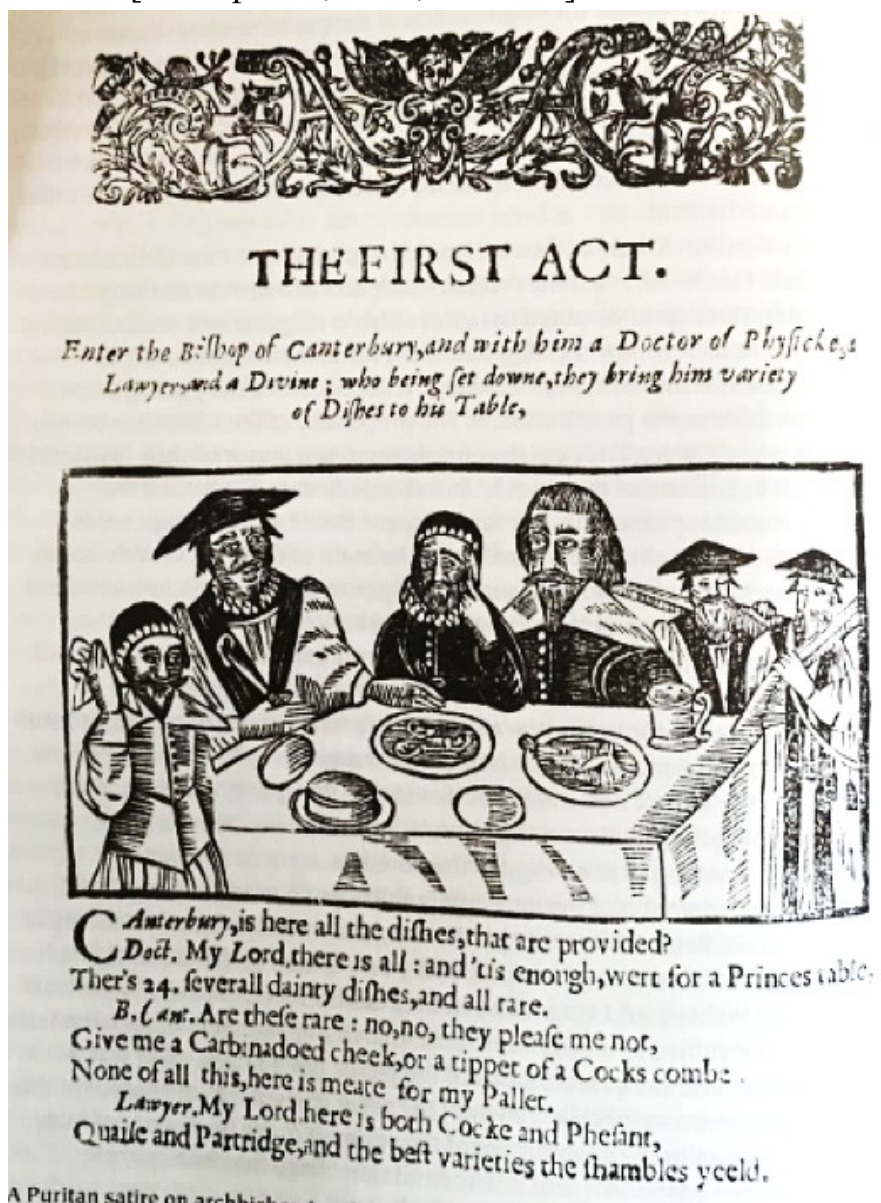

Рис. 1. Карикатура «Кентербери, его смена диеты»

На карикатуре изображены шесть мужчин. Пять из них сидят за столом, а мужчина на переднем плане обслуживает трапезничающих. Трое одеты в церковную рясу и носят соответствующие головные уборы; другие мужчины одеты в мирское, причем сидящие в центре – явно обеспеченные люди.

И, хотя фигуры людей привлекают наше внимание, центром композиции визуально является стол (и с точки зрения цвета – он не закрашен, и с позиции расположения фигур – это действительно центр карикатуры). Что же расположено на столе? Это различные блюда, кружки и тарелки. Но более всего выделяется здесь тарелка с «завитушками», которые очень напоминают уши, причем одно «ухо» уже насажено на нож и, видимо, скоро станет пищей во рту одного из мужчин, фигуру которого можно определить как главную, выделяющуюся среди всех героев изображения.

Личности на карикатуре идентифицированы в ее названии. В первую очередь обратимся к особо выделенной нами фигуре – второму слева мужчине. Это человек из духовенства – архиепископ Кентерберийский. Если судить по времени создания карикатуры (первая половина XVII века, а именно 1641 год) и соответствующей «должности» становится очевидно, что это Уильям Лод. Кто же его сопровождает за этим обедом, составляет ему «компанию»? Как сказано в предисловии карикатуры, это доктор медицинских наук (проще говоря, врач), адвокат и богослов. Вероятно, эти трое – Бартон, Принн и Баствик. Чуть ниже мы докажем, что иносказательно карикатура обращается именно к этим историческим личностям, к событиям, связанным с их судьбой.

Однако прежде обратимся к действию, которое происходит на карикатуре. Его можно описать как беседу за приемом пищи. Об этом свидетельствует и то пространство, где происходит действие (это комната с накрытым обеденным столом), и сама композиция, среди людей в которой выделяется, как уже отмечалось, фигура архиепископа – она немного больше остальных, и он, одетый в рясу священнослужителя, окружен мирянами. Акцент на нем создает и то, что сидящие справа от него повернуты к нему, смотрят на него. Остальные фигуры на карикатуре вторят этой покорности и услужливости, всем своим видом показывают, кто является главным героем, вокруг кого они собрались, кого они слушают и на чьи вопросы отвечают. Но нельзя не заметить и нотку иронии: хотя и создается впечатление акцентуации всеобщего внимания на Лоде, люди вокруг все-таки посмеиваются, либо с издевкой смотрят на него: об этом говорит положение рук, позы людей.

Как видим, сюжет карикатуры не так прост. Вероятно, речь за столом идет как раз о тех «деликатесах», которые были описаны ранее. На это указывают не

только жесты героев и их взгляды, но и текстовая часть под рисунком. Разобраться в тонкости сюжета поможет именно текст под карикатурой, где транслируется диалог героев. Оно гласит:

Архиепископ: Все ли блюда здесь, что нам положены?

Доктор: Мой лорд, все блюда здесь: и этого достаточно, как было бы для княжеского стола, их 24. Несколько изысканных блюд, и все редкие.

Архиепископ: Редки ли они: Нет, нет, мне они не нравятся. Подайте мне щеку Карбонад или петушиные шею и гребень. Ничего из этого нет на накрытом столе.

Адвокат: Мой лорд, здесь и петух, и фазан, перепел и куропатка, а также лучшие разновидности мяса пред Вашими глазами (цит. по: [King, 2000, p. 28]).

Как видим, сюжет карикатуры – обсуждение «блюд» для королевского обеда, которые являются символами и напоминаниями об определенных событиях. Помимо «ушей» на тарелке, отсылающих нас к произошедшим немного ранее событиям, интересен и язык, использованный для описания ситуации. Так, слово «tipret» может быть переведено не только как «шея, палантин, капюшон», но и как «отречение от своих взглядов, отступничество», что делает сюжет карикатуры весьма неоднозначным. Почему, с какой целью архиепископ требует подать к столу часть тела «отступника»? Для ответа на этот вопрос обратимся к событиям, ставшим сюжетом для карикатуры и инструментом социального воздействия.

В 1637 году трое выдающихся пуританских лидеров – Джон Баствик, Генри Бартон и Уильям Принн – оказались под следствием Звездной палаты [Newton, 1998, p. 40–41]. Написанные ими произведения были признаны клеветой, сами же «герои» были выставлены к позорному столбу, а уши их были отрезали. Как отмечает К. Хилл, «эти и подобные действия власти и архиепископа превращали приговоренных в публичных фигур» [Хилл, 1998, с. 86].

Подобное наказание было связано с деятельностью пуритан, движение которых на момент 1630-х гг. включало в свои ряды не только низшие слои общества, но и дворянство. Как известно, пуритане выступали против развлечений и праздников, театральных постановок и игр. В данном аспекте показательна жизнь и деятельность адвоката У. Принна, ярого пуританина: еще в середине 1620-х гг. он начал писать специальную книгу против театральных постановок, которая в мае 1630 г. получила разрешение для печати, а в 1632 г. уже была опубликована. Книга носила название «Хистриомастикс» и насчитывала более тысячи страниц, а главным содержанием ее стало обличение пьес как незаконных (относительно «Закона Божьего», представленного священным Писанием) и побуждающих на безнравственное и осуждаемое поведение [Gardiner, 1904, p. 90].

По мнению Т.А. Павловой, Принн «обрушивался на маски и представления», так как те поощряли грех, тешили дьявола [Павлова, 1997, с. 89]. Как считает К. Хилл, за счет привлечения внимания к пуританам их деятельности, «маловлиятельное на рубеже XVI—XVII вв. радикальное пуританское течение становилось широким общественным движением, приобретая себе все больше сторонников среди горожан, университетских преподавателей, членов юридических корпораций, священнослужителей» [Хилл, 1998, с. 86].

Особенно интересным представляется отрывок, из-за которого Принн вскоре оказался в Тауэре и лишился одного уха. В одной из глав автор делает выпады в сторону женщин-актеров, обличает зрителей пьес и судей, которые не смогли прекратить постановки в театрах [Gardiner, 1904, p. 90–91]. Отсылками к Нерону и упоминаниями тиранов автор безрассудно обличал своего короля Карла I. Неудивительно, что вскоре «яростный» пуританин оказался в главной тюрьме Англии. Помимо заключения, как указывает Кресси, генеральный прокурор У. Ной осудил У. Принна на изгнание из ряда учреждений, где последний работал, а также приговорил его к штрафу в размере 5 000 фунтов стерлингов [Cressy, 2018, p. 740–741].

Эти пуританские размышления Принна нашли отражение у «поэта революции» Дж. Милтона. Как отмечает Т.А. Павлова, Милтон не только слышал о разоблачающих произведениях яркого пуританина, но и читал их. И ответом его стала пьеса «О добродетели, о целомудрии», которая была призвана снять «позорное пятно» с иносказательно упомянутого у Принна семейства Дарби [Павлова, 1997, с. 90]. По мнению Гардинера же, «Комус» имел целью показать Лоду, что не внешнее порождает внутренние законы (что отсылает нас к реформам церкви, когда изменился лишь ее внешний вид, становившийся все более пышным и возвышенным), а внутренние законы порождают внешние [Gardiner, 1904, p. 92].

Находясь в Тауэре, Принн публиковал писал трактаты против Лода и его политики, а также его «приспешников»: в приложении к «*Flagellum Pontificis*» Дж. Баствика Принн роптал на невыносимые узурпации епископов, превышение полномочий прелатов и другие «прегрешения» священнослужителей.

Судьба Генри Бартон в целом похожа на участь Принна. Окончив колледж Святого Иоанна в Кембридже, Бартон стал богословом, однако религиозная ситуация в Англии в начале XVII века не была близка этому пуританину: в 1625 году Бартон, к этому времени бывший секретарем королевского кабинета, в письме к Карлу I обличал папистские наклонности У. Лода, за что был отослан от двора и направлен на службу в церкви Святого Матфея. Бартон использовал

свое положение для агрессивной пропаганды против епископального устройства, а также отклонялся от установленных канонами церемоний и обрядов, за что в 1626 году был привлечен к суду, но смог избежать наказания. Однако это не остановило Бартона, и он продолжил осуществлять нападки на епископов, а в ноябре 1636 года он произнес две проповеди, в которых обвинил епископов в нововведениях, равносильных папскому заговору, цель которого – уничтожить английскую церковь [King, 2000, p. 29]. За подобные нападки и оскорбления Бартон оказался перед Высокой комиссией. Но на суд яростный пуританин не явился, за что было приказано его задержать. В это время Бартон заперся в своем доме и написал проповеди под названием «За Бога и Короля» (1636), но уже в начале 1637 года двери его дома были выломаны, кабинет подвергся обыску, а сам «полемик» был взят под стражу [Gardiner, 1904, p. 99]. В качестве наказания Бартон лишился своих ушей, свободы и части состояния.

Немного иначе сложилась жизнь Баствика: не закончив Кембридж, он отправился странствовать, воевал, а затем получил степень доктора медицины в Падуе и только в 1623 г. вернулся в Англию [Gardiner, 1904, p. 98–99]. По своим религиозным взглядам Баствик был пуританином, следовательно, его, как и ранее упомянутых, тревожило распространение «папистских» обрядов, порядков и канонов. В ответ на это он начал писать антикатолические трактаты. Один из таких оказался в руках Лода, в результате чего Баствик был привлечен к суду Высокой комиссии, решением которой он был оштрафован на 1000 фунтов стерлингов и временно взят под стражу. Но, как и других яростных пуритан, Баствика подобное не остановило: в 1637 году он выпустил очередную книгу («Letanie of Dr. John Bastwicke»), в которой осуждал епископов как «Врагов Божьих», за что снова оказался перед судом и был заключен в тюрьму. Это произошло одновременно с осуждением Бартона и Принна в 1637 году [Gardiner, 1904, p. 90, 99].

Как отмечают Т.А. Павлова, К. Хилл и ряд других исследователей, ограничения и «предписания», начавшиеся с введения «Книги общих молитв» вызвали наибольшее возмущение у пуритан. Виной тому, как утверждает Т.А. Павлова, изменение образа жизни сельчан и горожан: «давно они уже по воскресеньям слушали не невежественных епископских ставленников, а своих проповедников», что полностью расходилось с «приказом» архиепископа [Павлова, 1997, с. 101]. Выразившие недовольство оказывались под судом Звездной палаты и Высокой комиссии (которые, кстати говоря, действовали в обход общего права). Среди осужденных оказались и герои карикатуры Овертона. Любопытно, что теперь ранее упомянутый поэт Милтон отчасти придался эскапизму, уходу от извращенной и пожирающей свободы церкви. Теперь он был на стороне заключенных пуритан.

Все трое получили одинаковое наказание и, кроме штрафа, были лишены ушей. Именно к этим событиям отсылает нас автор карикатуры Ричард Овертон. Автор будто бы высмеивает жалкого архиепископа, довольствующегося ушами «отступников», желающего лишить своих жертв, которые окружили его за столом, еще чего-нибудь значимого. Как видим, карикатура представлялась как своего рода «ядовитый нападок» на политику Архиепископа У. Лода и на его действия против пуритан [King, 2000, p. 27].

Однако следует отметить, что противники официальной политики англиканской церкви, ставшей для них «арминианской», совсем не обращали внимания на то, что Лод стремился прежде всего придать англиканской церкви единообразный, строго бюрократический характер [Семенов, 1954, с. 95]; создать церковь, которая бы перестала в такой степени, как это было раньше, преклоняться перед авторитетом континентальных религиозных реформаторов [Ерохин, 2017, с. 568]. С другой стороны, как отмечает К. Хилл, хотя «у Лода не было намерений реставрировать католицизм», его «заявления о преемственности между католической церковью и очищенной от пороков англиканской», стремление сделать церковь «Высокой», «давали основание пуританам обвинять его именно в этом» [Хилл, 1998, с. 86].

Чтобы понять мотивацию обращения Р. Овертона к данному сюжету в 1641 году, обратимся к его биографии. На данный момент нет точной информации о происхождении и ранней жизни Ричарда Овертона (однако есть предположение, что ранние годы своей жизни он провел в Амстердаме [Gibbons, 2004], хотя другие данные свидетельствуют о том, что Овертон жил в сельской Англии, например, в Линкольншире [Wiseman, 1992, p. 30–32]). Тем не менее, не столь важно в данном вопросе происхождение автора карикатуры, как его предшествующая деятельность. В 1630-х годах Овертон, как и герои его карикатуры, начал писать и активно публиковать памфлеты, сочинения и едкие стихотворные сатиры (например, «*Lambeth Fayre*»), в которых он нападал в том числе на епископов. Как отмечает Хилл, как основу пуритане использовали остроумные и непопулярные памфлеты Марпрелата, что также единит Овертона с героями его карикатуры [Хилл, 1998, с. 17–20].

Будучи одним из идеологов течения левеллеров, Овертон разделял взгляды Лильберна, Уолвина и Принса на деятельность их движения «уравнителей» (они признавали народ высшей властью, считали необходимым предоставление массам широких политических прав и свобод). Кроме идей о государственном устройстве, Овертон особое внимание уделял вопросу религии. Он протестовал

против уплачиваемой Англиканской церкви десятины (что впоследствии отразилось в «Ремонстрации многих тысяч граждан», 1646), критиковал пресвитериан [Хилл, 1998, с. 36–37].

Во время первой гражданской войны (1642–1646 гг.) Овертон, обратившись к теологическим и философским аспектам, написал анонимный трактат «Человеческая смертность» (англ. «Man's Mortality»). По его мнению, так как тело и душа в человеке неразрывно связаны, то отправление души в рай или в ад, что было принято в церкви за истину, не имеет никакого смысла: только при воскресении начинается бессмертие, а за ним следует и спасение. Таким образом, по мнению Овертона, вся церковная риторика на этот счет была сплошным вымыслом.

Данный трактат не мог не повлечь за собой общественный резонанс. Некоторые даже приняли «учение» Овертона: так, после 1644 года в Лондоне появилась секта «Спящие души» (англ. «Soul Sleepers»). Однако вскоре началось расследование и Овертона причислили к «одному из самых опасных еретиков» [Барг, Лавровский, 1958, с. 112].

Все это не остановило Ричарда Овертона. Взяв псевдоним «Мартин Марприст». Отметим, что часть корня фамилии – это слово «priest», то есть священник, что снова отсылает нас к радикальному восприятию пуританином как политики официальной церкви, так и действий других сект – себя же он называет, по сути, «истинным священником». Овертон начал яростную атаку на Вестминстерскую ассамблею. Любопытно, что такое имя было еще и отсылкой к упомянутому ранее Мартину Марпрелату, жившему в XVI веке и занимавшемуся обвинениями елизаветинских епископов [Хилл, 1998, с. 17–20]. В ответ на выпущенные трактаты Вестминстерская ассамблея приказала арестовать их автора, но выяснить, чьему перу принадлежали «письмена» не удалось.

В связи с изложенным можем сделать вывод о том, что на публикацию данной карикатуры повлиял ряд факторов: во-первых, отношения между пуританами и арминианским течением. Как известно, эти противоречия подвергли изменениям англиканскую церковь, а к 1641 году обострились – как известно, еще в 1640 году началась Английская революция, которая, хотя еще и находилась на Конституционном этапе развития, все же не избегала резких противоречий между сторонами. Следует согласиться с Гардинером в том, что отношения и происшествия религиозного характера, не имевшие широкого резонанса в 1634 г., после 1637 г. «заиграли новыми красками»: теперь у жертв «лодианской церкви» не было «причин жаловаться на недостаток народного сочувствия». Причем известность их как героев и мучеников теперь была настолько опасна, что правительство вынуждено было сослать заключенных пуритан на острова Силли [Gardiner, 1904, p. 98–100].

Добавим, что на период конца 1630-х – 1640-х гг. ни один человек своего времени, по-видимому, не вызывал более враждебного внимания прессы, чем архиепископ У. Лод [Russell, 1990, p. 87]. Имея возможность цензурировать публикации, наказывать «отступников» и еретиков, Лод пользовался этой властью с необычайной жестокостью, что сделало его одиозным и непопулярным среди населения, в том числе в связи с упомянутыми событиями 1637 года.

Кроме того, публикация карикатуры стала следствием не только «войны трактатов» и проповедей предшествующего периода, но и зверств, злостных преследований и методов борьбы с «инакомыслием», которые использовал Лод. Как отмечает Т.А. Павлова, уже в ноябре 1640 г. остро звучали требования ограждения от папистских искажений истинной протестантской религии, освобождения из тюрем пуритан, попавших в заключение по приговору Звездной палаты [Павлова, 1997, с. 131–132]. Очевидно, что карикатура призвана высмеять жалкого архиепископа, создать у смотрящего чувство отвращения к нему (он предпочитает подать к столу уши отступников, как будто он – страшный герой из сказок братьев Гримм). Следовательно, желание Овертона отпугнуть от Лода и в целом уже «загрязненной», «испачканной» арминианством официальной церкви народные массы и стало истоком создания карикатуры.

Таким образом, данная карикатура раскрывает особенности противостояние пуритан и англиканской церкви. Последняя, применяя весьма жестокие, нечеловеческие наказания к тем, кто смел выступить против нее даже в анонимном трактате, изображается в визуальном источнике в лице архиепископа Кентерберийского У. Лода – это жалкий, отвратительный человек, требующий изысканных блюд (за счет игры слов понимаем, что речь идет не просто о диковинных птицах, а о реальных людях, отступниках от официальной церкви). Особое влияние оказывают и лежащие на блюде человеческие уши, которые вот-вот станут «кушаньем». Обстановку нагнетает и присутствие жертв на данном «застолье».

В данном контексте, на наш взгляд, карикатура может быть использована не только как подтверждение имевшего место быть противоречия между течениями протестантизма в Англии, но и как источник для понимания, как эти противоречивые отношения складывались и развивались, ведь сам рисунок отсылает нас к важнейшим для анализа религиозных отношений событиям и лицам, а в период его создания служит ключевым аспектом в раскрытии позиций сторон, их деятельности (преимущественно, пуритан) для осуждения «противной стороны» (официальной власти и церкви, ведь политические и религиозные вопросы оказывались тесно связанными в данный период истории Англии).

Библиографический список

1. *Лавровский Б.М., Барг М.А.* Английская буржуазная революция. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. 366 с.
2. *Гизо Ф.* История Английской революции. СПб: Издательство Головачова, 1868. 405 с.
3. *Ерохин В.Н.* Религиозный фактор в происхождении Английской революции // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 560–576.
4. *Маколей Т.Б.* Английская революция 1649 г. М.: Типография «Труд», 1906. 118 с.
5. *Павлова Т.А.* Милтон. М.: РОССПЭН, 1997. 494 с.
6. *Пановский Э.* Смысл и толкование изобразительного искусства. СПб: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 455 с.
7. *Семенов В.Ф.* Английский абсолютизм в первой половине XVII века и назревание революции / под ред. А.С. Самойло и Г.И. Трайнина // Английская буржуазная революция XVII века. М.: АН СССР, 1954. 378 с.
8. *Соколов А.Б.* Английская революция середины XVII века в новейшей зарубежной историографии // Вопросы истории. 2008. Вып. 5. С. 160–168.
9. *Хилл К.* Английская Библия и революция XVII века. М.: ИВИ РАН, 1998. 505 с.
10. *Эйлер Дж.* Восстание или революция? Англия 1640-1660. СПб.: издательство «Алетейя», 2004. 264 с.
11. *Cressy D.* Puritan Martyrs in Island Prisons // Journal of British studies 57, 2018. P. 736–754.
12. *Cust R. Hughes A.* Conflict in Early Stuart England. L.: Longman, 1989. 271 p.
13. *Gardiner S.R.* History of England from the accession of James I to the outbreak of the civil war. Vol. 10. L., 1904. 282 p.
14. *Glibbons B.J.* Richard Overton. Oxford: Oxford University Press, 2004. URL: <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-20974> (дата обращения: 07.11.2021).
15. *King J.* Milton and Religious Controversy. Cambridge University Press, 2000. 218 p.
16. *Newton D.* Papists, Protestants and Puritans, 1559–1714. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 100 p.
17. *Russell C.* The causes of the English Civil war. Oxford: Clarendon press, 1990. 236 p.
18. *Wiseman S.J.* Drama and it's political situations 1642-1660. L.: ProQuest LLC, 2016. 315 p.

**RICHARD OVERTON'S CARICATURE
"CANTERBURY, HIS CHANGE OF DIET" ("NEW PLAY") (1641)
AS A SOURCE OF THE HISTORY OF RELIGIOUS RELATIONS
IN ENGLAND IN THE MIDDLE OF THE XVII CENTURY**

Muraveva Tatiana I.

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
108/1, Respublicanskaya str., Yaroslavl, 150000, Russia, nindjamuravey@yandex.ru

The article examines the problem of the role of religious contradictions in England during the revolution of the XVII century through the prism of a contemporary visual source. With the help of the methodology of the Marburg School, an analysis of the image was carried out, knowledge was obtained about events of a religious nature that influenced the course of the revolution as a whole. Conclusions are drawn about the reasons for the strengthening of the partisan movement and the increase in hatred against Archbishop U. Plod and the official church.

Key words: the English Revolution; religious relations in England; English caricature.

ПРОСТРАНСТВО БЕЛОГО ЮГА В ВОСПРИЯТИИ ЛИДЕРОВ ПАРТИИ КАДЕТОВ: ДЕКАБРЬ 1918–НОЯБРЬ 1919 ГГ.

Газизуллин Тимур Алмазович

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15, timuralgaz25@gmail.com

В статье рассматривается процесс возникновения, раскрытия и угасания образа Белого Юга, возникшего в среде лидеров Партии народной свободы в период апогея Гражданской войны в России. Опираясь на теоретические работы К. Скиннера, Э. В. Сауда и принципы воображаемого картографирования Р. М. Доунза и Д. Стеа, автор разделяет пространство северо-восточного Причерноморья на уровни функционирования неоднородного общества. Автор указывает на изначальное оптимистическое ожидание либеральных политиков того, что Юг станет поставщиком значительного сырьевого снабжения для всероссийского сопротивления большевизму. На примере военно-политического, хозяйственно-экономического и социокультурного аспектов конструирования кадетами пространства Юга автор подчеркивает несоответствие между действительной территорией и воображаемым северо-восточным Причерноморьем. В результате исследования обращается внимание на наследование лидерами партии имперской логики политического контроля, а также на отказ от преобладавшего в 1918 году горизонтального способа коммуникации с локальными акторами.

Ключевые слова: Конституционно-демократическая партия; Белый Юг; воображаемое пространство; Добровольческая армия; русский либерализм.

В период Русской революции 1917–1921 гг. радикальные изменения коснулись самих основ русской жизни. Территория империи, когда-то удерживаемая авторитетом царя и силами Временного правительства, теперь была представлена совокупностью новообразований, боровшихся за существование. С фактической ликвидацией единого политико-правового поля не исчезли те, кто желал в той или иной форме собрать вновь утраченные земли. Каждая политическая группировка, ставившая перед собой такую цель, была вынуждена признать состоявшийся территориальный распад и исходить из совершенно новых реалий.

Конституционно-демократическая партия до октябрьского переворота установила связи с донским казачеством. Лидеры же кадетов хорошо представляли положение дел в Центральной России, а северо-восток Черноморского побережья воспринимался ими весьма смутно.

С началом кристаллизации новых властных структур лидеры партии воспользовались своим авторитетом для получения постов в Крымском краевом правительстве и гражданской администрации Добровольческой армии. Только обладание властью позволяло удерживаться между усиливавшимися консервативными и социалистическими настроениями.

Проблема, к которой мы обращаемся, на наш взгляд, позволяет несколько расширить представление о кейсе Гражданской войны в России. В данном случае речь идет о выявлении способов репрезентации лидерами Конституционно-демократической партии образа Белого Юга.

Процесс создания воображаемого пространства опирается на ряд образов, возникавших под влиянием культурных тенденций в рамках определенной группы акторов. В этом отношении анализ образа Белого Юга в сознании и языке лидеров партии Народной свободы сталкивается с рядом методологических трудностей, свойственных всякому исследованию в сфере ретроспективного анализа конструирования пространства и воображаемого картографирования.

Хронологически следует отделить образы Белого Юга, созданные в эмиграции и непосредственно в период Гражданской войны. Бинарная противоположность, заложенная в самом понятии Белого Юга, предполагает некое противопоставление северу. Здесь мы обнаруживаем не только противостояние с красной Москвой, но и связь с Сибирью, Северо-Западным краем и Русским Севером. Рукотворный характер рассматриваемого пространства требует определения аксиологических оснований, позволивших кадетам выработать собственное понимание рассматриваемого явления.

При определении методологического пути для нас важна работа Э. В. Саида о том, как Европа воспринимала восток. Теоретические положения данного исследования позволяют определить место Белого Юга в системе координат революционного пространства России 1917–1921 гг. Данное обстоятельство особенно показательно в процессе определения антибольшевистской национальной идентичности Белого Юга через бинарное противопоставление левой популистской партократии и национальной диктатуры добровольческого генералитета [Саид, 2006, с. 12, 516].

При определении же самого воображаемого пространства мы используем подход Р. М. Доунза и Д. Стеа. Последнее предполагает структурирование и фиксацию пространства на основе ценностных ориентиров определенного актора [Шенк, 2001, с. 4].

Как отмечает Квентин Скиннер, мы порой стремимся увидеть в идеях акторов определенные стройные аксиологические системы, которых в действительности могло не существовать [Скиннер, 2018, с. 60, 80]. В случае с нашим кейсом Белого Юга важно посмотреть на изменения, происходившие с восприятием кадетами южнорусской политики. И осуществить это необходимо именно через максимальное приближение к терминам 1919 года и либерального революционного дискурса в целом. Для этого мы должны овладеть кадетским политическим языком, отказаться от принудительного помещения идейных конструкций либеральных политиков в рамки современного взгляда.

Лишь для удобства нами используется конструкт «Белого Юга», так как для современной аудитории это словосочетание гораздо понятнее, чем «южнорусская политика». Однако в процессе интерпретации преимущественно нас интересует взаимовлияние социального контекста и языка [Скиннер, 2005, с. 145, 151]. Это необходимо как для преодоления искусственных образов победившей стороны, так и для выявления действительно существовавших способов восприятия и репрезентации пространства северо-восточного Причерноморья [Скиннер, 2006, с. 10].

Исследование опирается на материалы, созданные как в годы Гражданской войны, так и в период эмиграции. Причиной тому являются ограничения, связанные с документами ЦК партии и Всероссийского национального центра (надпартийной организации, действовавшей на всей территории страны). Это выражается в невозможности узнать о реальном существовании кадетов в пространстве Белого Юга и выявить субъективные оценки внешнего контекста.

Исследователи, изучающие воображаемое пространство, прибегают к схожему подходу. Так, Л. Вулф при рассмотрении конструирования просветителями представления о Восточной Европе постоянно указывает на процессы, происходившие в Речи Посполитой, на Балканах и Карпатах. Это позволило ему указать на ряд стереотипов просветителей об изучаемой ими местности [Вульф, 2003, с. 516–517, 519].

А. В. Резник при анализе пространственного конструирования партийной прессой СССР в 1920-е гг. уделяет внимание природе революционного течения, что в некоторой степени интегрирует исследование в определенный внешний контекст [Резник, 2012].

Еще одной из трудностей является нестандартный формат рассматриваемого пространства. Если ранее исследователи обращались к сюжетам достаточно устойчивым, представляли воображаемое картографирование стабильных пространств, то теперь нам необходимо анализировать скоротечное и хаотическое

явление. Для удобства мы определим два понятия, через которые кадетский вариант дифференциации пространства будет понятен вне зависимости от того внешнего давления, с которым Юг должен был бороться.

Итак, возникновение Белого Юга и южнорусской политики было связано хронологически с августом 1918 года, когда Добровольческая армия утвердилась на северной части Кубани [Трубецкой, 1981, с. 142]. Отсюда вытекает восприятие современников северо-восточного побережья Черного моря как символического центра борьбы, где совершались кубанские походы, куда стремились попасть русские офицеры. В то же время территория, занимаемая впоследствии армией, будет обозначаться периферией. Отсутствие позиционного фронта приводило к постоянному движению войск, бездействию гражданской власти, что способствовало отношению кадетов к пространству к северо-востоку от Харькова как к прифронтной полосе.

Определение же методов воображения пространства представлено нами в анализе оценок кадетами экономического и военно-политического аспектов существования Белого Юга. В результате производится наложение двух полей друг на друга для создания целостного кадетского образа южнорусского пространства.

Экономика

Отметим прежде всего проблему соотношения Белого Юга с остальными российскими антибольшевистскими образованиями. Изначальное первенство принадлежало Сибири, так как там в быстрые сроки были созданы армия и государственный аппарат, собрана значительная сырьевая база. Отсюда и возникает представление подпольного московского и южнорусского кадетизма о богатой Сибири, из которой должны двинуться основные силы русской армии на Москву. Видный кадет Щепкин писал из Москвы в Омск в марте 1919 года: *«Из сил, намеченных историей, сибирская, во главе с диктатором Колчаком, как будто бы единственно надежная. Южная связана с казачеством, которое в истории никогда не являлось носителем государственного единства и больше занималось собственными интересами <...> Необходимо дать уверенность, что с армиями идут хлеб, жиры, товары, обеспечение спокойного труда и возможность пользоваться его плодами...»* [Протоколы Центрального..., 1998, с. 478–479].

До того, как в Ростове-на-Дону узнали об окончательном военно-стратегическом поражении Сибири, Юг кадетами воспринимался в качестве вспомогательного очага борьбы с РСФСР [Соколов, 1921, с. 133].

По причине своих изначально скромных размеров Юг связывался с Добровольчеством. Происходило наложение образа Белого Юга на территорию, занятую армией Юга, а уже после все разнообразие местной жизни сталкивалось с кадетской унификацией населения и территории.

Нельзя сказать, что произошло тесное соприкосновение кадетизма с местным населением. Представление о новороссийском укладе жизни формировалось на основе сообщений местных представителей кадетской партии или Национального центра, тогда как для лидеров партии, приехавших из обеих столиц, единственной возможностью создать некий облик городского и сельского пространства являлась служба во властных структурах, т.е. там, где информированность была на порядок выше [Всероссийский национальный..., 2001, с. 145].

В результате отсутствия существенных результатов «въезда» на территорию Юга привычное представление о нем как о богатом регионе начинало преобладать. Примечательны в данном случае предложения князя П. Д. Долгорукова ноябре 1919 года по отправке южного хлеба на Русский Север, где, по мнению политика, изоляция и продовольственный кризис угрожали всему предприятию [Протоколы Центрального..., 1998, с. 522]. При этом совершенно не учитывался фактор сопротивления кубанского казачества, не допускавшего вывоз товаров за пределы своей области, а также слабое представление о состоянии северной армии Е. К. Миллера [Лукомский, 1922, с. 191].

Показательно заседание ЦК в мае 1919 года. Государственный контролер В. А. Степанов заявил о тотальном разграблении имущества [Протоколы Центрального..., 1998, с. 488]. Экстремальная среда провинциального города в условиях кризиса властных структур фиксировалась кадетами и перекладывалась на состояние гражданского управления. Левый кадет Н. И. Астров отмечал: *«Насилие, порка, грабежи, пьянство, гнусное поведение начальствующих лиц на местах, безнаказанность явных преступников и предателей, убогие, бездарные люди, трусы и развратники на местах, люди, принесшие с собой на места старые пороки, старое неумение, лень и самоуверенность...»* [Думова, 1982, с. 294]

Неумелое управление как бы портило изначально богатство Юга, что в сущности было связано с наложением друг на друга военного, политического и экономического измерений. Самостоятельное соприкосновение с пространством через прогулки по рынкам, обильно наполненным сельскохозяйственными культурами, создавало образ зажиточности, готовности к затяжному конфликту. Тем не менее общий образ южнорусского пространства не давал уверенности в жизнеспособности сопротивлявшегося Юга.

Население

Особенностью политической жизни Белого Юга являлся ориентир на поддержание хозяйственного благополучия [Всероссийский национальный..., 2001, с. 312]. Отсюда же вытекало сопротивление кадетов революционному сознанию и безответственности. Низкий уровень урбанизации на периферии способствовал воображению кадетами всего пространства, где власть имела минимальное влияние на положение дел, как совокупности потенциальных очагов сопротивления. Это тесно связано с предыдущим аспектом нашего рассмотрения, однако политический настрой крестьянства кадетами виделся анархическим. В результате такого понимания происходивших в деревне процессов предполагалось, что крестьянин не уверен в будущем, а потому необходимо дать ему то, что его бы успокоило и заставило бороться с большевизмом.

Совмещение принципов неприкосновенности частной собственности и защиты крестьянина от коллективистских начал социализма подкрепляло восприятие Юга как чисто сельскохозяйственного мужицкого мира. П. И. Новгородцев на заседании Всероссийского национального центра в феврале 1919 года заявил: *«Твердая государственная власть, не боящаяся смелых преобразований, но проводящая их на почве права и порядка и не позволяющая ни грабить, ни мстить за грабеж. Это и будет новым для деревни словом, и она покорится такой власти»* [Там же, с. 78]

Центр же разительно отличался от северных районов периферии. Казачество представлялось в сознании кадетов двояко. С одной стороны, этот пласт населения являлся неотъемлемой частью вооруженных сил Юга, с другой стороны, Рада Екатеринодара и Круг Новочеркасска создавали опасную среду внутреннего взрыва. В большей мере речь шла о компромиссе в вопросе властной конструкции. В октябре 1919 года на заседании ЦК обсуждалась идея Высшего Совета. Князь П. Д. Долгоруков подытожил размышления П. И. Новгородцева и К. Н. Соколова: *«отказаться от Высшего Совета, но ввиду неудачи переговоров с казаками надо быть готовыми к его возникновению»* [Протоколы Центрального..., 1998, с. 514].

На примере приведенной выше цитаты мы видим признание кадетами роли радикальных кубанских политиков, защищавших автономный характер своей области. Здесь мы подходим к проблеме многосоставной структуры Юга и восприятия кадетами этой особенности.

Следует сказать, что на протяжении всех революционных лет правое крыло партии не было готово принимать как должное центробежные тенденции на окраинах. Потому сосуществование казацких и добровольческих администраций придавало кадетскому образу Белого Юга черты если не раздробленности, то неорганизованности.

Национальная проблема сталкивалась с вопросом культурной идентичности, однако кадетами, привыкшими к однородной среде великорусских губерний, этот процесс оценивался неоднозначно. Либерализм допускал самостоятельность местной жизни, но он не мог в сложившихся обстоятельствах преодолеть противоречие между государственным компонентом общекадетской доктрины и центробежными тенденциями среди казачества и горских инородцев. Федерация, основанная на принципе национальной автономии, явилась одной из наиболее болезненных вопросов постбольшевистского государственного строительства.

Моральное состояние Добровольческой армии являлось одним из ключевых аспектов, волновавших кадетское руководство. Постоянное продвижение воинских частей приводило к расширению промежуточной зоны, которая позволяла свободно без страха перемещаться на север. Важно, что казачество не воспринималось кадетами исключительно в качестве сепаратистской силы. Князь П. Д. Долгоруков писал в августе 1919 года «Свободной речи»: *«Кубань – колыбель новой России и имя ее будет благословенно в истории России, а значит и в истории человечества. Здесь казацкая удаля сочеталась с великорусской доблестью <...> Мы уезжаем отсюда, мы движемся на Москву. Но и из Москвы мы будем присылать наших сынов и внуков сюда, к кубанским памятникам казацкой и всероссийской славы»* [Долгоруков, 1964, с. 138]. Апологетические нотки в таком опосредованном способе коммуникации с местным населением все-таки следует относить к сфере партийной пропаганды, ведь откровенность на заседаниях ЦК была гораздо выше, чем на публичных мероприятиях или в печати.

С августа по октябрь 1919 года кадетский ЦК готовился к партийной конференции в Харькове. Предложение собрать все региональные отделения партии для обсуждения актуальности программных положений говорит о существовании представления о Новороссии как о достаточно безопасной среде. В районах Таврии и Донбасса действовали формирования Н. И. Махно.

Можно сказать, быстрое продвижение Вооруженных сил Юга России на север успокаивало кадетов, оставляло надежду на успешное завершение военных действий при всех противоречиях тылового управления и столкновений субэлитных группировок. Лишь к осени усилилось тревожное чувство возможного поражения: *«Действительно, несмотря ни на что, вера в победу еще не покидала нас ни на минуту. Но с осени она приобрела какой-то новый оттенок. То была не спокойная уверенность опытного шахматиста, бесстрастно оценивающего шансы сторон и систематически передвигающего свои фигуры. То была скорее азартная игра счастливого карточного игрока, убежденного, что он нашел свою карту и смело делающего на нее ставку за ставкой»* [Соколов, 1921, с. 191].

Заключение

Лидеры кадетов на протяжении позднеимперского периода были тесно связаны с децентрализованными коллегиальными институтами, в частности, с университетами и земствами. Привычное существование в защищенной и обеспеченной столичной среде приводило к частому непониманию местных интересов. Сочетание экономического и военно-политического аспектов в процессе создания образа Белого Юга приводило к фокусированию внимания на тех аспектах, которые наиболее болезненно воспринимались московской либеральной традицией. Последняя не могла принять дезинтеграционные процессы горских окраин Кавказа, провокационные речи социалистов в Кубанской раде. Все это приводило к тому, что кадеты населяли Белый Юг соответствовавшими конкретной территории радикальными течениями.

Непривычные для кадетов условия ведения политической деятельности способствовали опосредованному соприкосновению со своеобразием южнорусской жизни. В результате представления кадетов о Юге выкристаллизовывались через непосредственное пребывание на территории и формулирование предписанных норм поведения. Последнее выражалось в мнимом знании подлинных желаний населения, в результате чего возникала целая программа взаимоотношения власти Белого Юга и разнородного населения. В этом смысле цивилизованный Крым и правительственный отрезок территории между Таганрогом и Новороссийском противопоставлялись бунтовавшим районам Ставрополя, Таврии, Донбасса.

Библиографический список

1. Всероссийский национальный центр / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2001. 608 с.
2. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения: пер. с англ. М.: Новое лит. обозрение, 2003. 548 с.
3. *Долгоруков П. Д.* Великая разруха. Мадрид: Издание кн. М. П. Долгорукова, 1964. 460 с.
4. *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917 – 1920 гг.). М.: Наука, 1982. 416 с.
5. *Лукомский А. С.* Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Берлин: Отто Кирхнер и Ко, 1922. Т. 2. 332 с.
6. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1915-1920 гг. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1998. 590 с.

7. Резник А. В. «Правда», воображение и власть: политическое карто-графирование внутрипартийной оппозиции 1923 года // The NEP Era: Soviet Russia, 1921–1928. 2012. Vol. 6. P. 27–54.
8. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб: Русский мир, 2006. 636 с.
9. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 53–122.
10. Скиннер К. Свобода до либерализма; пер. с англ. А. В. Магуна; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 120 с.
11. Скиннер К. Язык и политические изменения // Логос. 2005. № 3 (48). С. 143–152.
12. Соколов К. Н. Правление генерала Деникина (из воспоминаний). София. Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. 304 с.
13. Трубецкой Г. Н. Годы смут и надежд. 1917–1919 гг. Монреаль: Русь, 1981. 263 с.
14. Шенк Ф. Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. 2001. № 4. С. 4–17.

**SPACE OF THE WHITE SOUTH IN THE PERCEPTION
OF THE CADET PARTY LEADERS:
DECEMBER 1918 – NOVEMBER 1919**

Gazizullin Timur A.

Perm State University, 15, Bukireva str., Perm, 614990, Russia,
timuralgaz25@gmail.com

The article examines the process of evolution of the image of the White South, which arose among the leaders of the Party of People's Freedom during the apogee of the Civil War in Russia. Based on the theoretical works of K. Skinner, E. Said and the principles of imaginary mapping by R. M. Downs and D. Stea, the author divides the space of the northeastern Black Sea region into the levels of functioning of a heterogeneous society. At the same time, the rejection of the use of labels "red" and "white" is emphasized due to the superficial nature of these distinctive features of the actors. It points to the initial optimistic expectation of liberal politicians that the South will become a significant supplier of raw materials for the all-Russian resistance to Bolshevism. Author emphasizes the discrepancy between the actual territory and the imaginary north Black Sea region. Leaders of the party inherited imperial logic of political control, as well as to the rejection of the horizontal authoritarian communication with local actors that prevailed in region in 1918.

Key words: the Constitutional Democratic Party; White South; mental maps; Volunteer Army; Russian liberalism.

ГЕНДЕРНОЕ НАСИЛИЕ В СОВЕТСКОМ АНЕКДОТЕ: ВОЗМОЖНА ЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ?

Мамин Роман Владимирович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20,
rvmamin@edu.hse.ru

В исторических исследованиях, посвященных советскому периоду, анекдоты анализируются как исторический источник, однако теоретизация такого материала является трудной задачей, так как требует выхода за дисциплинарные границы истории. В представленной статье разбираются три теории — психоанализ, перформативная теория гендера и теория «внеаходимости», которые могут использоваться при анализе практик рассказывания советского анекдота. В качестве объекта исследования приводятся анекдоты о гендерном насилии. Источниковая база исследования также включает советские эго-документы. С помощью контекстуализации демонстрируется гетерогенность функций рассказывания советских анекдотов и советского опыта в целом.

Ключевые слова: советский анекдот; гендерная история; историческая антропология; история СССР; исследования юмора.

Историки уже давно анализируют советские анекдоты как источник в исследованиях [Draitser, 1999], однако зачастую только на уровне иллюстративного материала. Связано это с тем, что юмор — сложный социокультурный феномен, для изучения которого требуется выйти за дисциплинарные границы исторической науки. Часто ученые придерживаются какой-либо одной теории, объясняющей природу юмора. Однако инструменты для исследования юмора в исторической перспективе разнообразны, и их можно позаимствовать, например, из социальных и гуманитарных наук — психологии, антропологии и философии. В данной статье я предлагаю проанализировать три теории, которые могут быть задействованы для интерпретации социальных и индивидуально-психологических функций юмора, — в данном случае речь пойдет о психоанализе, перформативной теории гендера и идеи Юрчака о «внеаходимости» советского субъекта.

Главными источниками данного исследования являются советские анекдоты, в которых высмеивается гендерное насилие, а также отрывки эго-документов, позволяющие мне контекстуализировать изучаемый материал. Стоит сразу

оговориться, что группировка анекдотов по предложенному принципу – это во многом проявление исследовательской субъективности, так как и рассказчик, и слушатели могли не воспринимать гендерную специфику или не считать ее как основополагающую. Тем не менее, как мне кажется, такой взгляд плодотворен, ведь игнорирование тоже в каком-то смысле маркер исторических и культурных условий. Вопрос гендерного насилия выбран в связи с тем, что, во-первых, он дает возможность поразмышлять не только о личных особенностях индивида, но и о гендерном порядке целого советского общества; во-вторых, уже в советский период данная тема для шуток вызывала неоднозначную реакцию – и тем интереснее проследить возможные траектории отношения к анекдотам на эту тему.

О юморе размышляли еще с античных времен. В начале XX века появилась одна из самых влиятельных и распространенных теорий, объясняющая юмор. Она связана с деятельностью Зигмунда Фрейда, который в своей книге «Остроумие и его отношение к бессознательному» обосновывал психоаналитический подход к интерпретации юмора [Фрейд, 2011]. Конечно, многие тезисы и умозаключения Фрейда вызывают споры по сей день, а часть из них и вовсе полностью отвергнута научным сообществом. Тем не менее, в рамках *humour studies* фрейдовские концепты важны, так как они лежат в основе современной теории разрядки (*relief theory*) [Matte, 2001]. Главный тезис Фрейда заключается в том, что юмор – это результат конфликта бессознательного и сознательного; возможность выражения того, что в иной форме сказанным быть не может, – на основе чего и возникает удовольствие [Фрейд, 2011]. Таким образом, у юмора есть не только индивидуально-психологическое, но и социальное измерение.

Примером, с помощью которого можно проиллюстрировать такое понимание природы юмора, является дневниковая запись Льва Аннинского » [Лев Аннинский] от 10 июня 1951 года (ему на тот момент 17 лет):

«Девушка в красном платье сказала:

– Вот он всегда так! Мне в прошлом году так засадил!

– Приятно вспомнить? – брякнул я совершенно автоматически. Она взглянула на меня и отвернулась, покраснев. Раздался хохот. Тут я сообразил, ЧТО сморозил: есть анекдот про старуху, которая смеется на том месте, где ее пятьдесят лет назад изнасиловали: приятно вспомнить. Лида спросила: – Чего вы смеетесь? – Чтобы понять это, надо знать фольклор, – заметил я с чувством: была – не была! Раздался новый взрыв хохота. Лида нахмурилась: – Скорее жаргон. Девушка в красном отошла села на траву, разговаривая с подружками. Потом встала

и подошла опять к площадке. Володька Вахтинский взглянул на нее и расхохотался. Мне стало не по себе, и я пошел домой, тем более, что уже вечерело.

Вероятно, речь идет об этом анекдоте:

«Бабка столетняя орет на улице: “Изнасиловали! Изнасиловали!” Подбегает милиционер: “Кого изнасиловали? Где? Когда?” Бабка: “Меня изнасиловали. На этом самом месте в 1914 году!” Милиционер: “Так что ж ты сейчас то орешь? Бабка: Так приятно вспомнить!”».

Пуант анекдота содержит представление о том, что женщины, столкнувшись с сексуальным насилием, на самом деле жертвами не являются, и, говоря языком анекдота, – им это «приятно вспомнить». В компании молодых ребят отсылка Льва Аннинского к этому анекдоту вызывает противоречивые чувства: с одной стороны, друзья (скорее всего, исключительно юноши) Льва встречают эту шутку смехом, а с другой – девушки не разделяют этих эмоций. Для концептуализации этого примера практики рассказывания советского анекдота можно заимствовать психоаналитический понятийный аппарат. Например, «автоматическое» произнесение Львом части анекдота – это влияние бессознательного; а эротический характер юмора (в данном случае подразумеваемый, но не проговариваемый) служит подкрепляющим аргументом в пользу этой позиции. В неоднозначной реакции на шутку мы видим проявление социального измерения юмора, который не всегда и не со всеми уместен и понятен и который регулируется с помощью некоторых механизмов. Однако целью данного исследования не является аргументация того, что психоанализ – это «истинная» теория, дающая нам ключ к пониманию юмора, а попытка применения инструментов к анализу анекдотов как исторического источника.

Обратимся к теории перформативности гендера Джудит Батлер. Эта теория была разработана исследовательницей в 80-е годы прошлого века. Ключевым термином в рамках теории Батлер является понятие «перформативного акта», которое было позаимствовано у Джона Остина. Джон Остин писал о перформативных актах в рамках философии языка, Джудит Батлер, в свою очередь, выносит их в область феноменологии. По мнению исследовательницы, гендер не есть объективные характеристики субъекта, а «роль», которая воспроизводится через перформативные акты — действия, конструирующие и конституирующие гендер [Butler, 1988]. И хотя Батлер не касается в своих работах темы юмора, мне кажется, практики рассказывания анекдота можно рассматривать через призму этой теории, то есть анализировать их как перформативные акты.

Так, 6 августа 1943 года Виктор Житомирский, начальник станции оперативной связи Ленинградского фронта [Виктор Исаакович Житомирский...], пишет в письме своей жене:

«Я слушал и удивлялся, откуда столько анекдотов и столько мастеров рассказчиков. Каждый считал своим долгом тоже рассказать, картинно рассказывал, вызывал взрывы хохота, сотрясающие баню. Я давно не слышал, а может быть, и никогда не слышал столько похабщины, цинизма по отношению к женщине, сколько пришлось услышать за эти полчаса в бане, моясь с нашим офицерством...» [Там же].

В воспоминания не указано, какие анекдоты услышал автор. Но в изучаемый период был популярен следующий анекдот на данную тему:

«Жена мужу: “За что ты меня бьешь, Вася?” – “Знал бы за что – убил бы”» [Советский анекдот..., 2014, с. 751].

Возвращаясь к письму Виктора Житомирского, нужно отметить, что «мужское» пространство – баня – сопровождается «мужским» ритуалом рассказывания анекдотов о женщинах. То есть коллектив с помощью этой практики конструирует свой образ, связанный с доминантной маскулинностью, и образ «другого». В историографии уже поднимался вопрос о связи маскулинности и советского анекдота [Smirnova, 2016]. В письме Виктора интересно, что он сам признает шутки мужского коллектива «похабными» и «циничными». Вероятно, он не согласен с типичным мужским гендерным контрактом, который характеризуется брутальностью и грубостью, в том числе по отношению к женщинам. Тем не менее, этот пример может быть проинтерпретирован с помощью теории Джудит Батлер: данный случай представляет собой не просто безобидные рассказы анекдотов в бане, но и перформативные акты, через которые мужчины конструируют свою идентичность.

Однако «похабные» анекдоты и анекдоты о гендерном насилии рассказывали не только мужчины. Наталья Самойленко [Наталья Самойленко], советская школьница, оставила 14 января 1949 такую запись в своем дневнике:

«Стану такой положительной, неинтересной... Всё буду делать по расписанию: в шесть — вставать и до половины седьмого заниматься самоусовершенствованием; потом завтракать три минуты: положительные, особенно женщины, должны есть мало. Потом до восьми часов заниматься спортом. <...> Тогда ведь нельзя будет рассказывать похабных анекдотов, да и не про кого: все станут положительными».

Или такой пример из дневника Владимира Бессонова [Владимир Бессонов], написанный почти полвека спустя, в 1991 году: «Сейчас снова еду в центр. Рассказал об увиденном одной знакомой. Она ответила таким анекдотом: Одна обезьяна рассказывает другой: “Вчера пошла лесом домой. В лесу на меня напали дикие звери и изнасиловали. Сегодня пошла той же дорогой – и опять меня изнасиловали. Завтра снова пойду лесом”».

В первом приведенном тексте Наталья Самойленко рассуждает о возможном вреде, если все люди вдруг станут «положительными», и сокрушается жизни без «похабных» анекдотов; во втором – автор дневника обсуждает со своей подругой разворачивающиеся на улицах столицы политические действия. Эти два случая, на первый взгляд имеющие мало общего, доказывают, что «похабные» анекдоты не были уделом мужчин. Это наблюдение позволяет включить в разговор об анекдотах теорию о венаходимости, описанную Алексеем Юрчаком в его знаменитой книге «Это было навсегда, пока не кончилось». Изучая распад Советского Союза, и отношение к этому последнего поколения советских людей, исследователь вводит понятие «венаходимости», которое обосновывает его игнорирование бинарных оппозиций по типу «сопротивление-согласие» [Юрчак, 2014]. По мнению Юрчака, «нормальный» советский субъект одновременно и герой властного дискурса, и его автор. Именно на этом фоне складывается так называемая «ирония венаходимости», – и анекдот является частью этого феномена [Юрчак, 2014, с. 534]. Советский анекдот, по мнению Алексея Юрчака, не критиковал власть, не свидетельствовал об «истинном отношении» советских людей, а занимал мета-позицию, из которой высмеивалось все происходящее. Таким образом, анекдот связан не столько с индивидуально-психологическими характеристиками субъекта, сколько с социальной структурой советского общества. Анекдот выступал «механизмом регулирования динамично развивающихся социальных отношений и смыслов» [Юрчак, 2014, с. 550]. В рамках данного подхода можно сказать, что и для Натальи Самойловой, и для знакомой Владимира Бессонова не обязательно сам акт насилия или похабность являлись смешными. Они не интериоризировали позицию, выраженную в анекдотах, но при этом находили возможность посмеяться.

Таким образом, все три теории, которые на первый взгляд во многом противоречат друг другу, служат в зависимости от контекста почвой для интерпретации и анализа советского анекдота.

Такое многообразие подходов и теорий, которое может быть использовано при изучении анекдота, свидетельствует о крайней гетерогенности советского

опыта: некоторые действительно считали, что женщины склонны «подсознательно» хотеть быть изнасилованными. Например, Эрих Голлербах, искусствовед и критик [Эрих Голлербах], писал в своем дневнике:

«Ему неясен “секрет”, состоящий в том, что самке *хотелось* (хотя бы *бессознательно*) быть изнасилованной. Тут уместно вспомнить анекдот о том, как некая женщина подала в суд на мужчину: он-де поймал ее в коридоре, прижал к стене и употребил, стоя. “Но ведь он маленький, а вы высокая”, – замечает судья. – “А я... присела”, – говорит пострадавшая и этим признанием подрывает всякую возможность обвинения».

Другие же, вероятно, не относились к такому роду анекдотов настолько серьезно – это был повод посмеяться, но не более. Анекдоты и реакция на них особенно интересны с точки зрения исторической антропологии, в рамках которой исследуются повседневные практики прошлого. Конечно, это многое говорит и о социальной структуре – о гендерных ролях и взаимоотношениях, представлениях и нормах-девиациях. В любом случае анализ советских анекдотов требует контекстуализации: только так можно попытаться заглянуть в индивидуальные мотивации и социальные механизмы. Применение различных подходов и методологий позволяет историку дать больше возможностей для анализа и контекстуализации советского анекдота.

Библиографический список

1. Виктор Исаакович Житомирский, начальник станции оперативной связи Ленинградского фронта // Ленинград. Победа. URL: <https://leningradpobeda.ru/diaries/viktor-isaakovich-zhitomirskiy-nachalnik-stancii-operativnoy-svyazi-leningradskogo-fronta> (дата обращения: 22.11.2021).
2. Владимир Бессонов // Прожито. URL: <https://prozhito.org/person/621> (дата обращения: 15.11.2021).
3. Лев Аннинский // Прожито. URL: <https://prozhito.org/person/2585> (дата обращения: 15.11.2021).
4. Наталья Самойленко // Прожито. URL: <https://prozhito.org/person/5572> (дата обращения: 16.11.2021).
5. Советский анекдот. Указатель сюжетов / сост. М. Мельниченко. М.,: Новое литературное обозрение, 2014. 1104 с.
6. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. М.,: Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.
7. Эрих Голлербах // Прожито. URL: <https://prozhito.org/person/1103> (дата обращения: 15.11.2021).
8. Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.,: Новое литературное обозрение, 2019. 664 с.

9. *Butler J.* Performative Acts and Gender Constitution: An Essay in Phenomenology and Feminist Theory // *Theatre Journal*. 1988. Vol. 40, No. 4. P. 519–531.
10. *Draitser E.* Making War, not Love: Gender and Sexuality in Russian Humour. New York: St. Martin's Press, 1999. 320 p.
11. *Matte G.* A Psychoanalytical Perspective of Humor // *Humor*. 2001. Vol. 14, No. 1. P. 223–241.
12. *Smirnova M.* Multiple Masculinities: Gender Performativity in Soviet Political Humor // *Men and Masculinities*. 2016. Vol. 20, No. 2. P. 204–229.

GENDER-BASED VIOLENCE IN SOVIET JOKES: IS INTERPRETATION POSSIBLE?

Mamin Roman V.

National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya str.,
Moscow, 101000, Russia, rvmamin@edu.hse.ru

In historical studies devoted to Soviet period jokes are often used as historical sources. However, theorizing of this material is not an easy task, because this requires transdisciplinary approach. In this article three theories are in focus. These theories are following: psychoanalysis, gender performativity and theory of vnyenakhodimost'. They all can be used to analyse the practices of telling Soviet jokes. Jokes about gender-based violence and Soviet ego-documents are used as historical sources in this work. Heterogeneity of Soviet jokes functions is evidenced by contextualization of these sources.

Key words: soviet jokes; gender history; historical anthropology; soviet history; humor studies.

ВЛИЯНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЖИВОПИСИ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ОБРАЗА СМЕРТИ В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ ИСКУССТВЕ

Шапошникова Галина Алексеевна

Сибирский федеральный университет, 660028, Россия, Красноярск,
пр. Свободный, 63, galya.shaposhnickova@yandex.ru

Статья рассматривает причины появления макабрического искусства – искусства, иллюстрирующего процесс жизни и умирания, представленный в образе живых и в образе мертвецов в процессе танца или церемониального шествия. В результате анализа источников и произведений выделяются общие черты, которые характеризуют Смерть как персонажа. Знание об этих чертах и особенностях накладываются на репрезентанты современного цифрового искусства и позволяют выделить тенденции Средневековья и современных произведениях.

Ключевые слова: *Средневековье; живопись; смерть; макабр; цифровое искусство; Танец Смерти.*

Образ смертности визуализировал в виде структуру Макабр. Макабр – это изобразительный и литературный сюжет, берущий своё начало в Средних веках. Данный сюжет изображает эсхатологические настроения общества и служил инструментом для борьбы со страхом смерти, продиктованным христианством с его концептом конечности человека и всего мира [Сапожникова, 2016].

В Европе подобная сюжетика появляется во Франции; «макабр» в переводе с французского означает «жуткий».

В Средние века процесс жизни и смерти выступал в виде танца или торжественного шествия, где и живые, и мёртвые двигаются под музыку смерти.

Большинство исследований сходятся в гипотезах о появлении подобной структуры. Самые первые наиболее полно сформированные образы смерти появляются в период Средневековья. Это связано с элементами политических и социальных кризисов: частая смена правителей [Oosterwijk, 2008], эпидемия чумы и голод вследствие этого [Carrade, 2016], локальные военные конфликты, нестабильная внутренняя политика государств. Всё это заставило художника по-другому посмотреть на жизнь и смерть, которые всегда сопровождают человека.

Большинство исследований также рассматривает наиболее важные произведения изобразительного искусства – сюжет «Трое живых, трое мёртвых», фреска на кладбище Святых Невинных, «Пляска смерти» Бернта Нотке.

Персонафикация смерти раскрыта в серии произведений изобразительного искусства, называемые «Танец Смерти» («Macabre»). Визуально это раскрывается в виде процессии из живых и мёртвых,двигающихся под музыку, которую издают Смерть и другие мертвецы на своих музыкальных инструментах. Классическое изображение смерти в период Средних веков характеризуется визуализацией её как активного, самостоятельного персонажа: это скелет, закутанный в тяжелый тёмный саван, часто она выступает с музыкальным инструментом. В её образе можно выделить ряд атрибутов, которые демонстрируют её власть и доминантность – это может быть царственная корона, высокий рост, земледельческий инструмент (смерть как процесс жатвы – сбора душ), она может скакать на грозном коне [Сапожникова, 2016]. Более того, она верховная фигура в танце Смерти, которая ведёт всех персонажей, и живых, и мёртвых, за собой.

Её спутниками и помощниками в данной сцене являются мертвецы, попарно сопровождающие живых в объятия смерти [Danse macabre, 1486]. Они изображены более изящно и интересно, чем живые: когда как в изображении живых присутствует стремление подчеркнуть больше социальный статус, чем личность, умершие же изображены более индивидуально – у них свой оттенок кожи (отсылка к разложению трупа), характерная улыбка, ветошь, заменяющая одеяние, инструмент в руке и экспрессивная поза [Mauney, 2020].

Таким образом, в изображении смерти мы видим динамичную, активную тенденцию движения, которая присуща как живым, так и мёртвым, но конец этого танца известен – люди станцуют со Смертью и войдут в её свиту.

Зная эти характерные черты в изображении Смерти, которые основаны на использовании научных методов, таких как наблюдение, анализ, синтез и экстраполяция, позволяющие определить Смерть как самостоятельного персонажа, интересно рассмотреть трансформацию Пляски Смерти и изучить влияние Средневекового опыта на современное цифровое искусство.

Для анализа изменений в иллюстрации Смерти взят ряд произведений цифрового искусства: «Danse Macabre» Peter Polach; иллюстрация без названия, изображающая трёх танцующих под луной скелетов, авторства Junaid Mortimer и обложка трёхтомника литературного произведения «Макабр», созданная иллюстратором Ольгой Закис.

При анализе «Danse Macabre» Peter Polach можно увидеть Пляску Смерти: герои произведения – мертвецы – сгруппированы в танцующий беснующийся

круг, они двигаются под музыку; один из героев держит музыкальный инструмент. В отличие от средневековых образцов, этот Танец Смерти не протяжён по горизонтали, он сгруппирован в одной смысловой точке, но динамика и активность поз умерших говорят о безумной пляске. Более того, сцена происходит не на открытом воздухе, как это было в Средние века [Митькина, 2019], а внутри разрушенного сооружения.

Junaid Mortimer создаёт безымянную работу, которую по сюжету можно отнести к произведениям Танца Смерти: в чёрно-белой компьютерной графике изображены три скелета, их фигуры также не объединены в процессию, но их присутствие и пляска под луной у костра (элемент огня, кстати, присутствует и в средневековых образцах) позволяет судить о наличии смерти. Они являются её лицами и прямыми персонификациями.

Обложка литературного произведения «Макабр» Милы Нокс, созданная Ольгой Закис, не наполнена характерной для других произведений динамикой, но это скорее говорит о выходе изображения Смерти на новый уровень – символический. В её работе смерть предстаёт обрывочно, на уровне общих элементов, которые связаны со средневековой традицией: это изображение черепа и костей запястья, которые знаменуют присутствие смерти. Это закрепляется ещё и тем, что в литературном сюжете, обложкой к которому и является данная работа, Смерть является одним из действующих героев.

Таким образом, можно увидеть определённую преемственность в изображении Смерти, которая берёт своё начало ещё в искусстве Средних веков. Но современные произведения, сохраняя ставшие уже каноном черты, преобразуют их, добавляя в свои работы больше символизма и динамичности. Преемственность заключается в: сохранении сюжетики движения или шествия; наличие музыкальных инструментов или танца; каноническое изображение мертвецов в их скелетообразном или трупобразном виде. Но при этом есть и расхождения с более поздними образцами: группа живых персонажей исчезает совсем.

Библиографический список

1. Сапожникова Л. М. Макабрические сюжеты в искусстве средневековой Европы // Культура и цивилизация. 2016. № 3. С. 44–52.
2. Митькина А. Н. Картины смерти после эпидемии чумы в 1348–1353гг. // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения: сб. материалов XIV Всероссийской науч. конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Томск, 2019. С. 291–295.

3. Carrade S. M. The Black Death in the Medieval World: How Art Reflected the Human. Experience Through a Macabre Lens: thesis. ... Bachelor of Arts. San Rafael, 2016. 50 p.
4. Oosterwijk S. Of Dead Kings, Dukes and Constables: The Historical Context of the Danse Macabre in Late Medieval Paris // British Archaeological Association. 2008. № 161. P. 131–162.
5. Implications of Text and Visuals in Late Medieval Paris: A Case Study of the Danse Macabre in the Cemetery of the Holy Innocents / Rachel Mauney. Chapel Hill: The University of North Carolina, 2020. 76 p.
6. Danse macabre 1486. La grant danse macabre des hommes et des femmes. Les dis des trois mors ettrois vifs. Le debat du corps et de l'ame. Paris, 1486. 4 s.
7. Danse macabre 1491. La danse macabre des femmes. Paris: G. March-and, 1491. 5 p.

**THE INFLUENCE OF MEDIEVAL PAINTING
ON THE TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF DEATH
IN MODERN DIGITAL ART**

Shaposhnickova Galina A.

Siberian Federal University, 63, Svobody ave., Krasnoyarsk, 660028, Russia,
galya.shaposhnickova@yandex.ru

The article examines the reasons for the emergence of macabre art – art that illustrates the process of life and dying, presented in the form of the living and in the form of the dead in the process of a dance or a ceremonial procession. With the analysis of sources and specific works, common features are highlighted that would characterize Death as a character. Knowledge of these traits and features is superimposed on contemporary digital art representatives and examines the trends of the Middle Ages and contemporary works.

Key words: Middle Ages; painting; death; macabre; digital art; Dance of Death.

ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСЛАНДСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ XXI ВЕКА

Рычина Ксения Александровна

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15, ksaenetesis@gmail.com

После получения независимости от Дании Исландия начала искать свой путь в развитии, в том числе и в кинематографе. До экономического кризиса 2008 года страна преимущественно ориентировалась на Европейский мир, однако после вектор развития изменился. Исландия начала считаться страной «на периферии» и её народ встал перед выбором: потерять идентичность ради экономического выживания или сохранить особенности своей страны и нации. В статье проведен анализ исландских фильмов, вышедших после 2008 года, и отражение кризиса идентичности исландцев в них. Данный вопрос рассматривается с точки зрения концепции множественных модерностей. На фоне социальных и экономических проблем у героев фильмов возникает кризис идентичности и проблема в отношении себя к одному из миров: исландскому или европейскому.

Ключевые слова: *Исландия; множественные модерности; кинематограф; исландский кинематограф; кризис идентичности.*

Исландия долгое время «выпадала» из дискуссий на тему национальной и культурной идентичности, модерна, колониального дискурса. Однако из-за «включения» страны в процесс глобализации и на фоне финансового кризиса 2008 года в самой Исландии и за ее пределами появляется все больше исследований, которые посвящены как осмыслению положения Исландии в рамках упомянутых дискуссий, так и обсуждению, применимы ли вопросы, которые порождают эти дискуссии, к стране.

Данная работа направлена на рассмотрение фильмов Исландии как поля дискурса множественных модерностей. В связи с этим целью работы был анализ того, как кризисы модерна и идентичности отражены в кинофильмах Исландии XXI века. Актуальность работы связана с востребованностью концепции множественных модерностей в рамках осмысления исторического развития Исландии в XX и XXI веках.

Как часть дискуссий о модерностях Исландия в основном воспринимается в связке с другими странами Скандинавии, например, в журнале «Scandinavian Studies» в статье Йохана Хеглунда и Линды Андерсон [*Höglund, Andersson,*

2019]. Как часть дискурса о колониализме, Исландия стала отдельным объектом исследования благодаря работам Кристин Лофтсдоттир, рассматривающей Исландию в контексте страны-периферии [*Loftsdóttir*, 2018]. С ней согласна отечественная исследовательница И.А. Кучерова, которая также анализирует Исландию в рамках концепции «удаленности» после 2008 года [*Кучерова*, 2018, с. 197–210]. В монографии «Исландия и изображения севера» [*Iceland and Images of the North*, 2011] разбираются изменения в культурной идентичности, произошедшей за прошедшие два десятилетия. Исландское кино и отражение в нем процессов модернизации страны изучал в своих работах Себастьян Якуб Конефал [*Konefal*, 2019]. Также Питер Коуи написал объемную работу об исландских фильмах, где проводит их ретроспективный анализ с 1980-х годов до 2000-х и показывает зарождение тех тем в исландском кинематографе, которые будут актуальны и в настоящее время [*Cowie*, 1995]. Иногда исследователи акцентируют свое внимание на одном фильме и его центральной теме. О. Матвеевко в одной из своих статей выбрала для анализа фильм «Металлистка», рассуждая на тему изображения в данном фильме человеческих переживаний и места «уныния» в сюжете [*Матвеевко*, 2014]. Однако теория множественных модерностей по отношению к Исландии применялась недостаточно. Это позволяет говорить о новизне обсуждаемой темы.

В качестве методологии была выбрана теория, выдвинутая Шмуэлем Эйзенштадом, а также побочная концепция «переплетенных модерностей» [*Фомичев*, 2001; *Eisenstadt*, 2011]. Эту концепцию развивали Герн Терборн, Йохан Арнасон и Майкл Дэвид-Фокс. Идея множественных модерностей объясняет столкновение культурных программ по мере развития общества. Современность в рамках подхода переплетенных модерностей понимается как «культура, эпоха, общество, социальная сфера в определенных временных рамках» [*Фокс*, 2016]. В рамках данного исследования модерность – общее собрание социального состояния общества в настоящее время, его политического аспекта и культуры. Анализ модерности того или иного общества может выявить то, насколько сильно разорваны связи между прошлым и будущим, по какому принципу выстроено данное общество нового типа, а также то, как изменилась культура общества после перехода к модерности, остались ли в ней реликты «прошлого» и «архаического», или она полностью стала продуктом Нового Времени. Теория множественных модерностей также предполагает, что не существует какого-то единого пути развития обществ и обретения им современности: в каждом рассматриваемом случае будет присутствовать ряд характеристик, отличающий данный случай от других. Переплетения модерностей возникают вне географических границ, что

актуально для Исландии ввиду ситуации с миграциями: например, историческое переселение исландцев в Канаду и «новая Исландия» в XIX в., миграция так называемых «бизнес-викингов» в Европу перед экономическим кризисом 2008-ого года. Также модернность может быть переплетена с элементами традиции [Фокс, 2016]. Традиционность чаще всего связывают с природой из-за связи с сельским хозяйством.

Учитывая контекст природы в искусстве Исландии и важности природного вопроса в повседневной жизни страны стоит также обратить внимание на экологическую историю. О близости экологической истории и вопросов модерности писал Йохан Арнасон [Арнасон, 2021]. Арнасон утверждает, что направление экологической истории и цивилизационных проблем в последнее время сблизилось и использование обоих подходов принесет больший смысл как экологической истории, так и цивилизационному подходу [Арнасон, 2021]. Окружающая среда была тем, что всегда сопровождало человечество, заставляло взаимодействовать с ней, отвечать на природные вызовы. Отношения человек-природа не исчезли и в эпоху модерна. Йохан Радкау в монографии «Природа и власть. Всемирная история окружающей среды» также затрагивает вопросы о взаимодействии человека с природой в эпоху модерна и дискутирует по вопросу о том, является ли знакомое нам понятие «природа» конструктором Нового Времени или появилось раньше. Также автор поднимает вопрос о том, как современные страны справляются с экологическими вызовами и как туризм по сути становится основой эмоционального восприятия природы [Радкау, 2014]. Для Исландии использование собственных природных ресурсов и туристический сектор являются актуальными вопросами экономики.

Источниками данного исследования были выбраны фильмы исландского производства, выпущенные с 2010-х годов. Хронологически выборка обусловлена тем, что после 2008 года среди исландцев начинают проявляться дискуссии о кризисе идентичности и поисках себя. Подобный поиск наиболее характерно отражен в фильмах, вышедших после экономического кризиса. Рассматриваемые киноленты, такие как «Металлистка», «Жизнь на виду», «Каменное сердце», «Женщина на войне» и «Дышите нормально» показывают социальные, политические и экономические проблемы Исландии. Кинолента «Жизнь на виду» получила в 2015 году исландскую премию «Эдда» за лучший фильм, сценарий, работу режиссёра, операторскую работу и монтаж, а также за лучший саундтрек, написанный Олафуром Арнальдсом. Актриса Гера Хилмарсдоттир получила приз кинофестиваля в Берлине «Падающая звезда» в 2015 году за главную женскую роль. Фильм «Девственная гора» победил на нью-йоркском кинофестивале

«Tribeca Film Festiva» в 2015 году в категории «лучший сценарий», актер Гуннар Йонссон был назван лучшим актером.

Из публицистических источников исследования стоит отметить исландский интернет-журнал «Reykjavik Grapevine», в котором обсуждаются и выкладываются рецензии на исландские фильмы. Также была использована база данных кинематографа IMDb.

В 1918 году Исландия становится практически полностью независимой от Дании. В исландском обществе процветают идеи об исключительности и трудолюбии исландцев, а также об исландцах как наследниках эпохи саг. Особенно поиск своего места в мире исландцы начинают после 1944 года, пытаясь стать в ряд с другими европейскими странами [Хьяульмарссон, 2003]. В рамках исторического развития Исландии в XX века стоит говорить об исландской модерности, как о региональной модерности, поскольку процесс достижения современности, похожий на европейский процесс, благодаря влиянию лютеранства и Дании, имел отличия. Отличительная особенность развития модерности связана прежде всего с природным ресурсом Исландии и географическим положением страны – ресурсы участвовали в развитии современности. Рыболовный промысел считается одним из основных видов деятельности в Исландии, в данной сфере занята большая часть населения в деревнях и городах. В Исландии практикуется использование морских ресурсов для выработки энергии, продолжает развиваться животноводство и сельское хозяйство, которое еще до 1945 года велось традиционным способом.

Йоахим Радкау пишет о том, что процессы использования природных ресурсов в Исландии является примером разрушения окружающей среды, однако основной момент кризиса он определяет не XX или XXI веком, а намного раньше. Именно деградация окружающей среды из-за деятельности человека стала одной из причин потери Исландии автономии. «Чтобы оплатить аренду, им приходилось обрабатывать поля каждый год, так что они не могли позволить себе ни пар, ни залежь для восстановления почв. В этом отношении судьба Исландии также попадает под рубрику "колониализм"», – утверждает Радкау [Радкау, 2014].

В социальном плане Исландия же имеет отличительную черту в виде альтинга, который с точки зрения исландцев представляется прародителем современной демократии. Сам альтинг является особо важным феноменом, его восстановление в 1843 году запускает борьбу за независимость [Хьяульмарссон, 2003]. В культурном плане Исландия отличается трепетным отношением к своему литературному прошлому и исландскому языку, который до начала XIX века

не слишком высоко котировался, а в нынешнее время на государственном уровне защищен от изменений, например, от появления заимствованных из других языков слов. Все обозначенное вместе составляет основу для развития региональной модерности Исландии и исландской идентичности, которую можно расценивать как результат общего исторического наследия населения, культуры и языка.

Одним из направлений воздействия на исландскую модерность можно считать влияние Дании. Статус Исландии как колонии до сих пор является спорным для исследователей. Исландские антропологи и социологи склоняются к теории о том, что если и не считать Исландию колонией, то не стоит забывать о том, что страна всё равно «выпадала» из рамок европейской нормы [Ellenberger, 2009]. Ирис Элленберг подчеркивается, что положение Исландии и исландцев на начало XX века было «подвешенным». Исландцы и не часть европейского мира, но и не притесняемая этническая группа. И долгое время страна развивалась в культурных и экономических рамках Дании. Ирис Элленберг и Кристин Лофтсдоттир считают, что главенство Дании отражается на Исландии до сих пор из-за того, что последняя всё ещё имеет статус страны-на-периферии Европы [Лофтсдоттир, 2020].

Исландия также входит в состав так называемых стран северной Европы. Историческое развитие этого региона обладает своими особенностями. С точки зрения некоторых исследователей, северные страны в современном мире переживают кризис репрезентации в общественном сознании. Исследованию этого посвящен, например, сборник «Iceland and Images of the North» [Iceland and Images of the North, 2011]. Северная Европа экзотизируется в связи со своим географическим положением и наличием природных ресурсов [Там же]. Исландия, как и страны всей северной Европы, часто рассматриваются как бы в связке «Арктического проекта» [Dodds, 2012]. Скандинавия становятся объектом мифа о самых социально-направленных государствах, в общественном сознании активно воспроизводится мысль о скандинавском социализме. Исландия как часть северной Европы разделяет особенности модерна данного региона, поскольку развивалась прежде всего в данных рамках, а не европейских. Скандинавия исторически была отделена от европейского мира, как географически, так и политически. Скандинавия представляется другим миром, особенно в сознании мигрантов: здесь они ждут помощи, социальных пособий, быстрого вливания в общество, в Исландии мигранты также ожидают увидеть ее природу, которая кажется «дикой», «безлюдной», «нетронутой» [Iceland and Images of the North, 2011]. Существует разница между «виртуальным» и «реальным» севером.

Как утверждает Кристин Лофтсдоттир, до экономического кризиса 2008 года Исландия в первую очередь ориентировалась на Европу в политическом, экономическом и социальном плане. Европейская модерность и глобализация влияли на развитие острова с конца XX века [Лофтсдоттир, 2020].

После обретения независимости исландцы ощущают потребность в поиске и возвращении собственной культуры. Кинематограф становится одной из главных отраслей искусства для страны. Исландцы начинают сами производить фильмы с некоторым опозданием. До 1946 года в Исландии все еще превалирует датское кинопроизводство.

В 1906 году в Рейкьявике открывается первый кинотеатр. Полнометражное звуковое исландское кино начинается с фильма «*Milli fjalls og fjöru*» (Между горой и берегом) 1949 года. Режиссером выступил Лофтур Гудмундссон, который ранее, в 1925 году, уже выпустил фильм «*Iceland in Living Pictures*» (Исландия в живых картинах), став одним из пионеров исландского кинопроизводства. Одним из прорывов исландского кино считается фильм «Земля и сыновья» 1980 года режиссера Агуста Гудмундссона [Cowie, 1995]. Фильм поднимает те темы, которые будут актуальны для исландского общества даже в настоящее время. Исландские фильмы также выдвигались на премию «Оскар»: например, «Дети природы» 1992 года, режиссером которого выступил Тор Фридриксон. Старшее поколение, консервативное, показывается нежно привязанным к природе и нетронутой чистоте своей страны [Cowie, 1995]. Таким образом, исландский кинематограф, начавший свой путь с фильмов и показывающих национальный колорит, заложил основные идеи и стилистику своего кино.

Исландский кинематограф имеет свои отличительные особенности. Во-первых, это темп повествования – он всегда медленный. Это часто отмечалось зрителями. Исландское кино часто выглядит как «фестивальное кино», развивающее какую-то тему: отцы и дети (такие фильмы как «Металлистка», «Воробьи», «Клятва»), человек и природа (например, «О лошадях и людях», «Пучина», «Затерянный во льдах»), деревня и город («Каменное сердце»). Во-вторых, исландское кино чаще всего живописно – маленький человек на фоне огромной пасторали. Среди жанров преобладает драма, в XX веке были и заимствования жанра: например, вестерн и традиции Акиры Куросавы, которые отразились в «Трилогии Викинга» Храбна Гюднлейгссона. В «Женщине на войне» рецензент журнала «*Reykjavík Grapevine*» отметил влияние Уэса Андерсона. Исландские фильмы также часто отмечаются, как меланхоличные в стиле датчанина Ларса фон Триера.

Стоит отметить, что природный ландшафт острова и традиционное хозяйство сыграли роль в определении исландской модерности. До сих пор природа страны является частью дискуссии, в большей степени, экономической: стоит ли оставить окружающую среду в покое или использовать ее для поддержания экономики. Исландские фильмы своим визуальным рядом только усиливают данный спор. В то же время фильмы не показывают истинно «девственной» природы, понятие которой Радкау считает несколько ошибочным. В кинолентах внимание все равно сосредоточено на людях и их историях, и если ландшафт не служит декорацией, то все же практически никогда не является главным героем, исключая некоторые фильмы и телесериалы. Люди в исландских кинолентах показаны в симбиозе с родной землей, как часть более старой, аграрной структуры, которая входит в противостояние с новым поколением исландцев.

В исландских фильмах после 2008 года в основном встречается столкновение двух типов модерности: европейского и регионального образца. Это выражается в том, как в кинолентах показывается процесс глобализации, внедрения «чужих» на «свою» территорию. Во многих исландских фильмах поднимается тема поиска «себя» главными героями, которая становится либо главной темой фильма, либо развивается параллельно сюжету.

Одним из ярких примеров критики глобализации и вмешательства западной модерности является фильм «Женщина на войне». Данная кинолента представляет экономических партнеров Исландии, таких как Америка и Китай, как агрессоров, которые одинаково «чужие» для Исландии. Фильм является высказыванием режиссёра на тему экологии, и продвигает идею, что вмешательство других стран негативно влияет на экологическую сохранность острова. Само экономическое партнерство героиня фильма называет «войной против Матери-Земли», а демократию видит виновницей подобной ситуации. Три основных героя фильма представляют три поколения: главная героиня – старшее, традиционное, по сути она представляет ту сторону Исландии, которая не готова к переменам. Ее сестра представляет тех, кто ориентирован на запад [Кучерова, 2018]. Друг героини – нечто среднее, поколение тех, кто не знает к какому из «миров» принадлежать. Это подчеркивается сюжетно и характерами героев. Также в фильме проявляется идея связи положения Исландии и Украины. Это отражено как в сюжете, так и в музыке – наряду с исландским оркестром в кадре появляется и украинский хор. Стоит отметить также образ Китая в данном фильме и связь данного образа с реальным экономическим сотрудничеством Китая и Исландии. После финансового кризиса 2008 года Китай занял образовавшуюся экономическую нишу и шел на сближение с Исландией в рамках своего интереса к Арктическому проекту.

Тему столкновения Исландии с глобальным миром затрагивает режиссёр фильма «И дышите нормально» Исолд Уггадоттир, раскрывая проблему мигрантов и представлений о скандинавском обществе как «социально-ориентированном». Фильм критикует то, как в рекламе и массовом сознании представлена Исландия и вся Скандинавия, показывая, что ожидания мигрантов не оправдываются. Иммигранты ожидают увидеть гостеприимство и красоту страны из туристических буклетов, но не получают этого. Исландия – остров с границами, который не так гостеприимен, как может казаться: вместо красивых видов беженцев ждет долгая пограничная проверка, угроза депортации и непримечательный барак для сна. Кроме этого, в фильме критикуется исландский кинематограф за то, что ленты, рассчитанные на экспорт, рассказывают в основном романтические истории или истории взросления на фоне исландских пейзажей, выделяя этим свою экзотичность, чтобы быть интересными зарубежному зрителю. По словам Исолд Уггадоттир, «И дышите нормально» показывает не романтизированный образ Исландии, а то, что происходит «за кулисами» в процессе миграции и поиска убежища в Скандинавии.

Кризис идентичности самих исландцев также ярко проявляется в таких фильмах как «Металлистка» и «Каменное сердце», где главные герои, двое молодых людей, находятся в поиске себя. Кроме того, оба героя связаны с деревенской средой, что также поднимает тему исландской деревни и взаимодействия города и деревни. Вопреки суждению Якуба Коннфеала, деревня в этих фильмах представлена не идеалистически, а скорее мрачно и бедно [Konefal, 2014]. Можно сказать, деревня представлена как слишком традиционная среда, из которой оба героя пытаются вырваться и найти себя. В отличие от кинолент «Женщины на войне», где природа Исландии – это жертва, и «Дышите нормально», где красота этой природы оказывается недоступна одной из героинь-мигрантов, в рассмотренных выше фильмах природа Исландии используется для композиции кадра. Ландшафт словно зажимает героев в тиски, визуально отделяя их от внешнего мира с помощью либо воды, либо гор. Природа тесно связана с исландской деревней и традиционалистским взглядом исландцев. Герои обоих фильмов бунтуют против подобного взгляда. Например, героиня «Металлистки» выступает против отчужденности родителей и их слияния с сельским обществом из-за смерти сына.

В определенном смысле фильм «Девственная гора» также стоит считать историей взросления и «поиска себя», но со следующим отличием: главный герой не подросток, а взрослый мужчина, который проходит путь от рутинной привычной жизни до влюбленности и посещения чужой страны. Фактический главный герой является тем же ребенком, но во взрослом теле. В данной киноленте нет

яркого противопоставления «своего» и «чужого», однако примечательно, что последним шагом главного героя к поиску себя становится перелет в Египет. Мотив поиска «себя» также ярко прослеживается в сюжете трех героев в фильме «Жизнь на виду» (или «Жизнь в аквариуме»). Примечательно, что фильм демонстрирует еще докризисную Исландию, однако сюжет сосредоточен на судьбах трех непохожих героев, а о высоком экономическом положении страны свидетельствует только сюжетная линия одного из них – бизнесмена, заключающего торговую сделку и отдыхающего на яхте «самых богатых людей Исландии». Также сюжетная линия одной из героинь, матери-одиночки, является исследованием режиссера на тему проституции в Исландии, к которой женщины прибегают, чтобы получить больше средств к существованию. В фильме также показывается экономическое разделение: более бедные исландцы, которые ближе к острову и более богатые, ориентированные на западный мир. Также, по словам режиссера Балдвина Зи, сюжетная линия одного из персонажей – бизнесмена – предвещает экономический крах Исландии.

Подводя итоги, можно говорить о том, что исландские фильмы представляют переплетение модерностей, которое происходит чаще всего на почве экономики или социальной политики. Из-за интеграции Исландии в европейскую культуру по экономическим причинам страна подвергается влиянию западной модерности. Данный процесс помогает Исландии избежать по отношению к себе категории «другой» и стать «своим». На этом фоне у героев фильмов, как и у самих исландцев, возникает кризис идентичности. В фильмах не затрагивается проблема отношений между Данией и Исландией и влияния Дании на историческое развитие острова. Также где встречаются элементы экзотизации Исландии, которые присущи странам Скандинавии: например, представление о ней как о стране всеобщего благополучия.

Список источников

- «Металлистка» («Málmhaus»), реж. Рагнар Брагасон, 2013).
- «Жизнь на виду» («Vonarstræti»), реж. Балдвин Зи, 2014).
- «Девственная гора» («Fúsi»), реж. Дагур Кари, 2015).
- «Каменное сердце» («Hjartasteinn»), реж. Гудмундур Арнар Гудмундссон, 2016).
- «Дышите нормально» («Andið eðlilega»), реж. Исольд Уггадоттир, 2018).
- «Женщина на войне» («Kona fer í stríð»), реж. Бенедикт Эрлингссон, 2018).

Библиографический список

1. *Арнасон Й.* Цивилизационные паттерны и исторические процессы. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 304 с.
2. *Кучерова И. А.* Изменение идентичности исландцев под влиянием кризиса 2008 г.: динамика «удаленности» // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы. М., 2018. С. 197–210.
3. *Лофтсдоттир К.* Двойственность колониального опыта и руины колониализма // Новое литературное обозрение. М., 2020. №. 166. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22942/ (дата обращения: 28.11.2021).
4. *Матвеевко О.* «Грех уныния» и его символы в фильме «Металлистка» // Герценовские чтения-2014. Социологическое образование в России. СПб., 2014. С. 47–50.
5. *Радкау Й.* Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 472 с.
6. *Фокс М. Д.* Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. М., 2016. №. 140. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12048/ (дата обращения: 28.11.2021).
7. *Айзеништадт С.* Множественные модерности. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2001-02-002-ayzenshtadt-s-mnozhestvennye-modernosti> (Дата обращения: 25.11.2021).
8. *Хьяульмарссон Й. Р.* История Исландии. М., 2003. 240 с.
9. *Árnadóttir N.* Life in a fishbowl takes home 12 Eddas. Reykjavik Grapevine., 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://grapevine.is/news/2015/02/23/life-in-a-fishbowl-takes-home-12-eddas/> (дата обращения: 23.11.2021).
10. *Cowie P.* Icelandic films. Reykjavik, 1995. 79 p.
11. *Dams T., Schaik L., Stoetman A.* Iceland: What is China doing there and why? Presence before Power: China's Arctic strategy in Iceland and Greenland. Clingendael Institute, 2020. P. 20–28.
12. *Demurtas A.* Keeping it real: Icelandic director Ísold Uggadóttir talks «And Breathe Normally». Reykjavik Grapevine, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://grapevine.is/icelandic-culture/movies-theatre/2018/04/10/keeping-it-real-icelandic-director-isold-uggadottir-talks-and-breathe-normally/> (дата обращения: 25.11.2021).

13. *Dodds K.* Territorial nationalism and Arctic geopolitics: Iceland as an Arctic coastal state // *The Polar Journal.*, 2012. Vol. II, No. 1. P. 21–37.
14. *Eisenstadt S. N.* Multiple Modernities // *Daedalus.* 2011. Vol. CXXIX, No. 1. P. 1–29.
15. *Ellenberger Í.* Somewhere Between «Self» and «Other» Colonialism in Icelandic Historical Research // *Nordic Perspectives on Encountering Foreignness.* Turun, 2009. P. 99–114.
16. *Gunnarsson V.* Film Review: A dark horse with a good heart – «Fúsi» («Virgin Mountain»). Reykjavik Grapevine, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://grapevine.is/icelandic-culture/movies-theatre/2015/05/08/film-review-a-dark-horse-with-a-good-heart-fusi-virgin-mountain/> (дата обращения: 25.11.2021).
17. *Höglund J., Burnett L. A.* Introduction: Nordic Colonialisms and Scandinavian Studies// *Scandinavian Studies.* 2019. Vol. XCI, No. 1-2. P. 1–12.
18. *Iceland and Images of the North / Edited by Sumarliði R. Í., Chartier D.* Reykjavik, 2011. 611 p.
19. *Konefal J. S.* City, countryside and nature, as discursive devices, used to strengthen the national identity in Icelandic cinematography // *Studia humanistyczne AGH.* Krakow, 2014. Vol. XIII, No 3. P. 61–79.
20. *Konefal J. S.* The Cinema of Iceland. Between Tradition and Liquid Modernity. Berlin, 2019. 312 p.
21. *Magnússon H. S.* Dagur Kári's «Virgin Mountain» wins top prizes at Tribeca, Gunnar Jónsson named best actor. Reykjavik Grapevine, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://grapevine.is/news/2015/04/24/dagur-karis-virgin-mountain-wins-top-prizes-at-tribeca-gunnar-jonsson-named-best-actor/> (дата обращения: 25.11.2021).
22. *Marquardt V.* Hera Hilmars wins Shooting Star award un Berlin. Reykjavik Grapevine., 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://grapevine.is/icelandic-culture/2015/02/13/hera-hilmars-wins-shooting-star-award-in-berlin/> (дата обращения: 25.11.2021).
23. *Stefánsson O. B.* Real «Life in a fishbowl». Reykjavik Grapevine., 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://grapevine.is/icelandic-culture/movies-theatre/2014/06/10/real-life-in-a-fishbowl/> (дата обращения: 25.11.2021).

REFLECTING THE IDENTITY CRISIS IN THE ICELAND CINEMATOGRAPH OF THE XXI CENTURY

Ryshina Ksenia A.

Perm State University, 15, Bukireva str., Perm, 614990, Russia,
ksaenetesis@gmail.com

When Iceland gained independence, it began to look for its own way of development. Before the 2008 crisis, Iceland focused on the European world. After 2008, Iceland was considered an «others». Iceland was given a choice: to lose its identity in order to rebuild the economy or to save itself. This article examines how the identity crisis of Icelanders is reflected in Icelandic cinematography after 2008. This article uses the theory of «multiple modernities». The heroes of Icelandic films do not know which of the «worlds» to classify themselves: Icelandic or European.

Key words: *Iceland; multiple modernities; cinema; Icelandic cinema; identity crisis.*

ART OF SIGN

УДК 811

НЕОЛОГИЗМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА 2021 (ПО МАТЕРИАЛАМ CAMBRIDGE DICTIONARY)

Горющенко Денис Олегович

Череповецкий государственный университет, 162600, Россия, Череповец,
ул. Луначарского, 5, goruchenko@mail.ru

Настоящая статья посвящена анализу английских неологизмов, внесенных с января по июнь 2021 года в онлайн-словарь Cambridge Dictionary. Новообразования рассмотрены по семантическому критерию, частеречной принадлежности, тематической отнесенности. Проведенным исследованием установлено доминирование многокомпонентных лексических единиц, выраженных существительными, охватывающими такие социальные стороны жизни, как сфера здоровья, экологии и климата, труда и отдыха, эстетических потребностей, информационных технологий. Анализ позволил выявить тенденции к увеличению компрессивных неологизмов, а также экспрессивной, эмоционально-оценочной лексики.

Ключевые слова: *английские неологизмы; части речи; тематические группы; сферы функционирования.*

Настоящее исследование выполнено в рамках антропоцентрической парадигмы, изучающей язык в тесной связи с субъектом познания, человеком. Постоянно трансформирующаяся социокультурная среда обуславливает появление множества неологизмов, являющихся средствами осмысления происходящих в обществе изменений. Возникновение новых номинаций как ответ на социальный запрос – один из основных стимулов неологизации во всех языках и на всех этапах их развития. В неониминации отражаются особенности категоризации и вербализации жизни социума в определенных понятийных сферах, репрезентирующих приоритеты данного социума.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения специфики новых, ещё не рассмотренных в интересах лингвистики, лексических единиц, а также анализа процессов пополнения словарного состава языка и социальных процессов в их функциональном взаимодействии.

«В словах как номинативных единицах языка хранятся знания о действительности, достаточные для идентификации обозначаемых словами реальных или идеальных сущностей» [Катермина, 2017, с. 135].

Цель исследования – описание английских неологизмов 2021 года и выявление специфики их функционирования, для чего необходимо рассмотреть новообразования по семантическому критерию, частеречной принадлежности и тематическим группам/сферам функционирования.

Материалом для работы послужили новые слова, отобранные методом сплошной выборки из онлайн словаря Cambridge Dictionary с января по июнь 2021 год – всего 78 слов.

Для решения поставленных задач применялись *общенаучный описательный метод* и *функционально-семантический анализ* для выделения обобщенных тематических групп. Под тематической группой в данной работе понимается совокупность слов, контекстуально связанных с одной темой, на основе точки зрения А.И Смирницкого [Смирницкий, 1956, с. 177]. «Принципиальным следствием такого понимания тематических групп является включение в их состав слов разных частей речи» [Грудева, 2020, с. 108].

Неологизмы являются объектом неологии. Несмотря на многочисленные исследования до настоящего времени универсального единого понятия неологизмов нет. В данной работе под неологизмами понимаются лексические единицы, не только новые по форме и/или содержанию и появившиеся в языке в исследуемый период для номинации новых реалий, но и фиксирующие новый социально-значимый смысл в денотативном и/или коннотативном компоненте значения и функционирующие в соответствующих понятийных областях.

Е.В. Сенько отмечает, что «языки не могут не меняться, прежде всего, по той причине, что в основе актов коммуникации, средством практического осуществления которых является язык, лежит отражение действительности, которая сама находится в постоянном движении» [Сенько, 2007, с. 37].

В процессе неологизации важным фактором, обуславливающим языковую динамику, является единство грамматики и лексики, при этом грамматика осуществляет преимущественно организационную функцию. Основные грамматические разряды языковой системы представляют части речи, которые не остаются неизменными. Неологизация частей речи вызвана не только появлением лексических инноваций, но и взаимодействием частей речи друг с другом, что определяет специфику их изменений.

При анализе частеречной принадлежности рассматриваемых неологизмов установлено, что самой неогенной частью речи является имя существительное, имеющее субстанциональный характер и позволяющее «мыслить предметно в форме названия» [Виноградов, 1972, с. 46] в отличие от предикатных глаголов и

прилагательных. Преобладание существительных – общая тенденция современных процессов неологизации. Среди 78 новых слов всего 3 (3,9%) прилагательных и один (1,1%) глагол, остальные – существительные (95%).

Coronasomnia – невозможность уснуть из-за беспокойства, связанного с пандемией, что негативно для здоровья; аббревиатура **HILLIT** – тренировка, обеспечивающая меньшую нагрузку на сустав и мышцы, **super-Earth** – планета, возможно, пригодная для проживания, приставка *супер-* определяет высшую степень одобрения данного открытия.

Прилагательные обозначают признаки предмета и придают речи экспрессивность и выразительность: **Above-the-mask** – косметические процедуры над маской, **Nolo** – безалкогольный или слабоалкогольный напиток, **Rollable** – мобильник, раскладывающийся до размеров планшета, прилагательное с пассивным значением, производное на глагольной основе с помощью суффикса *-able*. В семантике прилагательных отражается позитивное отношение к данным явлениям.

Глагол выражает действие или состояние лица или предмета, выполняет в речи стилистическую функцию, придавая ей динамизм. **Decomponentise** – возврат устройств для их утилизации производителям в целях повторного использования отдельных компонентов, что полезно как для производителей (снижение затрат), так и для общества (предотвращение вреда природе), неологизм при этом выполняет функцию воздействия.

В представленных новообразованиях проявляется способность различных частей речи обобщенно отражать разные стороны предметов, явлений, фактов.

При наименовании новых реалий проявляется влияние таких факторов как аналитизм и синтетизм языка, подтверждением чего служит наличие среди новообразований цельнооформленных и расчлененных сложных конструкций: **sleepcast** – подкаст с мелодиями и звуками для засыпания, за счет брендинга достигается экономия языковых средств; **community fridge** – общественный холодильник для пожертвования еды, первый компонент, выступая в качестве атрибутива, уточняет предназначение холодильника. Рассмотрение неологизмов по составности свидетельствует, что в выборке преобладают многокомпонентные наименования – 46 единиц (58,97%): **social recession** (социальная рецессия, т.е. снижение контактов между людьми), **mental health gym** (тренажерный зал для укрепления психического здоровья):

Данное распределение указывает на стремление к рациональности, экономии – в *синтетических* наименованиях, и к необходимой точности – в *аналитических* неологизмах, тенденции к целостному оформлению предметного значе-

ния. Усовершенствование и усложнение всех сфер жизнедеятельности обуславливают появление многокомпонентных наименований, которые способны выполнять не только номинативную, но и характеризующую, а также экспрессивную, оценочную, эмотивную функции.

Таким образом, составный и частеречный анализ свидетельствует о доминирующем количестве многокомпонентных лексических единиц, выраженных существительными, что указывает на необходимость именовать вновь появившиеся реалии.

Способом понимания процессов взаимодействия языка и социума является тематическая классификация лексического материала как средство категоризации различных объектов действительности и структурирования общественного сознания. Поэтому все новые слова были рассмотрены по тематическому критерию в зависимости от различных потребностей человека. Отнесение неологизма к той или иной тематической группе зачастую является условным. Рассмотрение тематических групп неологизмов позволяет выявить наиболее изменчивые и динамично развивающиеся отрасли человеческой деятельности. Все неологизмы в соответствии со спецификой их семантики и сферой употребления можно разделить на 7 тематических групп/сфер функционирования. Новая лексика экспрессивна и выражает оценку говорящего, а также апеллятивна и побуждает субъекта к действию за счет проявления в новых словах положительной или отрицательной коннотации.

Наиболее многочисленную группу образуют неологизмы, связанные со здоровьем, одним из основных понятий человеческого существования – 24 слова (30,77%). Для американского общества забота о здоровье является одним из национальных приоритетов. «Сфера здоровья» является обобщающим понятием для обозначения всех тех объектов и явлений, которые имеют прямую или опосредованную связь со здоровьем человека в его бытовом сознании.

Проблемы психологического состояния современного человека занимают в его жизни значительное место. К сфере психического здоровья отнесены следующие новые слова.

Gleefreshing – активность обновления новостных веб-сайтов и обновлений социальных сетей на телефоне или другом устройстве для чтения положительных новостей. Слово появилось в противоположность слову **doomscrolling** (постоянное чтение негативных новостей, в результате чего эмоциональное состояние человека существенно ухудшается), образовано путем слияния (блендинга), *Gleefreshing* ← *glee* + *freshing*, и означает обновление новостной ленты, которое может

стать «радостно (ликующе) освежающим» событием, улучшающим настроение, коннотация положительная.

Напротив, отрицательную оценку несет неологизм **headline stress disorder** – чувство стресса и беспокойства, вызванное чтением или просмотром множества негативных или тревожных новостей.

В современном обществе в субъективном восприятии времени произошло его сжатие – компрессия, что подтверждается, например, неологизмом **hurry sickness** – дословно торопливая болезнь, образ поведения, при котором кто-то делает все в спешке, потому что всегда испытывает стресс и тревогу из-за отсутствия времени, чтобы успеть сделать все. Тенденция к компрессии является одной из основных и в современных языковых процессах, проявляющаяся, как показывают рассмотренные примеры, в словообразовании. Словосложение воплощает семантическую компрессию, передавая максимальный объем содержания при уменьшении плана выражения. При сокращении при минимализме формы полностью сохраняется лексическое значение исходных единиц (семантическая компрессия). Блендинг же, по сути, интегрирует в рамках новообразования оба способа, создавая совершенно новые слова, значение которых определяется, исходя из значений составляющих его элементов с опорой на имеющиеся фоновые знания субъекта. Компрессивная лексика, благодаря своей краткости и экспрессивности, отвечает потребностям экономии языковых усилий и активно используется при образовании неологизмов.

Основным признаком физического здоровья является указание на состояние тела человека. К данной теме отнесены 2 слова. Оба понятия связаны с болезненными изменениями ног: **bungalow leg** – необходимость проживания в бунгало из-за невозможности поднятия по лестнице и **Lockdown foot** – изменение стопы вследствие длительного хождения в тапочках или босиком. Особую актуальность слова приобрели в связи с пандемией и вводимой изоляцией/самоизоляцией, в результате которой люди вынуждены постоянно находиться дома босиком либо в тапочках из-за чего в дальнейшем трудно носить привычную обувь.

Вообще, пандемия значительно изменила привычный образ жизни людей, в связи с чем возникли связанные с ней явления во всех сферах жизни, что определило и интенсивный процесс появления новых слов, отражающих стремление выразиться в словотворчестве, освобождающим от коллективного стресса через юмор, иронию. В то же время в анализируемой выборке не так много неологизмов непосредственно отражающих данное заболевание. К теме непосредственно коро-

навирусной инфекции можно отнести такие неологизмы как **scariant** – любой новый вариант covid-19, **V-Day** – день запуска программы вакцинации в Великобритании, **vaccine stamp** – отметка в паспорте о вакцинации.

При этом значительный пласт новой лексики отражает многочисленные последствия, вызванные пандемией. Неологизмы **blursday** – слово для любого дня недели, который не сильно отличается от предыдущего, **boffice** и **cloffice** – место работы в пандемию, организованное в гардербной, даже в бельевом шкафу или кровати, и соответственно **dunchfast** – прием пищи один раз в день, сочетающий завтрак, обед и ужин; **revenge travel** – туристическая активность после локдауна. Все эти неологизмы, пересекаясь с другими сферами деятельности (работы и отдыха), содержат явно выраженную иронию.

В современном обществе здоровье расценивается как благо, для получения которого необходимо приложить определенные усилия, поэтому актуально понятие «Здоровый образ жизни», предусматривающий двигательную активность, четкий режим труда и отдыха, рациональное питание, нормальный сон, закаливание, отказ от вредных привычек и т.п. Именно поэтому возможно пересечение сформированных тематических групп. Интересным представляется содержание неологизма **earthing sheet** – дословно лист заземления, под которым подразумевается специальный лист из материалов с высокой проводимостью – медь, серебро в сочетании с инновационной технологией передачи организму свободных электронов Земли. Или йога – гимнастика для глаз **eye yoga**, аббревиатура **HLIT**, **regenary** – употребление в пищу местных сезонных продуктов, **reverse lie-in** – раннее укладывание в постель с целью расслабления при отсутствии такой возможности по утрам и соответственно раннее пробуждение. Все неологизмы отражают усилия по сохранению здоровья и имеют положительную коннотацию.

Следующей по наполненности тематической группой является сфера экологии и климат – 11 слов (14,1%). Экологичность, как стремление снизить деструктивное влияние деятельности человека на окружающий мир, природную среду и условия жизни людей, становится одной из доминант сознания человека XXI века.

Например, термин **anthropause** относится к глобальному сокращению современной человеческой деятельности, особенно путешествий, и возможному воздействию этого явления на дикую природу. Oxford Languages выделил слово «антропоауза» в своем отчете «Слова беспрецедентного года за 2020 год». Неологизм быстро входит в обиход и принят пользователями социальных сетей, учеными и журналистами. **carbon counting** – подсчет углерода для уменьшения

вредного влияния парниковых газов на изменения климата от деятельности человека. В качестве смысловых центров новой лексики часто используются неоклассические префиксы **bio-** и **eco-**: например, **biofacturing** – биоиндустрия, использующая живые организмы и клетки как миниатюрные фабрики по производству молекул или других биологических материалов при изготовлении продуктов, лекарств, напитков, **eco-aisle** – проход в супермаркете к экологически произведенным продуктам и т.п. Производство экологически чистой продукции, ее упаковки является важнейшей социально-экономической задачей современного общества: **clean caviar** – тип икры, произведенный в лаборатории с использованием клеток рыб; **frugal bottle** – тип бутылки из переработанной бумаги.

Климатические изменения находят отражение в таких неологизмах как **heat blob** – область с относительно теплой водой посреди океана, возникновение которой способствует быстрому таянию льдов; **zombie storm** – природное явление, заключающееся в восстановлении силы шторма после его стихания. Такое произошло в 2020 году со штормом Полет, в результате чего он получил название – тропический шторм-зомби. **sponge city** – город-губка – результат борьбы с наводнениями и возможностью повторного использования дождевой воды.

Такое же количество неологизмов 11 единиц (14,1%) отнесено к сфере труда и отдыха, роду занятий и т.п. Семантика ряда анализируемых неологизмов, отражает изменение режима труда, например: **sunshine shift** – солнечная смена – работа только в хорошую погоду (на открытом воздухе). Неопределенность самой возможности выхода на работу отрицательно влияет на психологическое состояние как работодателя, так и работника.

В анализируемых неологизмах прослеживается разрушение границ между отдыхом и работой в связи с переходом на дистанционный режим: **half-tourist** – путешественник, работающий удаленно одновременно с отдыхом; аналогично **human cloud** – дословно виртуальное облако – внештатные сотрудники в любой точке мира, **work from anywhere** – работа удаленно из любого места. Для четкого разделения рабочего и личного времени работодатели предлагают электронные виртуальные поездки на работу – **virtual commute**. Аналогично с введением дистанта в образовательных заведениях учащиеся могут отдыхать с родителями с одновременным обучением – **schoolcation**.

Изменяется и само содержание трудовой деятельности: **happiness economist** – дословно экономист счастья. Экономика счастья – это формальное академическое исследование взаимосвязи между индивидуальным удовлетворением и экономическими проблемами, такими как занятость и богатство. Если стандартная экономика полагается на измерение дохода и потребления для удовлетворения

потребностей человека, то экономика счастья использует опросы для выяснения и иных факторов, повышающих или снижающих благосостояние и качество жизни людей. **joy strategist** – стратег радости – целитель, помогающий людям чувствовать себя счастливыми; **stretchologist** – специалист по улучшению осанки и гибкости.

Произошедшие изменения наложили отпечаток и на сферу туризма, путешествий. Так распространение получили пешие маршруты и виртуальный туризм: **slow map** – карта пешеходных маршрутов; **spread booking** – расширенное бронирование отдыха с намерением отменить все, кроме одного перед датой поездки из-за неопределенности даты отпуска; **walking around video** – виртуальный тур.

К обобщенной тематической группе «эстетические потребности» отнесено 13 неологизмов (16,67%). Большинство из них относится к сфере массовой культуры, популярной в английском обществе: спорт, мода, еда, косметические процедуры, чтение, архитектурные новинки и т.п.

Новым видом занятий для тренировки выносливости организма в условиях пандемии является **everesting** – подъем и спуск, пешком или на велосипеде, на один и тот же холм, чтобы набрать высоту Эвереста.

Новые стили одежды: **Braincore** – одежда, позволяющая выглядеть интеллектуальнее с явной насмешкой к такому выбору; **Comfury** – комфорт и роскошь; **Sadwear** – «печальная одежда», домашняя, затрапезная, которую надо сменить на более привлекательную, чтобы изменить настроение на позитивное.

Популярны пищевые новшества: **proffee** – холодный кофе с протеиновым порошком (бленд); **nolo** – безалкогольный или слабоалкогольный напиток; привлекает внимание метафоричность неологизмов **tea bomb** – чай с травами и другими ингредиентами в прозрачной твердой оболочке, тающей в горячей воде; **tornado omelette** – взбивание палочками для еды для придания омлету формы конуса.

Косметические процедуры **above-the-mask** – применение косметики на лице над маской; периодическое отсутствие косметических средств или их малое количество, что полезно для кожи.

Область литературы, чтения отражены в неологизмах **Dub-Lit** – произведения, написанные в Ирландии о событиях, происходящих в Дублине; **suburbanoir** – стиль книг, фильмов и т.д. о захватывающих и часто незаконных событиях, происходящие в тихих районах проживания.

Определенное место в выборке занимают языковые единицы, обозначающие процессы и результаты урбанизации, что подчеркивает распространенность

городского образа жизни: **linear city** – очень узкий длинный город, построенный по прямой линии; **15-minute city** – город, спроектированный так, чтобы можно было добраться к нужному объекту за 15 минут. Забота об удобстве горожан воспринимается положительно. Наполненность данной группы обусловлена способностью массовой культуры отражать основные направления развития, события, стремления и потребности конкретного социума.

Передовые информационные технологии (7 неологизмов), в первую очередь интернет, проникают в самые различные сферы жизни. Современный человек становится участником глобальной коммуникации. Интернет дает ему возможности преодолеть физическое пространство и вступать во взаимоотношения с другими людьми на расстоянии, что не могло не найти отражения в языке.

Metaverse – общее онлайн пространство, **BookTokker** – тот, кто рассказывает о книгах и чтении; **NFT** – аббревиатура от понятия «невзаимозаменяемый токен», цифровая запись о собственнике части контента, цифровые активы. **computer doping** – использование компьютерных программ для мошенничества в шахматах и **dragging site** – сайт для отслеживания каждого шага публичного человека и постоянными нападками на него за реальные или воображаемые неудачи, часто с проявлением определенной агрессии в его адрес, что оказывает негативное влияние на психику субъекта. Эти неологизмы имеют отрицательную коннотацию.

Необходимо подчеркнуть, что неологизмы, связанные с использованием новых информационных технологий, были выявлены практически во всех исследованных категориях, что свидетельствует о глобальной компьютеризации, техногенном развитии общества.

К тематической группе «наука и техника» отнесено 5 неологизмов, некоторые из которых уже рассмотрены: **air curtain** – воздушная завеса – поток воздуха, который создается вокруг пассажира в самолете и снижает распространение вирусов; **sauna blanket** – спальный мешок, излучающий инфракрасные лучи и имеющий эффект сухой сауны для улучшения обмена веществ; **sleep sticker** – небольшое электронное устройство, для анализа качества сна.

Экономическая лексика английского языка отличается инновационными идеями и практикой внедрения в производство новейших достижений разных областей знания. Стремление к увеличению темпов роста производства стимулирует процессы компьютеризации и информатизации в экономике: **decision intelligence** – тип искусственного интеллекта, который анализирует большие объемы данных, чтобы облегчить организациям принятие бизнес-решений, рассмотренный глагол **decomponentise**.

Язык является основным средством обеспечения социального взаимодействия, выполняя коммуникативную функцию. В условиях пандемии непосредственное общение оказалось недостаточным или практически невозможным. Как средство преодоления одиночества появился неологизм **chat bench** – скамейка для разговоров, длинное место в общественном пространстве, где можно посидеть и поговорить с другим собеседником; **social biome** – система взаимоотношений и взаимодействий с другими людьми, которая считается необходимой для хорошего психического и физического благополучия; **social recession** – период, когда между всеми людьми в обществе очень мало контактов, в частности, в период пандемии, что вызывает сожаление.

Рейтинг плотности выявленных тематических групп свидетельствует об активности конкретных сфер «притяжения» инноваций в обществе в исследуемый период. Наиболее неологичными выступают сферы здоровья, экологии и климата, труда и отдыха, эстетических потребностей, информационных технологий. Кодифицируя происходящие в обществе изменения, неологизмы, позволяют емко и точно выражать новые понятия во всех сферах деятельности человека, обеспечивая эффективность коммуникации.

Проведенное исследование позволило выявить тенденцию к увеличению компрессивных неологизмов, а также экспрессивной, эмоционально-оценочной лексики. Новые слова обновляют язык, делают его более выразительным и современным, заменяя привычные, потерявшие свою первоначальную экспрессивность клише на их яркие современные аналоги.

Библиографический список

1. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 613 с.
2. *Грудева Е.В.* Хронологически отмеченная лексика в современном русском языке и пути ее лексикографической интерпретации: монография / ответ. ред. В.Д. Черняк. Череповец: ЧГУ, 2020. 340 с.
3. *Катермина В.В.* Неологизмы в русском и англоязычном дискурсах как экспоненты культурных знаков // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №5(80). С. 135–140
4. *Сенько Е.В.* Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. СПб.: Наука, 2007. 356 с.
5. *Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. М., 1956. 260 с.
6. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionaryblog.cambridge.org> (дата обращения: 09.12.2021).

ENGLISH LANGUAGE NEOLOGISMS 2021
(ON THE MATERIALS OF CAMBRIDGE DICTIONARY)

Gorychenko Denis O.

Cherepovets State University, 5, Lunacharsky Ave., Cherepovets, 162602, Russia,
goruchenko@mail.ru

This article is devoted to the analysis of English neologisms entered from January to June 2021 in the online Cambridge Dictionary. Neoplasms are considered according to the semantic criterion, part of speech affiliation, thematic attribution. The study established the dominance of multicomponent lexical units, expressed by nouns, covering such social aspects of life as health, ecology and climate, work and recreation, aesthetic needs, information technology. The analysis revealed tendencies towards an increase in compressive neologisms, as well as expressive, emotional and evaluative vocabulary.

Key words: english neologisms; parts of speech; thematic groups; spheres of functioning.

ХРОНОТОП ДОМА В РОМАНЕ МАРИАМ ПЕТРОСЯН «ДОМ, В КОТОРОМ...»

Курячая Мария Юрьевна

Воронежский государственный педагогический университет,
394043, Россия, Воронеж, ул. Ленина, 86, kuryachaya.masha@mail.ru

Предметом данного исследования являются особенности пространственно-временного художественного мира, созданного Мариам Петросян в романе «Дом, в котором...». В результате исследования было определено, что пространство Дома – сакральное место для детей-инвалидов, где они могут путешествовать между мирами. Интернет способен воздействовать на внутренний мир каждого его обитателя.

Ключевые слова: *Мариам Петросян; «Дом, в котором...»; время; пространство; многоплановость; Дом.*

Известно, что дом – это неотъемлемая часть жизни каждого человека. В первую очередь, это связано с тем, что он защищает нас от непогоды, опасностей, которые могут поджидать в темное время суток, жилище дает нам тепло и уют, здесь человек проводит большую часть своего времени. Помимо выполнения функции защиты и крова дом способен отражать душу своего хозяина. И. Л. Шолпо отмечает: «Иногда метаморфозы, которые претерпевает жилище героя, указывают на процессы, происходящие в его внутреннем мире» [Шолпо, 2013, с. 39]. Приходя в гости, мы можем понять, к какому человеку мы пришли, какой у него образ мыслей, темперамент, можем увидеть его морально-нравственные качества.

Но что, если не только хозяин влияет на дом, делает его уютным, заполняет пространство своими вещами, чтобы впоследствии жилище смогло отразить его внутренний мир? Возможно ли, что и само пространство Дома может влиять на человеческое сознание, внушать ему какие-то привычки и душевные качества? На этот вопрос поможет ответить исследование хронотопа Дома романа Мариам Петросян «Дом, в котором...».

Под термином «хронотоп», введенным в середине 30-х гг. XX в. М.М. Бахтиным, понимается «Существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе...» [Бахтин, 1975, с. 121].

Хронотоп дома в романе несет важную изобразительную функцию: он «дает существенную почву для показа-изображения событий. И это именно благодаря особому сгущению и конкретизации примет времени...на определенных участках пространства» [Там же, с. 84].

В произведении описывается жизнь детей-инвалидов внутри интерната, который они называют Домом. Внутри Дома находится отдельный мир со своими правилами, законами, стаями и вожаками. Экспозиция романа знакомит читателя с Домом-интернатом, распложенным на окраине города, «в месте, называемом Расческой», внешне выглядящим серым и незаурядным: «фасад его гол и мрачен, каким ему и полагается быть» [Петросян, 2019, т. 1, с.1].

Описывая жизнь в Доме, писательница попеременно отправляет нас то в прошлое, то в настоящее воспитанников дома. Это можно понять, исходя из возраста главных героев, которые описываются либо еще маленькими, либо уже подростками с другими прозвищами. Два времени помогают ориентироваться в порядках Дома, освоиться читателю в нем.

Помимо Дома прошлое и настоящее связывает Наружность – пространство вне дома, которое вызывает у воспитанников ужас. Они не знают другого мира, кроме мира интерната, поэтому неизведанная Наружность пугает их. О ней запрещено говорить, а ребят, покинувших Дом, стирали из памяти, напоследок проведя Ночь поминального плача: «С уходящими они поступали, как с покойниками» [Петросян, 2019, т. 2, с. 12]: «Для них там, в наружности, не жизнь» [Петросян, 2019, т. 2, с. 304]. Окна, выходящие в реальный мир, а не в мир двора Дома, дети закрашивали черной краской, из-за чего впоследствии их заложили кирпичами: «Они не желают знать ничего кроме того, что есть Дом» [Петросян, 2019, т. 2, с. 5].

Для детей было страшным само слово «Наружность», которое они сами же и придумали. Они выезжали каждый год в морской санаторий, смотрели фильмы – то есть часть внешнего мира была им доступна. Опасность заключалась не в незнании: «Они решили – Дом это Дом, а наружность – не то, в чем он находится, а нечто совсем иное» [Петросян, 2019, т. 2, с.5]

Поэтому традиционная оппозиция «свое – чужое» содержит в себе не только противопоставление Дома и Наружности, но и противопоставление настоящего и будущего, поскольку будущего за пределами Дома для детей-инвалидов не существует. Существует только прошлое и настоящее внутри Дома, поскольку «домашнее» прошлое они либо забывают, либо не хотят вспоминать о нем.

А. Байбурин, рассматривая общее понятие дома как микромоделю мира, наделял его высоким семиотическим статусом («знаковость» дома ставится

выше его «вещности»), отмечает: «Дом может быть «развернут» в мир и «свернут» в человека, если при этом не будут нарушены правила соответствия» [Байбурин, 1983, с. 11].

Согласно Ю. Лотману, с понятием дома как особой мифопоэтической категорией связаны символические контаминации художественного пространства «свое – чужое», «иномирия», «границы» [Лотман, 1988, с. 276]. Вот и Дом находится на границе миров: «На нейтральной территории между двумя мирами стоит Дом» [Петросян, 2019, т. 1, с. 49]. Образ дома имеет признаки живого пространства: «Он стар (...). Он одинок – другие дома сторонятся его...». Расположенный на окраине города Дом никому не нужен, его «не любят», сами жители Расчески «предпочли бы, чтобы его не было вообще» [Петросян, 2019, т. 1, с. 1].

Делая Дом анимичным, автор наделяет его человеческими чувствами: «Потом оказалось, что Дом живой и что он тоже умеет любить» [Петросян, 2019, т. 1, с. 61]. Как и любой человек, Дом имеет свой характер, причем характер у него сложный: «к входящему Дом разворачивается острым углом. Это угол, об который разбиваешься до крови. Потом можно войти» [Петросян, 2019, т. 1, с. 104]. Дом нельзя так просто покинуть, так как обратно он просто мог не принять.

Дом есть некая сущность, которая поглощает всех, кто его населяет. Если он пустил в себя, то «где бы ты ни был, ты теперь – его часть» [Петросян, 2019, т. 2, с. 266]. Сложно ответить на вопрос, чем именно является Дом. Согласно тексту, Дом – это «неописуемое словами, неподдающееся логике НЕЧТО» [Петросян, 2019, т. 1, с.13]. И это самое Нечто имеет власть над своими жильцами.

Политика школы-интерната отражена в буклете: «Учащиеся называют его просто Домом, объединяя в этом емком слове все, что символизирует для них эта школа, – семью, уют, взаимопонимание и заботу» [Петросян, 2019, т. 1, с. 17]. Дом является семьей почти для каждого воспитанника, потому что они выросли здесь, среди таких же людей с каким-то изъянами, которые делают ребят по-своему особенными и уникальными. Здесь нет заботы и взаимопонимания со стороны взрослых: воспитателей, учителей, директора, но есть помощь и взаимовыручка со стороны «состайников», как называют друг друга члены одной стаи. Они помогают тем, кто физически ограничен в своих действиях: «Курильщика вытаскивают из коляски и кладут на кровать», поддерживают друг друга в трудные времена [Петросян, 2019, т. 1, с. 58]. Поэтому Дом – отдельный мир особенных детей, живущих по его Законам.

Законы Дома обязательны к исполнению, они не обговариваются и требуют полного повиновения. Порой они бывают жестоки, дики, «первобытны», но воспитанники подчиняются им безоговорочно. По мнению В. А Мескина и Л. В Гайдаш, «большинство правил специфично, их побудительные мотивы неясны, они

вытекают из специфичной домовской мифологии» [Мескин, Гайдаш, 2019, с. 410].

Помимо законов у детей-инвалидов, проживающих в Доме есть своя газета «Блюм», традиции («Ночь сказок»), правила поведения (у каждой группы они индивидуальны) и даже собственный фольклор («Дождевая песня», «Заклинание от визитов мстительных покойников», суеверия, приметы).

Из этого следует вывод о том, что Дом – не просто школа-интернат на окраине города, это уникальный и непонятный, порой ужасающий, но фантастический мир особенных детей, где они «заклучали между собой браки и усыновляли друг друга», «не было надежды проникнуть в их мир, они его придумали сами» [Петросян, 2019, т. 2, с. 150].

Дом имеет два крыла – женское и мужское. На первом этаже находится приемная, актовый зал, кинотеатр, кабинки игровых автоматов, кинотеатр, прачечная. Все это напоминает нам о «нормальности» Дома, дает понять, что это действительно школа-интернат и тем самым еще больше заставляет чувствовать реальность происходящего. Читатель не имеет права забыть ни на минуту, каждый раз автор помогает ему осознать, что описываемые события – не фантастическая сказка, а самая что ни на есть реальность, со всеми ее проблемами, обидами и болью.

Второй этаж содержит классные комнаты и комнаты детей. Комната каждой группы уникальна, она отражает их внутренний мир, установленные порядки: расписанные и завешенные стены четвертой, похожие на свалку; черно-белая комната Фазанов, заставленная всевозможными растениями комната Птиц: «Дом кажется Кузнечнику огромным ульем. В каждой ячейке – спальня, в каждой спальне – отдельный мир» [Петросян, 2019, т. 2, с. 154]. Заходить и заглядывать в комнаты чужой группы запрещено.

Общее пространство Дома – коридоры с расписными стенами. Они отражают жизненный строй жителей Дома, сообщают новости: «Стены были их газетой, журналом, дорожными знаками, рекламным бюро, телеграфным центром и картинной галереей», «стены была его входом в жизнь, членским билетом, без которого нельзя было войти даже тайно» [Петросян, 2019, т. 2, с. 10–11]. Стены также отражают границы между мирами каждой стаи: «Территория второй: безголовые женские фигуры, крутейшие бедра, круглейшие ягодицы, тыквенные груди...», «Зона ягодиц и двусмысленных шуток» [Петросян, 2019, т. 2, с. 15–16].

Дом способен влиять на сознание его жильцов, он притягивает их к себе, заставляя подчиняться его негласным Законам. Внутри дома все должны играть в некую Игру, которую всеми силами пытается разгадать главный герой романа – Курильщик: «Каждому своя роль, каждому – свое место в игре. Так с тех пор и

живут. Притворяясь и придерживаясь сценария» [Петросян, 2019, т. 1, с. 134]. Новички быстро осваивают эту игру, становясь частью Дома.

Художественное пространство мира, созданного Мариам Петросян, можно назвать многоплановым, поскольку помимо находящийся за пределами Дома Наружности существуют миры внутри самого интерната. Данная многоплановость позволяет отнести роман Мариам Петросян к магическому реализму, которому посвящена статья А. Гугнина, рассуждающего об игре с пространством, обязательности двуплановости, в некоторых случаях многоплановости текста, взаимопроникновении высшей и низшей, сакральной и профанной реальностей [Гугнин, 1998, с. 105].

Изнанка Дома – так называется фантастическое пространство, куда может попасть не каждый из воспитанников. Это мистико-сокральное пространство, раскрывающее сущность того, кто туда попадает. Лишь прыгуны и ходоки способны побывать там, где время идет совсем иначе: «...я скажу, что попал черт знает куда и прожил там не меньше четырех месяцев?» [Петросян, 2019, т. 2, с. 259]. Изнанка может быть заброшенной местностью недалеко от заправки, а может быть Лесом. Там можно перевоплощаться в кого угодно, даже в животное: «Ноги опять согнулись не в ту сторону. Их как будто даже было больше, чем две» [Петросян, 2019, т. 2, с. 174]. Все строение живет в силовом поле Изнанки, она как бы диктует и закольцовывает происходящие там события.

Хронотоп Дома в романе «Дом, в котором...» поражает своей многоплановостью, игрой с пространством и временем. Дом не только отражает внутренний мир каждого ребенка, но и сам влияет на его сознание и мироощущение. У детей и подростков, проживающих там, четким является лишь настоящее, в то время как прошлое за пределами Дома, а также будущее в Наружности для них туманно.

Таким образом, Дом является подлинным домом (сакральным центром) детей-инвалидов, здесь они не чувствуют себя не такими. Как все, поскольку каждый воспитанник интерната имеет физический недостаток. Но именно эти недостатки делают их особенными, чувствительными, способными иначе мыслить и даже проникать в другие миры. В финале произведения большую часть детей Слепой уводит в Изнанку, спасая их от попадания в чужую и не признающую их Наружность [Петросян, 2019, т. 3, с. 377–378].

Библиографический список

1. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград: АН СССР, 1983. 188 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
3. Гугнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: Феномен и некоторые пути его осмысления. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. 120 с.
4. Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного // Вопросы литературы, 1968. №8. С. 74–87.
5. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Н. В // В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 251–293.
6. Мескин В. А., Гайдаш Л. В. Роман М.Петросян «Дом, в котором...» в контексте литературной традиции магического реализма // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. М.: РУДН. 2019. С. 404–413.
7. Петросян М. Дом, в котором... Книга первая. «Курильщик». М.: Лайвбук, 2019. Т. 1. 352 с.
8. Петросян М. Дом, в котором... Книга вторая. «Шакалиный восьмидневник». М.: Лайвбук, 2019. Т. 2. 352 с.
9. Петросян М. Дом, в котором... Книга третья. «Пустые гнезда». М.: Лайвбук, 2019. Т. 3. 464 с.
10. Шолто И. Л. Кто-кто в теремочке живет?.. Литературные жилища и их обитатели // Литература. Первое сентября. 2013. Вып. 3. С. 36–39.

CHRONOTOPE OF THE HOUSE IN MARIAM PETROSYAN'S NOVEL «THE HOUSE IN WHICH...»

Kuryachaya Mariya Yu.

Voronezh State Pedagogical University, 86, Lenina str., Voronezh, 394043, Russia,
kuryachaya.masha@mail.ru

The subject of this research is the features of the space-time art world created by Mariam Petrosyan in the novel "The House in which ...". As a result of the work, it turned out that the space of the House is a sacred place for disabled children, where they can travel between worlds. The boarding school is able to influence the inner world of each of its inhabitants.

Key words: *Mariam Petrosyan, novel «The house in which...», Time, space, diversity, Home.*

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КИТАЙСКОЙ ИЕРОГЛИФИКИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ИСКУССТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА СЮЙ БИНА)

Кислицкий Павел Константинович

Уральский государственный педагогический университет, 620017, Россия,
Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, p.kislickiy@gmail.com

Статья посвящена анализу ряда творческих работ современного китайского художника-авангардиста Сюй Бина, главной темой которых является исследование эстетической роли иероглифики в жизни современных китайцев. Анализ избранных работ показал, что иероглифы сохраняют свою эстетическую значимость для жителей Китая. Роль иероглифов в искусстве возросла и трансформировалась: теперь это не только искусно написанные символы, но и трансляторы философии, размышлений о соотношении внутреннего мира человека и постоянно меняющейся реальности, традиционной культуры и модных тенденций.

Ключевые слова: *Китай; китайская иероглифика; каллиграфия; постмодернизм; современное искусство.*

Введение

В начале двадцатого века в европейском искусстве зародилось авангардистское течение дадаизм. Одними из ярчайших примеров реализации течения в творчестве являлись плакаты и коллажи, в которых ключевую роль играли символы письменностей и лексика европейских языков. Несмотря на то, что дадаизм практически прекратил свое существование после Первой мировой войны, он стал предтечей постмодернизма, поэтому произведения искусства, в которых роль художественного образа выполняют слова и символы письменности, создаются художниками и по сей день. Все вышеописанное – история Европы, но какова ситуация в Азии? Иероглифическая письменность, возникшая на территории современного Китая, существует и используется по меньшей мере около четырех тысяч лет. Несмотря на свойственный любой системе письменности прагматический функционал (запись и передача информации), для самих китайцев иероглифы являются не просто частью культуры, а настоящим произведением искусства, что подтверждается многовековым существованием каллиграфии как отдельной философски обоснованной отрасли творческой деятельности. Возни-

кают **проблемные вопросы**: повлиял ли постмодернизм на эстетическое восприятие иероглифики? Каков эстетический потенциал иероглифов в современном искусстве? Какую роль иероглифика играет в современном восточноазиатском искусстве?

Материал, цель и методы исследования

Материалом для данного исследования были выбраны работы современного китайского художника Сюй Бина «Небесная книга» (*англ.* Book from the Sky, *кит.* 天书), «Каллиграфия квадратного слова» (*англ.* Square Word Calligraphy, *кит.* 英文方块字), «Landscript» (*кит.* 文字写生).

Целью исследования является выявление эстетического потенциала китайской иероглифики в современном искусстве.

Методы исследования:

- 1) описательный (подробное описание исследуемых источников, данных, фактов, мнений);
- 2) аналитический (разбор избранных работ китайского художника Сюй Бина);
- 3) обобщения (определение эстетического и философского потенциала китайской иероглифики в современном искусстве).

Теоретические основы работы

Китайские иероглифы являются одной из древнейших форм письменностей в мире. М. Чжан, ссылаясь на работу «Теория китайской каллиграфии» Б. Сюн, отмечает значимость иероглифики в жизни китайцев: «иероглифы являются ядром китайской культуры», потому что они отражают «концептуализацию мира», представленную исторически детерминированным многообразием культуры Китая. Проявляется концептуализация окружающей действительности в иероглифах посредством сохранившейся с древности пиктографичности ряда знаков и особой системы семантических коннотаций, поэтому иероглифика – это не только транслятор языковой информации, но и потенциальный «источник абстрактных форм в искусстве» [Чжан, 2021].

Иероглифическая «концептуализация мира» отразилась и в традиционном для Китая искусстве каллиграфии. Неразрывность каллиграфии и китайской ментальной картины мира, на которую в том числе повлияли классические восточные философские учения, подчеркивается А. И. Донченко. Исследователь в работе «Влияние даосской философии на искусство китайской каллиграфии» отмечает, что стремление к естественности в написании иероглифов пришло из даосизма, а эстетические концепции данного учения определили развитие по-

явившихся в то же время каллиграфических школ [Донченко, 2019]. В исследовании «Каллиграфия как пространственно-временное искусство: характер движения как основа идентификации дальневосточной каллиграфии» Н. С. Аганина, анализируя дальневосточное искусство письма, отмечает, что китайская каллиграфия отражает в себе философию единства составляющих мира и поэтому изображается в виде «сферического пространства» [Аганина, 2018], лишенного человеческого представления о форме.

Политика реформ и открытости 1980-ых годов и начавшаяся в это же время всемирная цифровизация повлияли на жизнь рядовых граждан Китайской Народной Республики. М. В. Рубец в исследовании «Визуальное оперирование письменными знаками в китайской культуре: от традиции к кибер-культуре» описывает «ренессанс» культуры составления новых иероглифов в интернет-пространстве. В древности жители территорий современного Китая постоянно создавали иероглифы для новых предметов, явлений; в интернет-культуре же данный вид лингвистического творчества проявился в свойственных времени ипостасях. Автор приводит в пример созданные пользователем популярного в Китае ресурса Zhihu пиктографические обозначения комплектующих компьютера и указывает на популярность авторских иероглифов в мемах [Рубец, 2018].

В те же годы стало преобразоваться и китайское изобразительное искусство. По мнению исследовательницы Дай Чуан, с начала 80-ых годов двадцатого столетия китайское творчество стало обретать черты по западным меркам современного (contemporary) искусства, вбирать в себя элементы европейского постмодернизма. КНР внедряется «в мировой процесс постмодернизации», «постмодернизм становится частью мышления в китайском современном искусстве», где «игра – одно из ключевых понятий» [Чуан, 2020].

Одним из ярких представителей новой школы китайского творчества является Сюй Бин, для которого объектом игры стала незыблемая часть национальной культуры – иероглифика. Наряду с Дай Чуан творческую деятельность художника-реконструктора китайской традиционной культуры описывают и Пань Чан и Сяо Чжоу в статье «Краткий анализ «авангарда» в китайском искусстве», отмечая вклад автора в популяризацию китайского искусства на международной арене [Чжоу, 2015].

Результаты исследования

Представленная на пекинской выставке в 1988 году инсталляция «Небесная книга» (*англ.* Book from the Sky, *кит.* 天书) является первой известной широкому кругу работой китайского художника Сюй Бина. Представляет она собой точно

расположенные ряды свитков с текстами, состоящими из более чем 4000 авторских иероглифов. Эти иероглифы выглядят китайскими, однако являются совершенно бессмысленными согласно стандартному китайскому (мандаринскому) языку. Сам автор отмечал, что работа как бы приглашает и отвергает желающего попытаться прочесть текст, а для кого-то произведение стало вызовом – люди пытались найти реальные иероглифы [Book from the Sky / Xu Bing]. Ряд западных критиков трактовали работу как рефлексии на эпоху «культурной революции», а точнее на предшествовавший ей процесс упрощения китайской иероглифики и внедрения новых правил письма в эпоху становления и укрепления КНР в период правления Мао Цзэдуна [What is Xu Bing's impressive Book from the Sky all about? / Public Delivery]. Однако, не отвергая возможный исторический контекст, восприятие замысла работы можно расширить: язык и письменность неразрывны с сознанием их носителей, их изменение ведет к трансформации сознания носителей, преобразению их ментальной картины.

Философию неразрывности мировоззрения и языка художник продолжил развивать в «образовательном» арт-проекте «Каллиграфия квадратного слова» (англ. Square Word Calligraphy, кит. 英文方块字). Художник с 1994 года проводит в музеях и галереях занятия по «Новой английской каллиграфии», где обучает участников разработанной им технике написания английских слов на манер ограниченных квадратом китайских иероглифов. Данная творческая игра несет в себе глубокое концептуальное значение: Сюй Бин уверен, что западная аудитория, пробуя силы в «Новой английской каллиграфии», запускает в своем сознании альтернативные когнитивные модели, а закоренелые ставит под сомнение; это приводит автора к выводу, что ощущение разницы между языковыми системами определено исключительно этнической спецификой работы мозга [Square Word Calligraphy Classroom / Xu Bing]. Данный проект художника демонстрирует нам особенности эпохи постмодернизма и глобализации: при смешении и частичном слиянии различных культур в условиях единой всемирной экономики остаются нетронутыми и непоглощенными различные культурные особенности, благодаря чему по сей день сохраняются национально детерминированные ментальные различия жителей разных стран.

К теме развития китайской культуры и собственно китайского мироощущения Сюй Бин обратился в серии работ «Landscape» (кит. 文字写生). Название данной художественной серии трудно точно перевести на русский, и именно в нем заключено идейное значение работы. Слово «landscape» – соединение слов landscape (пейзаж) и script (сценарий); с китайским названием ситуация схожая – 文字 (wénzì, письменность, текст) и 写生 (xiěshēng, название одного из жанров

китайской живописи). Картины данной серии представляют собой пейзажи, изображенные посредством иероглифов. Например, вместо каждого дерева художник прописывал иероглиф 木 (mù, дерево), а вместо корзины – иероглиф 筐 (kuāng [плетёная] корзина). Сюй Бин, комментируя данный проект, признавался, что таким образом он приглашает зрителя проникнуться издревле существующей неразрывностью каллиграфии и пейзажного изобразительного искусства в традиции Китая и переосмыслить эту связь. Серия работ «Landscape» позволяет публике ощутить единство письменности и искусства в культуре Китая. Путём превращения автором художественных образов в лингвистические формы мы можем буквально «прочитать сцену» [Landscape / Xu Bing].

Заключение

Анализ избранных работ современного художника Сюй Бина позволяет сделать вывод о том, что иероглифика не потеряла своей значимости в китайском искусстве. Более того, внедрение философской концепции западного постмодернизма позволило расширить границы эстетического и концептуального восприятия азиатской письменности. В работах Сюй Бина, известного и значимого представителя восточноазиатского новаторского искусства, иероглифы играют ключевую роль, они являются средством выражения представлений о китайском самосознании, демонстрации различий мироощущения людей Запада и Востока.

Библиографический список

1. Аганина Н. С. Каллиграфия как пространственно-временное искусство: характер движения как основа идентификации дальневосточной каллиграфии // Культура и искусство. 2018. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kalligrafiya-kak-prostranstvenno-vremennoe-iskusstvo-harakter-dvizheniya-kak-osnova-identifikatsii-dalnevostochnoy-kalligrafii> (дата обращения: 04.11.2021).
2. Донченко А. И. Влияние даосской философии на искусство китайской каллиграфии // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-daosskoy-filosofii-na-iskusstvo-kitayskoj-kalligrafii> (дата обращения: 04.11.2021).
3. Рубец М. В. Визуальное оперирование письменными знаками в китайской культуре: от традиции к кибер-культуре // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2018. №2 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnoe-operirovanie-pismennymi-znakami-v-kitayskoj-kulture-ot-traditsii-k-kiber-kulture> (дата обращения: 07.11.2021).
4. Чжан Минцзы Иероглифы в традиционном китайском искусстве: воспроизведение, использование и эстетическое значение // Манускрипт. 2021. №5. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/ieroglify-v-traditsionnom-kitayskom-iskusstve-vosproizvedenie-ispolzovanie-i-esteticheskoe-znachenie> (дата обращения: 31.10.2021).
5. Чжоу Сяо Краткий анализ «Авангарда» в китайском искусстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kratkiy-analiz-avangarda-v-kitayskom-iskusstve> (дата обращения: 12.11.2021).
6. Чуан Дай Ситуация современного искусства в Китае: традиция и постмодернизм // Культура и искусство. 2020. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/situatsiya-sovremennogo-iskusstva-v-kitae-traditsiya-i-postmodernizm> (дата обращения: 31.10.2021).
7. Book from the Sky / Xu Bing. URL: <http://www.xubing.com/en/work/details/206?classID=2&type=class#206> (дата обращения: 15.11.2021).
8. Landscript / Xu Bing. URL: <http://www.xubing.com/en/work/details/231?year=1999&type=year> (дата обращения: 15.11.2021).
9. Square Word Calligraphy Classroom / Xu Bing. URL: <http://www.xubing.com/en/work/details/209?year=1996&type=year> (дата обращения: 15.11.2021).
10. What is Xu Bing's impressive Book from the Sky all about? / Public Delivery. URL: <https://publicdelivery.org/xu-bing-book-from-the-sky> (дата обращения: 15.11.2021).

THE AESTHETIC POTENTIAL OF CHINESE CHARACTERS IN POSTMODERN ART (ILLUSTRATED BY THE EXAMPLE OF XU BING'S ARTWORKS)

Kislitskiy Pavel K.

Ural State Pedagogical University, 26, Kosmonavtov Ave., Yekaterinburg,
620017, Russia, p.kislickiy@gmail.com

The article is devoted to the analysis of a number of creative works about the aesthetic role of Chinese characters in the life of modern Chinese made by the avant-garde artist Xu Bing. Analysis of selected works showed that characters retain their aesthetic value for the people of China. The role of characters in art has increased and transformed. They are not only skillfully written symbols, but also translators of philosophy, reflection of the union between a person's inner world and constantly changing reality.

Key words: *China; Chinese characters; calligraphy; postmodernism; contemporary art.*

ART OF PUBLIC

УДК 352:353(470+571)

«ВЫЖИВАЕМОСТЬ» И ЛОЯЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ГЛАВ В УСЛОВИЯХ КОНКУРСНОЙ МОДЕЛИ ИЗБРАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Субботина Анна Александровна

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15, annasubbotina1000@gmail.com

Статья посвящена определению факторов, обуславливающих политическую лояльность местных глав в условиях конкурсной модели избрания. На примере муниципалитетов Пермского края автор ставит вопрос о влиянии политического выживания местного главы на его лояльность региональной власти. Данная проблема рассмотрена с точки зрения двух подходов: теорий принципал-агентских и патрон-клиентских отношений. В соответствии с ними сформулированы конкурирующие гипотезы. Кроме фактора политической выживаемости, учитывались и другие факторы, влияющие на лояльность мэра: финансовая автономия муниципалитета, экономическое положение его жителей и экологические проблемы. В результате предположение о влиянии переизбрания местного главы на второй срок на его лояльность региональной власти не подтвердилось, что соответствует рациональной логике теории принципал-агентских отношений.

Ключевые слова: местное самоуправление; региональная власть; главы муниципальных образований; политическая лояльность; политическая выживаемость; теория принципал-агентских отношений; патрон-клиентелизм.

В 2014 в России была введена конкурсная модель избрания глав муниципалитетов [№ 165-ФЗ, 2014, ст.1, п. 13], что стало одним из этапов встраивания местного самоуправления в единую вертикаль власти. Согласно этой модели, кандидаты на должность главы сначала проходят отбор конкурсной комиссии. Эта комиссия наполовину формируется представительным органом муниципального образования (сокр. МО) другая же половина ее членов назначается губернатором. Затем представительный орган муниципалитета из отобранных конкурсной комиссией кандидатов выбирает главу [Казанцев, Румянцева, 2020]. При такой модели региональные элиты за счёт контроля за действиями конкурсной комиссии получают больше возможностей для утверждения в должности главы муниципалитета одобряемого ими кандидата.

Как следствие, в результате этих институциональных изменений меняются стимулы для деятельности местного главы. В условиях модели прямого избрания

для сохранения должности мэру приходится лавировать между реализацией эффективной политики в интересах населения, чтобы завоевать их голоса на следующих выборах, и демонстрацией лояльности региону, так как региональная власть располагает механизмами влияния на местную власть (например, поддержка кандидата во время выборов главы муниципалитета, распределение субсидий между муниципалитетами). С введением конкурсной модели главе МО, чтобы сохранить пост, становится важным получить поддержку губернатора, так как он назначает 50% членов конкурсной комиссии. При этом мэру не нужно проходить через процедуру прямых выборов, а значит, завоевывать голоса избирателей. Какие факторы в изменившихся условиях влияют на способность мэра сохранить свой пост? Согласно ряду исследований [Egorov, Sonin, 2011; Reuter, Robertson, 2012], автократы, выбирая между лояльными и эффективными элитами, предпочитают лояльных. Поэтому можно предположить, что «выживаемость» мэра будет зависеть от его политической лояльности губернатору. Но это сложная, неоднонаправленная связь. Сохраняет пост лояльный мэр? Или регионалы изначально выбирают и назначают лояльных им кандидатов? Поэтому в рамках данной работы делается попытка посмотреть на проблему со следующей стороны: влияет ли политическое «выживание» местного главы на его лояльность региональной власти? Этому вопросу посвящена статья.

Лояльность – социальный феномен, который находит отражение не только в политической сфере. Но в рамках данной работы мы исследуем лояльность только в рамках политических отношений. Политическая лояльность – это способность элит эффективно принимать меры для обеспечения стабильности режима [Reuter, Robertson, 2012]. В статье рассматривается только один из её аспектов – электоральная лояльность, под которой понимается деятельность элит с целью помочь режиму выиграть выборы: мобилизация избирателей (явка) и обеспечение голосов за правящую партию/инкумбента [Сироткина, Карандашова, 2017; Golosov, Tkacheva, 2018; Reuter, Robertson, 2012; Rochlitz, 2016; Sharafutdinova, 2015]. Автократы заинтересованы в явке избирателей и голосовании за правящую партию/инкумбента на национальных выборах, так как высокая явка и убедительная победа правящей партии рассматривается как свидетельство мощи и стабильности режима, сигнал оппозиции о бессмысленности её действий [Magaloni, 2006]. В авторитарных режимах региональные лидеры также могут быть заинтересованы в высокой явке и голосовании за правящую партию/инкумбента на региональных выборах, так как убедительная победа при высокой явке выступает легитимацией их власти. Поэтому применительно к исследованию политической лояльности местных глав региональной власти можно рассматривать результаты региональных выборов. Под политической выживаемостью в данном

исследовании понимается переизбрание местного главы на второй/последующий срок полномочий или продолжение своей политической карьеры на более статусной должности.

В качестве региона для исследования выбран Пермский край, так как в данном субъекте во всех исследуемых муниципальных образованиях введена конкурсная модель избрания местного главы [458-ПК, 2015, ст. 1]. Концентрация на одном регионе также позволяет избежать экономических и этнических вариаций, которые наблюдаются между российскими регионами.

Теоретическая рамка

Логику взаимодействий региональной и муниципальной элиты можно рассмотреть с точки зрения 2 подходов: экономического и социологического. В рамках экономического подхода межэлитные взаимоотношения объясняет теория принципал-агентских отношений, а в рамках социологического – теория патрон-клиентских отношений. В их основе – представление о неравенстве ресурсов у сторон отношений, властной асимметрии, взаимных обязательствах сторон и их обоюдной заинтересованности во взаимодействии [Афанасьев, 1996; Туровский, 2013]. Но эти теории указывают на разные мотивы, которые лежат в основе действий акторов.

Теория принципал-агентских отношений исходит из представления о рациональности акторов: принципал и агент стремятся к максимизации собственной выгоды и минимизации издержек. Эта теория опирается на институционально оформленные возможности влияния одного актора на другого. В ее основе лежит делегирование принципалом полномочий агенту, за выполнение которых последний получает вознаграждение. Одной из причин делегирования является недостаток у принципала собственных ресурсов для реализации полномочий без помощи агента. Поэтому ему, как рациональному игроку, выгодно передать эти полномочия располагающему необходимыми ресурсами агенту [Горохов, 2011; Туровский, 2013].

В нашем случае в качестве принципала выступает региональная власть, а агента – местный глава. Следует отметить, что местное самоуправление (сокр. МСУ) может рассматриваться агентом сразу нескольких принципалов. Во-первых, это локальное сообщество, которое избирает местных депутатов, а те в условиях конкурсной модели избирают главу. Во-вторых, это уже отмеченная региональная власть, которая взаимодействует с органами МСУ, может влиять на них, в том числе через процедуру конкурсного избрания главы. В-третьих, это федеральный центр, который разрабатывает общие правила функционирования местного самоуправления в России [Туровский, 2013]. В условиях конкурсной модели избрания мэров губернатора, региональную власть можно рассматривать

как основного принципала для местного главы, так как губернатор через контроль над конкурсной комиссией получает институциональные возможности влиять на избрание того или иного кандидата. В двусторонних отношениях губернатора и мэра «обязательно присутствуют контракт и вознаграждение, которое получает агент от принципала» [Туровский, 2013, с. 160]. Применительно к исследуемой проблеме «контракт» можно смоделировать так: региональная власть (принципал) делегирует полномочия по обеспечению и контролю электоральных результатов местному главе (агенту) и обещает обеспечить переизбрание агента в случае успешного выполнения задания, а тот «платит» политической лояльностью. Так как стороны рациональны, у них нет причин нарушать договор, но при этом и нет стимулов прикладывать дополнительные усилия, привлекать дополнительные ресурсы для реализации договорённостей. Мэр, как рациональный агент, стремится выполнить обязательства с минимальными затратами со своей стороны. Если в прежний срок полномочий губернатор был удовлетворён работой мэра и способствовал его переизбранию, то глава в следующий срок полномочий будет выполнять свои «контрактные обязательства» на том же уровне, так как этого было достаточно для сохранения поста. Поэтому можно предположить, что переизбрание мэра не будет оказывать влияние на его политическую лояльность.

Патрон-клиентелизм формируется и распространяется там, где формальные институты не работают или они малоэффективны [Афанасьев, 2000, с.68]. Эти отношения основаны на неформальных договорённостях. В их основе обмен разнообразными ресурсами и обязательствами. В системе этих отношений патрон выступает покровителем, предоставляющим ресурсы и защиту клиенту – покровительствуемому субъекту, который взамен обещает солидарность, верность, преданность. Степень солидарности может варьироваться от сильной, характеризующейся привязанностью, искренней приверженностью клиента к патрону, до слабой. В таком случае логика взаимоотношений клиента и патрона приобретает инструменталистский характер: клиент больше ориентируется на получение личной выгоды, но некоторая степень солидарности во взаимоотношениях все равно сохраняется [Eisenstadt, Roniger, 1980]. То есть рациональные мотивы поведения патрона и клиента в данной теории дополняются иррациональными мотивами: искренняя преданность, уважение, привязанность. С точки зрения теории патрон-клиентских отношений региональная власть занимает позицию патрона, а глава муниципалитета – клиента. Их взаимоотношения характеризуются искренней или инструменталистской солидарностью, преданностью, уважением клиента к патрону. Возможно, личное знакомство, родство, дружеские связи. Поэтому можно предположить, что местные главы, движимые как рациональными, так и иррациональными мотивами, будут стремиться выслужиться, доказать

свою преданность, завоевать внимание патрона, вкладывая дополнительные ресурсы в демонстрацию лояльности в период второго (и последующего) срока полномочий. Следовательно, переизбрание будет влиять на политическую лояльность мэра.

Но на лояльность местного главы региональной власти могут влиять и другие факторы, которые следует учитывать в анализе. Лояльность мэра может быть обусловлена финансовой автономией его муниципалитета. Степень зависимости местного бюджета от региональных трансфертов варьируется от муниципалитета к муниципалитету. Согласно теории принципал-агентских отношений, главы, как рациональные игроки, в «богатых» – более самостоятельных МО могут позволить себе больше самостоятельности и свободы в принятии решений. А главы «бедных» МО – финансово зависимых от трансфертов, вынуждены демонстрировать политическую лояльность, чтобы не лишиться финансовой поддержки региона в виде «политизированных» трансфертов. Это теоретическое предположение также подтверждают эмпирические исследования, авторы которых отмечают, что в авторитарных режимах способность местного или регионального главы обеспечить явку на выборы и голосование избирателей за инкумбента влияет на долю субсидий, выделяемой этой территории центром [Sharafutdinova, Turovsky, 2017; Zavadskaya, Shilov, 2021], причем применительно к отношениям российских муниципалитетов с региональной властью характерна модель поощрения за хорошие электоральные показатели [Гилев, Шевцова, 2019]. Поэтому фактор бюджетной автономии может оказывать влияние на политическую лояльность местного главы.

Но с точки зрения теории патрон-клиентских отношений финансовая автономия МО может быть и не значимой. Для местного главы важнее продемонстрировать преданность, уважение, укрепить неформальные связи с губернатором, которые в том числе могут помочь решить финансовые трудности, получить субсидии [Завадская, 2020]. Поэтому в рамках данной теории выдвигается конкурирующая гипотеза: финансовая самостоятельность МО не влияет на политическую лояльность мэра.

В работе политическая лояльность измеряется посредством электоральных индикаторов: явки на выборы и голосования за инкумбента (Д. Н. Махонин занимал должность временно исполняющего обязанности губернатора Пермского края до избрания, поэтому его можно считать инкумбентом). Поэтому важно контролировать факторы, непосредственно влияющие на явку и голосование в каждом муниципалитете. В работе рассмотрены следующие факторы.

1. Экономическое положение жителей муниципалитета. Согласно экономическим теориям электорального поведения, состояние экономики, экономическое положение индивида влияет на его выбор, а также на

само его участие или неучастие в выборах. Поэтому в муниципалитетах с экономическими проблемами и низким уровнем жизни население может негативно относиться к действующей политической власти, что будет выражаться в низкой явке и протестном голосовании.

2. Экологические состояние МО. Состояние окружающей среды влияет на качество жизни и здоровье местного населения. Острые проблемы с состоянием окружающей среды также могут вызвать негативное отношение местных жителей к власти, что может выражаться в низкой явке и в протестном голосовании.

Эмпирические данные и операционализация.

В работе рассматривается 44 МО. Исключен Пермь как особый случай. Это крупный город-региональный центр с населением более 1 миллиона человек. В данном муниципалитете отношения региональных элит с локальными элитами могут отличаться от модели взаимоотношений с другими муниципалитетами по причине его экономической и политической значимости для региона. Пермь целесообразнее исследовать либо как отдельный случай, либо в сравнении с подобными крупными городами. ЗАТО Звездный исключён из анализа, так как по этому муниципалитету отсутствуют данные.

Политическая лояльность местного главы операционализируется как явка на выборы губернатора Пермского края 2020 г. и процент голосов за инкумбента (Махонина) в данном муниципалитете. Следует отметить несовершенство такой формы операционализации, так как явка и голосование не являются обязательным следствием активных мобилизационных действий местной власти. Несмотря на ограничения этого подхода, явка и голосование являются одними из наиболее распространенных индикаторов для измерения политической лояльности, [Сироткина, Карандашова, 2017; Завадская, 2020; Golosov, Tkacheva, 2018; Reisinger, Moraski, 2013; Reuter, Robertson, 2012; Rochlitz, 2016]. Финансовая автономия МО измеряется на основе индекса сбалансированности местного бюджета, предложенного Институтом экономики города. Этот индекс показывает соотношение между собственными располагаемыми доходами МО и расходами за вычетом субвенций [Григорьев и др., 2009, с. 139]. Затем на основе этого показателя производится деление МО на относительно «бедные» и «богатые» [Зуйкина, 2015]. Экономическое положение жителей МО измеряется через уровень средней заработной платы в муниципалитете, так как этот показатель наиболее ощущаем самими жителями, выступает для них основой для определения своего материального положения. Операционализация всех переменных представлена в таблице 1.

В качестве метода выбран дисперсионный анализ, так как основная независимая переменная – выживаемость – принимает только 2 значения и измеряется

как 1 или 0, а зависимая переменная – политическая лояльность – измеряется как количественная (числовой диапазон значений).

Для расчета явки на выборы губернатора Пермского края 2020 использованы материалы базы данных Центральной избирательной комиссии РФ. Информация о переизбрании/ непереизбрании местных глав, их последующей карьере была взята с официальных сайтов муниципальных образований Пермского края и Пермских СМИ. Источником социально-экономических данных и данных о местном бюджете МО Пермского края стала база данных муниципальных образований Росстата.

Таблица 1

Операционализация переменных

Переменная	Операционализация	Кодирование
Политическая лояльность	1). Явка на досрочных выборах губернатора Пермского края 2020 2). Голосование за инкумбента (Д. Н. Махонин)	Процент явки Процент голосов
Политическая выживаемость	Факт переизбрания или непереизбрания главы на второй или последующий срок полномочий	0 – избран впервые 1 – переизбран на второй и последующий срок;
Финансовая автономия МО	Индекс сбалансированности бюджета = (Доходы – Безвозмездные поступления)/ (Расходы – субвенции)	0 – «бедные» МО (Индекс <0,3) 1 – «богатые» МО (Индекс > 0,3)
Экономическое положение жителей МО	Среднемесячная заработная плата работников организаций	0 – МО с более низкой заработной платой у населения. 1 – МО с более высокой заработной платой населения. Разделение на 2 группы по медианному показателю
Экологическое состояние МО	Общее количество загрязняющих веществ, выбрасываемых в окружающую среду (тыс. тонн)	0 – МО с более благоприятной экологической ситуацией. 1 – МО с менее благоприятной экологической ситуацией. Разделение на 2 группы по медианному показателю

Результаты

Результаты исследования представлены в таблицах 2 и 3.

Как видно из таблиц 2 и 3 переизбрание мэра на второй и последующий срок не оказывает влияния на электоральную лояльность: ни явка на губернаторские

выборы, ни голосование за инкумбента как индикаторы электоральной лояльности статистически не значимы. Графики, иллюстрирующие это наблюдение, представлены на рисунках 1 и 2. Можно заметить, что медианные значения явки и голосования за инкумбента почти совпадают в муниципалитетах с избранными впервые и переизбранными мэрами, что показывает отсутствие различий в политической лояльности между рассматриваемыми группами глав.

Таблица 2

Результаты: зависимая переменная – явка на выборы

Переменная	Число степеней свободы (Df)	F-значение (F-value)	p-уровень значимости
Политическая выживаемость	1	0.914	0.3449
Финансовая автономия МО	1	4.554	0.0392 *
Экологическое состояние МО	1	2.326	0.1353
Экономическое положение жителей МО	1	0.524	0.4736

Примечание: * $p < 0.05$

Таблица 3

Результаты: зависимая переменная: голосование за Д. Н. Махонина

Переменная	Число степеней свободы (Df)	F-значение (F-value)	p-уровень значимости
Политическая выживаемость	1	0.058	0.812
Финансовая автономия МО	1	2.441	0.126
Экологическое состояние МО	1	1.692	0.201
Экономическое положение жителей МО	1	1.427	0.240

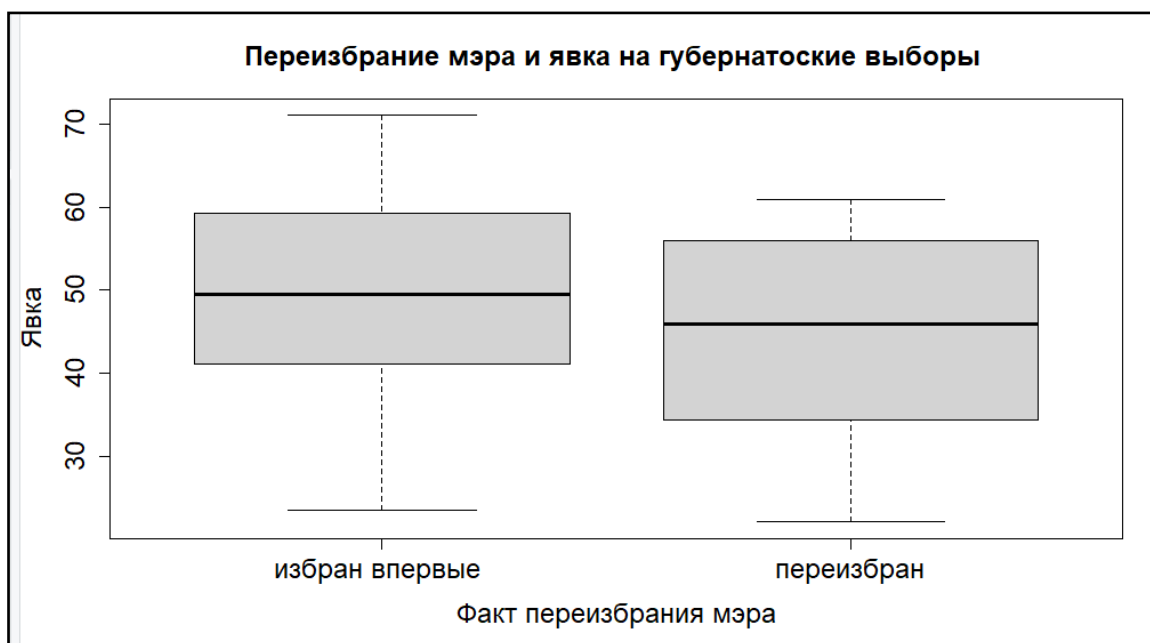

Рис. 1. Переизбрание мэра и явка на губернаторские выборы

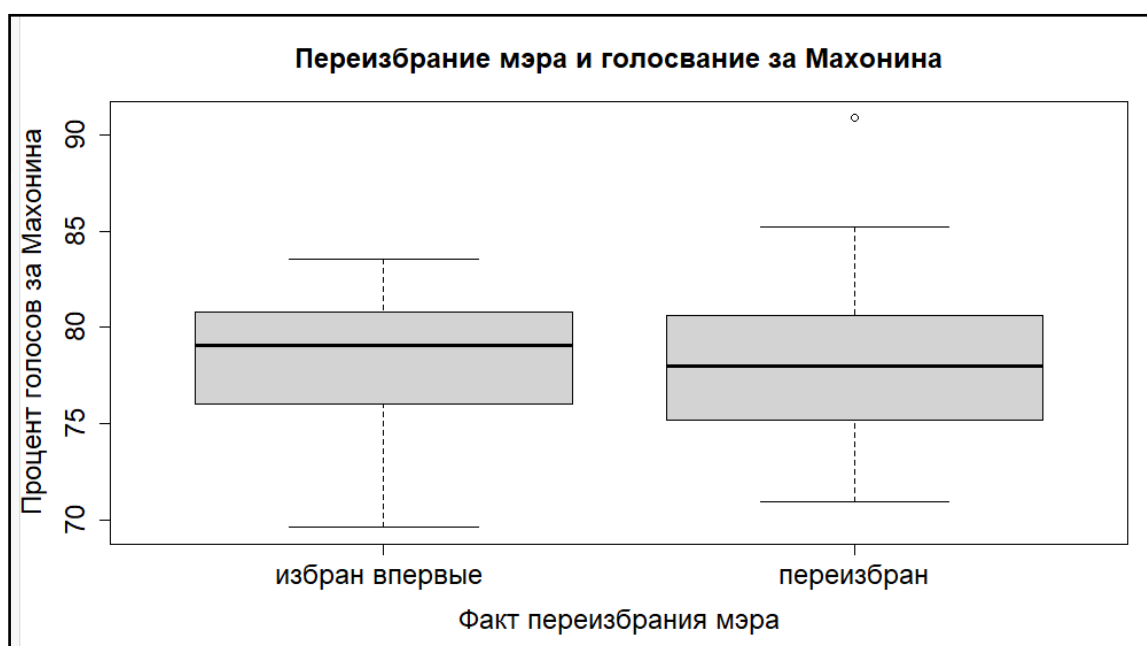

Рис. 2. Переизбрание мэра и голосование за Махонина

Следует обратить внимание на показатель финансовой автономии. В модели с явкой как индикатором политической лояльности этот фактор статистически значим, а в модели с голосование за инкумбента – нет. Следовательно, невозможно однозначно утверждать, что мэры в финансово автономных муниципалитетах менее политически лояльны, чем главы МО, зависящих от региональных трансфертов, однако частично это предположение подтверждается. Неустойчивость значимости показателя финансовой автономии в моделях с разными элек-

торальными показателями может объясняться разным значением этих показателей для региона. Что региональная власть ставит в приоритет и ожидает от мэра: обеспечение голосования за инкумбента в муниципалитете или для региональной власти более важна мобилизация избирателей (явка)? Если есть приоритетный критерий, то мэр в своей деятельности будет ориентироваться на него. Но выявить приоритетный критерий электоральной лояльности не представляется возможным в рамках количественного дизайна. Поэтому в работе рассматриваются оба индикатора на равных основаниях.

Рисунки 3 и 4 иллюстрируют распределение показателей электоральной лояльности в группе относительно бедных и в группе относительно богатых муниципалитетов. На обоих графиках медианное значение электоральных показателей в относительно «богатых» МО ниже верхней границы первого квартиля боксплота группы финансово зависимых МО, что говорит о различиях в электоральной лояльности мэров в 2 группах муниципалитетах и свидетельствует в пользу гипотезы, сформулированной в теории принципал-агент. Однако в модели с индикатором «голосование за инкумбента» наблюдаемые различия статистически не значимы в отличие от модели с явкой.

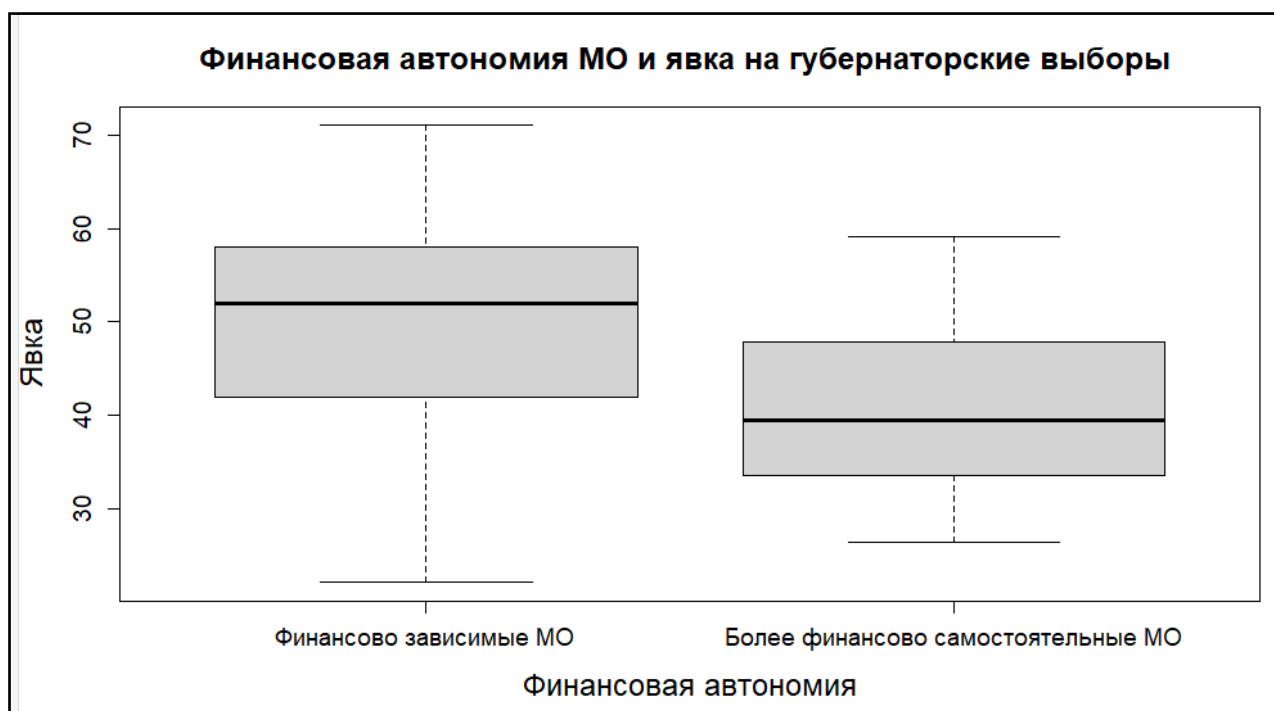

Рис. 3. Финансовая автономия и явка на губернаторские выборы

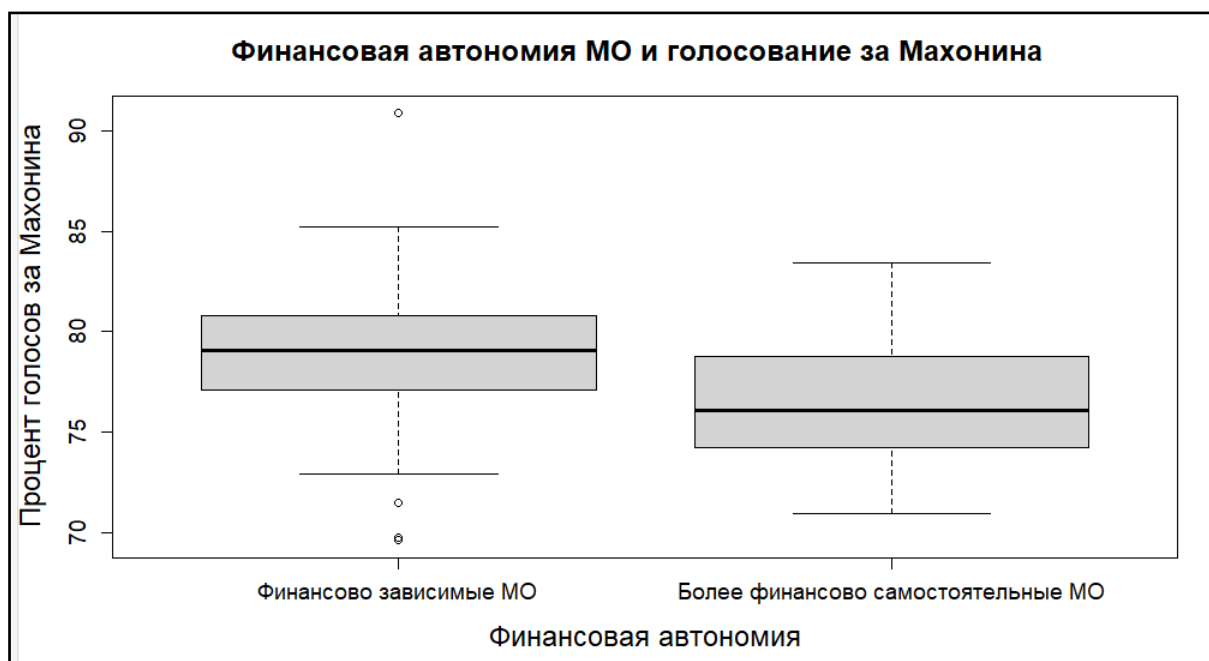

Рис. 4. Финансовая автономия и голосование за Махонина

Можно заметить, что подтвердились или ограниченно подтвердились все гипотезы, сформулированные в рамках теории принципал-агентских отношений. Следовательно, данная методология, в частности, и экономический подход, в целом, обладают достаточной объяснительной силой применительно к исследованиям взаимоотношений региональной и муниципальной элит. Их действия можно описать как рациональные. При этом фактор финансовой автономии для мэров можно рассматривать как значимый при выборе стратегии отношений с региональной властью (переменная статистически значима в модели с явкой), а фактор выживаемости – нет. Последнее можно объяснить, во-первых, эндогенностью вопроса. Как уже отмечалось выше, сложно установить точно, какое из исследуемых явлений – лояльность или выживаемость – является зависимой переменной, а какое – независимой. Во-вторых, сложно зафиксировать различия в степени лояльности. Конкурсная модель создает стимулы для местных глав быть политически лояльными региональной власти. Но ряд мэров более эффективно мобилизует электорат и обеспечивает голоса за партию власти/инкумбента, а другие главы – менее эффективно. Чем обусловлены эти различия? Данный вопрос отсылает к проблеме функционирования политических машин и деятельности брокеров. Но он требует другого исследования, которое выходит за рамки этой статьи.

Значимость индикатора состояния местного бюджета, его влияние на лояльность мэра можно объяснить общей финансовой зависимостью МО от региона. Для российских муниципалитетов, в целом, характерна низкая финансовая авто-

номия: доля собственных доходов МО составляет около 30% [Казанцев, Румянцева, 2020, с. 26]. И мэры вынуждены учитывать свои финансовые возможности и ограничения, степень своей самостоятельности в выстраивании отношений с регионом. Это вполне соответствует логике рациональности, которая лежит в основе теории принципал-агентских отношений.

Несмотря на подтверждение гипотез, сформулированных в рамках данной теории, не стоит ограничиваться только экономическим подходом при объяснению отношений между региональной властью и местным главой. Да, в основе патрон-клиентелизма лежит солидарность между участниками. Но, как уже отмечалось выше, степень солидарности может варьироваться от искренней приверженности до слабой солидарности, где отношения приобретают инструментальный характер: каждый из участников преимущественно ориентируется на получение выгоды. Поэтому наблюдение рациональной логики во взаимоотношениях сторон не исключает возможные патрон-клиентские отношения между ними. Патрон-клиентелизм проявляется в неформальных практиках, которые очень сложно зафиксировать количественно, поэтому, чтобы описать клиентелистские связи, исследуемый вопрос целесообразно рассмотреть с помощью качественных методов анализа.

Важно отметить, что факторы экономического положения жителей и экологических проблем в МО тоже не оказали влияния. Но в Пермском крае выделяются муниципалитеты со сложной экологической ситуацией. Можно предположить, что этот фактор оказывают сильное воздействие только в отдельных МО, но при количественном исследовании такие случаи теряются в общем массиве данных. Вероятно, чтобы проследить влияние данных факторов стоит точно рассмотреть конкретные случаи.

Библиографический список

1. *Афанасьев М. Н.* Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России // Московский общественный научный фонд. М., 2000. №. 9. 318 с.
2. *Афанасьев М. Н.* Клиентелизм: историко-социологический очерк // Полис: Политические исследования. 1996. №. 6. С. 97–108.
3. База данных показателей муниципальных образований [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 02.01.2022)

4. База данных Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 24.06.2021)
5. *Гилев А. В., Шевцова И. К.* Фундамент "вертикали": выборы и распределение межбюджетных трансфертов на местном уровне (Случаи Новгородской области и Пермского края) // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2019. №. 2 (93). С. 151–167.
6. *Горохов В. А.* Факторы сохранения должностей главами исполнительной власти субъектов российской федерации 2005–2009 гг.: кроссрегиональный сравнительный анализ: диссертация кандидата политических наук. СПб, 2011. 243 с.
7. *Григоров В. Э., Жигалов Д. В., Перцов Л. В.* Анализ влияния реформы местного самоуправления и реформы межбюджетных отношений на финансовые основы местного самоуправления в Российской Федерации. М.,: Фонд «Институт экономики города, 2009. 113 с.
8. *Завадская М. А.* Электоральная лояльность и качество предоставления услуг в российских муниципалитетах // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2020. Т.14, №. 4. С. 62–75.
9. Закон Пермского края от 19 марта 2015 458-ПК «О внесении изменений в Закон Пермского края «О порядке формирования представительных органов муниципальных образований Пермского края и порядке избрания глав муниципальных образований Пермского края», ст.1. URL: <https://zakon.zsperm.ru/data/docs/229658> (дата обращения 24.04.2022).
10. *Зуйкина А. С.* Конкуренция муниципалитетов за государственный ресурс и политика региональных властей в Пермском крае (на примере распределения межбюджетных трансфертов) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2015. №. 4. С. 66–80.
11. *Казанцев К.И, Румянцева А.Е.* От избрания к назначению. Оценка эффекта смены модели управления муниципалитетами в России // Исследования по вопросам государственного управления. 2020. Т. 5, №. 5. С. 4–66.
12. Коммерсантъ Прикамье, публикации за 2019 – 2020 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/regions/59> (дата обращения: 17. 03.2021).
13. Министерство территориального развития Пермского края [Электронный ресурс]. URL: <https://minter.permkrai.ru/o-vedomstve/munitsipalnye-obrazovaniya/munitsipalnye-obrazovaniya> (дата обращения: 17.03.2021).
14. Парма-Новости, публикации за 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://parmanews.ru/> (дата обращения: 17. 03.2021)

15. *Сироткина Е. В., Карандашова С. А.* Лояльность элит и выборы глав регионов: роль предвыборных конфликтов в исходе голосования // Полис: Политические исследования. 2017. №. 6. С. 76–91.
16. *Туровский Р. Ф.* Местное самоуправление в России как агент в принципал-агентских отношениях с государственной властью // Социально-экономические явления и процессы. 2013. №. 12 (058). С. 159–167.
17. Федеральный закон от 23.06.2014 № 165-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации", ст.1, п.13 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164503/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100037 (дата обращения: 05.01.2022).
18. *Golosov G. V., Tkacheva T.* Let my people run: Pre-election resignations of Russia's governors, 2013–2015 // Problems of Post-Communism. 2018. Vol. 65, No. 4. P. 243–252.
19. *Egorov G., Sonin K.* Dictators and their viziers: Endogenizing the loyalty–competence trade-off // Journal of the European Economic Association. 2011. Vol. 9, No. 5. P. 903–930.
20. *Eisenstadt S. N., Roniger L.* Patron—client relations as a model of structuring social exchange // Comparative studies in society and history. 1980. Vol. 22, No. 1. P. 42–77.
21. *Magaloni B.* Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 300 p.
22. *Reisinger W. M., Moraski B. J.* Russia's Governors Under Presidential Control, 2005–2012: A Survival Analysis of Gubernatorial Tenures // University of Iowa. 2013.
23. *Reuter O. J., Robertson G. B.* Subnational appointments in authoritarian regimes: Evidence from Russian gubernatorial appointments // The Journal of politics. Vol. 74, No. 4. P. 1023–1037.
24. *Rochlitz M.* Political loyalty vs economic performance: evidence from machine politics in Russia's regions // Higher School of Economics Basic Research Program Working Papers. Series: Political Science WP BRP. 2016. Vol. 34.
25. *Sharafutdinova G.* Elite management in electoral authoritarian regimes: A view from Bashkortostan and Tatarstan // Central Asian Affairs. 2015. Vol. 2, No. 2. P. 117–139.
26. *Sharafutdinova G., Turovsky R.* The politics of federal transfers in Putin's Russia: regional competition, lobbying, and federal priorities // Post-Soviet affairs. 2017. Vol. 33, No 2. P. 161–175.

27. *Zavadskaya M., Shilov L.* Providing Goods and Votes? Federal Elections and the Quality of Local Governance in Russia // *Europe-Asia Studies*. 2021. Vol. 73, No. 6. P. 1–23.

THE SURVIVABILITY AND LOYALTY OF LOCAL HEADS UNDER THE COMPETITIVE MODEL OF ELECTION (A CASE OF PERM KRAI)

Subbotina Anna A.

Perm State University, 15, Bukireva str., Perm, 614990, Russia,
annasubbotina1000@gmail.com

This article focuses on the political loyalty of mayors under the conditions of a competitive election model. Using the case of Perm Krai, the author has attempted to answer the question: does the political survival of the mayor affect to the his loyalty to the regional government? This problem was considered from the perspective of two approaches: principal-agent and patron-client theories. Following these theories competing hypotheses were formulated. In addition to the survival factor, other factors affecting loyalty were taken into account, such as the financial autonomy of the municipality, the economic situation of its population, and environmental problems. As a result, the hypothesis about the effect of the re-election of mayor on his loyalty to the regional government has not been confirmed, which is consistent with the rational logic of the theory of principal-agency relations.

Key words: local self-government; regional government; mayors; political loyalty; political survival; principal-agency theory; patron-clientelism.

АНИМАЦИОННОЕ ИСКУССТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Болтак Владислав Сергеевич

Севастопольский государственный университет, 299053, Россия,
Севастополь, ул. Университетская, 33, kat.ye@yandex.ru

В данной статье проведен анализ американской и советской анимации по проблемной теме политической пропаганды в годы Второй мировой войны и конца XX века. Выделяются существенные характеристики пропаганды, ее отличие от «мягкой силы». Акцентируется внимание на возможности анимационных фильмов служить инструментом пропаганды, отражая тенденции развития общества, идеологические расколы и остроту конфликтов. Автор приходит к выводу, что заключенная в анимации идеология порождает новую систему ценностей, влияющих на изменение сознания человека и культуру народа в целом. В настоящее время анимационные фильмы остаются благоприятной почвой для массовой культуры и одной из эффективных платформ манипулирования зрителем.

Ключевые слова: анимация; пропаганда; идеология; политика; мягкая сила.

Становление и развитие массового общества в XX в. сопровождалось появлением новых политических феноменов. С одной стороны, это тоталитарные режимы, в которых ведущая роль отводилась идеологии, призванной формировать соответствующую систему ценностей личности. С другой стороны, демократические режимы не менее были заинтересованы в формировании общественного мнения и обеспечении легитимности власти не только в глазах избирателя, но и в рамках мировой политики. Для решения подобных задач использовались инструменты пропаганды, актуализация которых пришлась на период Второй мировой войны.

Пропаганда как инструмент влияния имеет ряд характерных черт:

- допускает навязывание (принуждение), а также различные виды стимулирования (вознаграждения);
- используется в рамках реалистской концепции теории международных отношений, подразумевая внимание к собственным интересам;
- не работает в долгосрочной перспективе;
- использует манипулятивные стратегии;
- ориентирована на монолог, т.к. воспринимает противоположную сторону в качестве объекта;

– формирование доверительных отношений не является фокусом ее внимания [Голикова-Пошка, 2017].

Закономерно, что к окончанию существования биполярной системы и очевидным процессам распада СССР, в американской политической науке оформилась концепция «мягкой силы» Дж. Ная. Ключевым моментом этой концепции являлось понятие привлекательности для других тех или иных положений, феноменов, образов действий и т. п. Именно привлекательность он противопоставляет методам принуждения, силового давления, шантажа. В этом состоит главное отличие «мягкой силы» от пропаганды и иных аналогичных способов воздействия, включая обман, подмена фактов и т.п. Собственно идея привлекательности, когда противоположная сторона добровольно и осознанно делает выбор – это то новое, что появилось в связи с концепцией Дж. Ная [Nye, 2005].

Пропаганда далеко не всегда основывается на привлекательности. Более того, пропаганда не исключает использования различных вариантов манипуляции сознанием людей. На наш взгляд, данная особенность пропаганды хорошо прослеживается на примерах использования кинематографа как одного из каналов продуцирования политических ценностей. Интенсивность его использования менялась в зависимости от степени политического противостояния в мире. Высокая интенсивность использования кинематографа приходилась на время военных лет, а также период холодной войны.

В частности, в указанный период времени анимация перестала служить простой передачей информации, она превратилась в мощное средство управления людьми. Анимация также, как и кинематограф способна создавать ощущение справедливости, героизма, моральной правоты, когда есть все условия этой необходимости. Анимационные фильмы позволяют выявить тенденции развития общества, проследить остроту социальных проблем. Параллельно анимация может служить политическим целям – создавать образ врага, представлять политических оппонентов в заданном ракурсе.

Особый интерес представляют анимация как средство политического влияния и способ политической социализации. Данная проблематика нашла отражение в работах таких исследователей, как Ю. К. Бондарь, О. В. Голикова-Пошка, О. В. Рябов, С. В. Сакулин [Бондарь, 2021, с. 22–26; Голикова-Пошка, 2017, с. 281–285; Рябов, 2018, с. 89–99; Сакулин, 2019, с. 23–32].

Зачастую анимационные фильмы создавались с исключительно пропагандистскими задачами, где идеология не пыталась маскироваться под сказки о добре и зле. Так или иначе, можно сказать, что мультипликаторы демонстриро-

вали не только высший пилотаж визуального мастерства, но и глубокое понимание психологии зрителя. По существу, лучшие режиссеры и художники умели мастерски манипулировать сознанием зрителей, навязывая им определенные идеологические установки и довольно четко объясняя, что следует любить, а что ненавидеть. Мультфильмы становятся заметной частью пропаганды в период Второй мировой войны. Самая развитая мультииндустрия и новейшие технологии производства в то время были в США, именно поэтому первые антивоенные мультфильмы начали появляться именно там. Уолт Дисней во времена Второй Мировой создал множество ярких примеров пропаганды в анимации.

Например, в мультфильме «Der Fuehrer's Face» («Лицо Фюрера»), Гитлера представляли как слабоумного обезумевшего человека, а Германию как несчастное, угнетенное общество.

Другой пример, уже от студии «Warner Brothers», мультфильм, созданный в 1942 году американским аниматором Норманом МакКейбом, в рамках детского шоу под названием «Looney Tunes». В анимационной картине «The Ducktators» («Дактаторы»), рассказывается о маленьком утенке с усами, который вылупляется из черного яйца, при этом произнося нацистское приветствие «Зиг Хайль». Свастика и протяжные крики «Зиг Хайль» Адольфа Гитлера в образе утки присутствуют на протяжении всего фильма.

Рис. 1. Джек Кинни «Der Fuehrer's Face»

Попытки Гитлеровского утенка создать империю Третьего рейха преподносятся как неудачное исполнение желания кровавого диктатора. Вскоре к утенку

присоединяются гусь в черной рубашке и косоглазая утка — гадкие и податливые в своем мнении политик Муссолини и военачальник Тодзио, которые следуют за Гитлером-уткой во всем, в результате чего все они остаются осмеянными мировой общественностью. Другая картина, выпущенная студией «Metro-Goldwyn-Mayer» под названием «Blitz Wolf» («Волчий блицкриг») выполненная аниматором Текси Эйверисом, основывалась на пародийной истории о трех поросятах в антураже Второй мировой войны. Волк и два поросенка заключили пакт о ненападении, в то время как третий поросенок готовился к вооруженной обороне, копая ров и укрепляя свое жилище. Само название картины является прямым намеком на планы Гитлера о скоротечной войне Блицкриг.

Рис. 2. Норман МакКейб «The Ducktators»

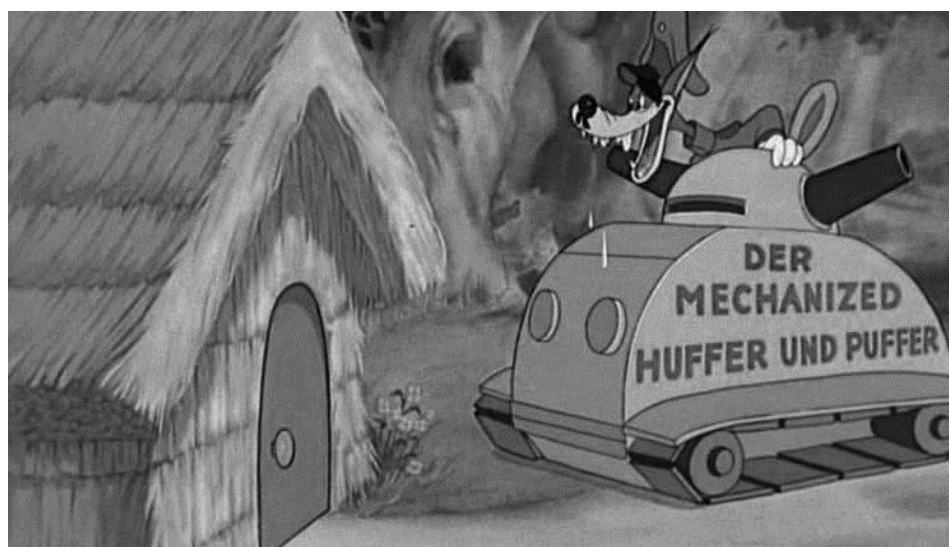

Рис. 3. Тэкси Эйверис «Blitz Wolf»

С 1969 года, при 32-м президенте США – Франклине Рузвельте, руководство Соединенных Штатов активно усилило меры по использованию пропаганды в мультипликации, чтобы подготовить армию к войне. Пропаганда работала на укрепление национального духа всей страны. Вся анимация была сосредоточена на силе, оружии и поклонении великой нации уже в довоенный период. Американские аниматоры – братья Макс и Дэйв Флешеры, создали моряка Попая – персонажа, который был наделен своим уникальным и неповторимым характером, что и выделяло его на фоне других персонажей-масок. Попай, в каждом новом мультфильме, открыто заявлял о лидирующей роле США на международной арене. Моряк Попай, в одной из серий на международной конференции заявил в качестве дипломатического аргумента, что заслугой гарантии «мира во всем мире» является он сам, а также существование его сверхсилы.

Рис. 4. Братья Флешер «Моряк Попай»

Существует множество примеров в анимации, в которых прославляются заслуги США. В 1935 году, Исадор Фрелинг представил миру эпизод короткометражного мультфильма под названием «I Haven't Got a Hat» («У меня нет шляпы»), в котором персонаж Порки Пиг, не переставал повторять о величии и превосходстве американской нации и истории.

Рис. 5. Исадор Фрелинг «I Haven't Got a Hat»

Рис. 6. Алекс Андерсон «The Adventures of Rocky and Bullwinkle»

В период холодной войны начали появляться антисоветские и антизападные мультипликационные картины. В 60-х годах в США Алекс Андерсон создает

мультфильм «The Adventures of Rocky and Bullwinkle» («Приключения Рокки и Бульвинкля»), в котором СССР является нищей диктатурой, и которую прямо ассоциируют с нацизмом. В мультфильме показаны злодеи в лице советских шпионов Бориса Баденова и Наташи Фатале, которые строят козни Америке во имя мирового господства социалистической Поттсильвании. В противостоянии героев и злодеев четко просматривается противостояние США и СССР.

В 70-80-х гг. XX века, в Союзе с эрой расцвета анимационной студии «Союзмультфильм» было выпущено более тысячи киноленок, за которые было получено больше 150 кубков и дипломов международных и советских фестивалей. В 1980 году самым большим достижением стал мультсборник «Веселая карусель». Однако наряду с культурным расцветом, «холодная война» не могла обойти стороной и художественную жизнь СССР. Поэтому в апреле-мае 1949 года был разработан специально подготовленный «План действий по усилению антиамериканской пропаганды», разоблачающий враждебные проекты американского империализма, и развенчивающий сказки западной пропаганды о «процветании» Америки». Первыми антизападными мультфильмами стали «Мистер Уолк», «Скорая помощь» и «Чужой голос»

Рис. 7. Александр Медведкин «Скорая помощь»

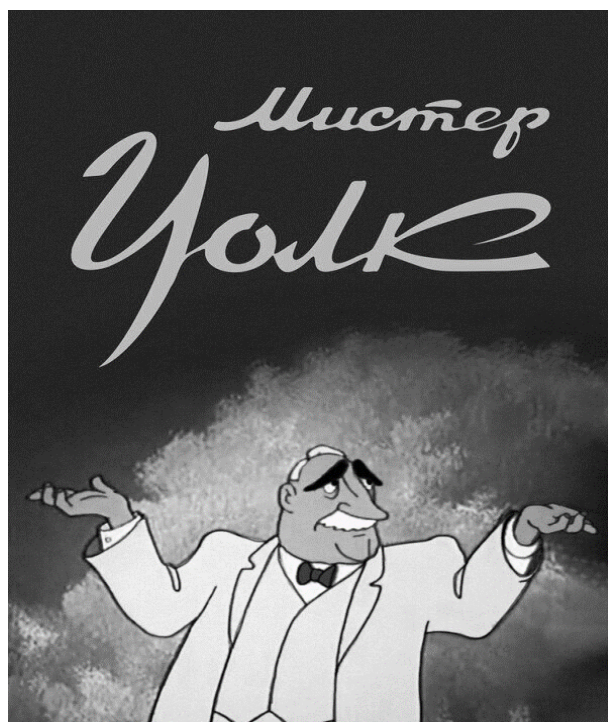

Рис. 8. Виктор Громов «Мистер Уолк»

В первом из них разоблачалось коварство Плана Маршалла, во втором – алчность и лживость американской буржуазии, а в третьем – тлетворность джазовой музыки. Создатели пытаются убедить зрителей в том, что План Маршалла построен на коварном плане американских империалистов под видом экономической помощи с целью ограбить и ввергнуть население европейских стран в нищету. («Скорая помощь»). «Буржуазия» показана злыми, грубыми и жестокими, с примитивной лексикой, активной жестикуляцией и неприятными тембрами голосов персонажами. Все они могут на какое-то время прикинуться пацифистами («Мистер Уолк»), однако, их темная сущность все же, рано или поздно, выплывет наружу. Дисгармоничная и нахальная «музыка толстых», навязанная Западом, должна быть категорически отвергнута истинными ценителями музыкальной классики и истинно фольклорных мелодий («Чужой голос»).

Можно прийти к выводу, что заключенная в анимации идеология, несомненно, порождает новую систему ценностей, влияющих на изменение сознания человека и культуру народа в целом. Мультфильмы, как благоприятная почва для массовой культуры, стали одной из эффективных платформ манипулирования зрителем, и обусловили развитие общества, нацеленное на успех и красивую жизнь.

В XXI веке война превратилась из физической в информационную, причем даже более глобального масштаба. Каждое правительство организывает информационные кампании, преследуя единственную цель – овладеть разумом врагов, обретя психологическое преимущество. То есть, можно сказать, что тот, кто

владеет информацией – владеет всем миром. Для достижения поставленных целей государство использует все возможные средства связи, включая средства массовой информации, сеть Интернет и телевидение. Приоритетной задачей является не применение грубой силы путем военного противостояния, а тотальное изменение взглядов общества соперника, которые смогут нарушить и в корне изменить политический имидж государства-противника.

Библиографический список

1. *Бондарь Ю. К.* Американская анимация в системе информационного противостояния периода второй мировой войны: на примере анимаций студий «Warner Brothers» и «Disney» // *Sciences of Europe*. 2021. № 74. С. 22–26
2. *Голикова-Пошка О. В.* Пропаганда в советских мультфильмах первой половины XX века // *Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования*. 2017. № 6. С. 281–285
3. *Рябов О. В.* «Как хорошо, что наяву я не в Америке живу!»: образ США в гендерном дискурсе советской мультипликации (1946-1963) // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 2(87). С. 89–99
4. *Сакулин С. В.* Мультипликационная война: роль политической анимации в современном мире // *Наука на благо человечества*. 2019. № 21. С. 23–32
5. *Nye J. S.* *Soft Power: The Means To Success In World Politics*. PublicAffairs, 2005. 191 p.

ANIMATION AS A TOOL OF POLITICAL PROPAGANDA

Boltak Vladislav S.

Sevastopol State University, 33, Universitetskaya str., Sevastopol, 299053, Russia,
kat.ye@yandex.ru

This article analyzes American and Soviet animation on the subject of political propaganda during the Second World War and the end of the twentieth century. Attention is focused on the possibility of animated films to reflect the trends in the development of society, ideological splits and the severity of conflicts. The author comes to the conclusion that the ideology contained in animation generates a new system of values that affect the change of human consciousness and the culture of the people as a whole. Currently, animated films remain a favorable ground for mass culture and one of the most effective platforms for manipulating the viewer.

Key words: *animation; propaganda; ideology; politics; soft power.*

«АЙАМ АЛЬ-АРАБ» («ДНИ АРАБОВ»): ЭПОС ДОМУСУЛЬМАНСКОЙ ЖИЗНИ «АРАВЛЯН»

Новикова Александра Валерьевна

Воронежский государственный университет, 394018, Россия, Воронеж,
Университетская площадь, 1, sasha_novikova@mail.ru

В арабском мире распространен термин «Джахилия» («неведение») – период в арабской истории, который означает первобытную грубость и жестокость, сменившийся просвещенным временем ислама. Однако был ли разрыв ислама с доисламскими общественными структурами на самом деле так резок? Для обоснованного ответа на этот вопрос автором был проанализирован литературный памятник «Айам аль-араб», который содержит факты и сведения о жизни аравийцев в домусульманский период. В статье дается краткое описание военных конфликтов (их причин, способов ведения боя), образа человека (его мышления, моральных устоев), общества домусульманской Аравии и других аспектов. При их анализе приводятся аргументы, которые позволяют нам не согласиться с мнением мусульманской историографии о доисламском периоде Аравии.

Ключевые слова: *Ислам; Джахилия; доисламский; араб; аравиец; военные конфликты; образ человека.*

Доисламский период в арабской историографии принято именовать «аср аль-джахилия» – эпоха невежества/варварства. Термин «Джахилия» выражает важную концепцию ислама – представление о резком разрыве его с предшествующей эпохой, с ее идеалами и обычаями. Но, как показал анализ элементов культуры в целом, и, в частности, литературы, разрыв ислама с доисламскими общественными структурами и обычаями на самом деле был далеко не та резок, как это декларируют Коран и мусульманские богословы.

Арабская литература в доисламский период базировалась на устной словесности. Это было обусловлено неразвитостью арабского письма (отсутствие точек в тексте позволяло читать записанный текст лишь тому, кто знал его наизусть). В первоизданном виде до нас дошло мало источников того периода.

Одним из важнейших литературных памятников того времени считается свод устных преданий о межплеменных войнах арабов – «Айам аль-араб» («Дни арабов»). Источник представляет собой собрание отдельных эпизодов, в центре

каждого из которых – битва двух племен или двух племенных союзов. Каждый эпизод имеет свое название либо по географическому ориентиру, либо по имени героя (встречается реже), и укладывается во временной промежуток, чаще всего равный одному дню – «День ...». Именно поэтому весь свод и получил название «Дни арабов».

«Дни», собранные и записанные известным басрийским филологом Абу Убайдой (728–825) и впоследствии сгруппированные в племенные циклы, включались во многие исторические и географические сочинения. Для книг подобного рода такие предания были вполне подходящим материалом: это не легенды, не эпос, а своего рода исторические рассказы о событиях, происходивших в действительности, суховатые по стилю, насыщенные фактами и обычно лишенные эмоциональной окраски. В них четко указывается место действия – название места, а иногда расстояние от какого-либо известного пункта, нередко упоминается время действия (по отношению к какому-либо событию), скрупулезно перечисляются все племена, участвовавшие в данной битве, и обязательно отмечаются союзные отношения. В рассказах указывается, какое племя победило, кто был убит и кем, какая была захвачена добыча, кто был взят в плен, за кого заплачен выкуп, как произошло примирение. «Дни арабов» – это устные племенные летописи, в сохранении которых каждое племя было кровно заинтересовано [Аравийская старина: ..., 1983, с. 9–10].

При всей краткости описания событий свод «Айам аль-араб» содержит крайне интересные факты и сведения о жизни аравийцев: об их быте, хозяйстве, взаимоотношениях, нравах, обычаях и о многом другом. «Дни арабов» отражают исторические представления того времени, представления о прошлом и настоящем. Рассказчики, описывая события, пытались установить причинные связи между ними [Рудакова, 2017, с. 26].

В первую очередь обратимся к теме, которая лежит в основе свода преданий «Дни арабов», – это военные конфликты. Причины, служившие поводом к военным конфликтам, были самыми разнообразными: это и суровость природных условий, которая заставляла племена нападать на соседей и захватывать их территории, скот (являлась самой распространенной); женщины; месть за убийство («День аш-Шибак», «День Манъидж»); жажда наживы; защита чести (в эпизоде «Война Каба ибн Амра» Асим ибн Амр объявил войну бану («дому») Джахджаба за то, что ауситы из этого бану избili его брата; а в «Дне у вади ад-Дахна» конфликт разгорелся из-за того, что поэт непристойно высмеивая героя, упомянул его мать). Это лишь самые частые причины, из-за которых случались военные

столкновения. Также несколько из перечисленных причин могли соединяться, образуя общий предлог для нападения.

При комплексном изучении источника «Айам аль-араб» становится очевидно, что арабы были хорошими воинами, выносившими долгие погони и жестокие сражения. Они хорошо владели мечом, копьем, умело стреляли из лука, а для защиты использовали щиты и кольчуги. В эпизоде «День Буас» сказано: «...встал Худайр, опершись на лук и накинув полосатый плащ...», «...Худайр ударил себя копьем в бедро...» [Аравийская старина..., 1983, с. 92]. В «Дне Тихфа» есть также несколько фраз, которые говорят о боевом оснащении воинов: «Войны загрели оружием...А за ними погнались всадники ярбуиты, коля и разя их»; «Кольчуга его крепка, железная, гибкая,/ И белый индийский меч, разящий безжалостно» [Там же, с. 97–98]. Аравийцы были умелыми наездниками (для этих целей использовались верблюды и лошади), хитрыми, решительными и честными воинами, которые никогда не уклонялись от сражений. В «Дне аль-Вакит» содержатся вот такие строки: «Когда враги пошли на нас войной,/ У аль-Вакита стали мы стеной,/ И луки со звенящей тетивой/ Натягивали твердою рукой» [Там же, с. 114].

Войны между племенами могли длиться от нескольких дней до нескольких месяцев. И зачастую воины возвращались в таком состоянии, что даже порой родные не могли их узнать. В упоминаемом эпизоде «День Буас» в качестве своеобразного эпилога к истории сказано: «Абу Кайс вернулся домой к жене. Несколько месяцев он провел на войне, и она оставила на нем свои следы, так что изменился даже цвет лица его. Он постучал в дверь, жена открыла ему, и он протянул к ней руку, но оттолкнула его, не узнав» [Аравийская старина..., 1983, с. 95]. И лишь только тогда, когда Абу Кайс заговорил, она узнала его.

К воинам в обществе относились с огромным уважением («День Айн Убаг»: «Нет, не павший боец считается мертвым,/ А живой, кто среди нас не славен делами!», «Славнейший из нас остался на поле боя –/ Ведь копья, как люди, любят благородных!») [Там же, с. 88].

На первый взгляд может показаться, что домусульманские арабы были жестокими людьми, которым была чужда гуманность и милосердие, т.к. все рассказы из рассматриваемого источника в разной степени связаны с военными событиями, сражениями. Эпизод «День Худжра» доказывает нам обратное. Гонцы бану Асад просят Имруулькайса (одного из героев эпоса): «Дай нам время, пока не родят наши женщины и оправят одежды», на что Имруулькайс ответил – «Что же до отсрочки, то ее требуют дети в чревах матерей, я не буду причиной их

гибели. Но после этого увидите вы передовые отряды...» [Там же, с. 105]. Массовые убийства на территории Аравийского полуострова в рассматриваемый нами период не были приняты. Набеги по возможности проводились так, чтобы случайно кого не убить [Успенский, 2017, с. 7]. Довольно часто встречаются эпизоды, в которых воинов брали в плен, чтобы получить выкуп, а получив его, отпускали. Также в одном из рассказов описан важный эпизод: когда между покровителем и покровительствуемым разрывался союз, покровитель в течение 3 дней не имел права нападать на бывшего союзника, чтобы тот мог уйти от него по-дальше. Непременным достоинством бедуинов была гуманность по отношению к противнику – нарушать издавна сложившиеся нормы в отношениях считалось недопустимым. Нравственность представляла собой одну из важнейших характеристик сознания и рациональности, разумности джахилийца [Фролова, 2018, с. 37].

В рассматриваемом нами литературном документе мы можем увидеть, каким был человек той эпохи: его образ, мышление и моральные устои. Некоторые исследователи в сознании бедуина выделяют такую черту как примитивность. В какой-то мере это действительно так. Для «аравлянина» и в жизни, и в природе все ясно. Мы редко видим рассуждения о жизни, разве только в минуты раздумий или переживаний.

Истиной для бедуина является существование здесь и сейчас, где все происходит своим чередом. Он знает по опыту, что солнце взойдет, не ведая причин, которые стоят за этим явлением. Фролова Е.А. в статье приводит интересную аналогию: «Кстати, обычный мусульманин мало чем в этом отношении отличается от бедуина: ему сказано, что причиной всего происходящего является все-силие Творца, и верующий принимает такое объяснение как знание. Если мусульманин будет сомневаться в том, что от него требует учение, он станет грешником, ему трудно будет сохранять надежду на посмертное спасение, то есть он стоит перед проблемой выбора жизненного пути. Нравственность же бедуина, как и сама жизнь, «естественна» – он ничего не знает о загробной жизни, строит земную жизнь по установленным нормам, через которые нельзя переступить» [Фролова, 2018, с. 38].

Аравийцы были очень умны, тщательно продумывали свои действия, предвидя их последствия. В эпизоде «День Манъидж» герой, вырыв себе нору, чтобы спрятаться от врагов, заполз в нее, снял сандалии и «одну пристроил на живот, другую на пах и привязал чалмой» [Аравийская старина..., 1983, с. 122], т.е. постарался защитить самые уязвимые места. Арабы верили в предсказания и сверхъестественные силы [Муртазин, 2014, с. 97]. «Пророки» сильно ценились

в племенах и к их мнению прислушивались. Аравийцы были крайне суеверны, верили в знаки судьбы. В упоминаемом выше эпизоде «День Манъидж» герой со своим спутником остановились в пустыне, чтобы поесть, но «тут над головами у них с криком пролетел сурад и они выронили мясо» [Аравийская старина..., 1983, с. 122]. Сурад – это хищная птица, живущая в пустыне, которая по бедуинским поверьям предвещает несчастье. И далее в эпизоде мы видим, как «вдруг они (главные герои) увидели перед собой отряд абситов, хотя были уверены, что ехали в другую сторону» [Там же, с. 122].

Также среди домусульманских арабов бытовало представление о всеильной судьбе. Оно называлось «кадар», что в переводе с рабского означает «судьба, рок, предопределение». Всеильная судьба подчиняет себе все: людей, природные стихии, космос. Все в жизни человека зависит от судьбы, в том числе и смерть, которая предстает лишь как инструмент в руках судьбы [Муртазин, 2014, с. 94]. В «Дне Айн Убаг» сказано: «Добычу мы с судьбою поделили/ Она всегда выбирает себе угодных» [Аравийская старина..., 1983, с. 88].

Смерть для арабов, живших в домусульманский период, – это, прежде всего, физическая категория. Человек умирает как материальное тело, а само представление об уходе души из физической субстанции у доисламских арабов еще не сформировалось в V–VI вв. [Муртазин, 2014, с. 93]. Смерть для араба представлялась чем-то таинственным, неизвестным. Люди не знали, что происходит с человеком после смерти. Аравиец жил здесь и сейчас, а что будет дальше – скрывается за завесой тайны [Фролова, 2018, с. 36].

Огромное значение для арабов имела верность своему слову, защита своей чести или близких людей являлась долгом главы семьи [Муртазин, 2014, с. 96]. Арабы с огромным почтением относились к отцам и матерям, прислушивались к их словам. Затрагивая тему семьи, мы можем говорить о том, что для джахилийца дом и его родное племя были очень важны. С точки зрения привязанности к своему племени интересен эпизод «Война Каба ибн Амра». Он показывает нам подтверждение теории о том, что привязанность арабов к родным по крови сильнее, чем к мужу (жене) и созданной ими семье. Родственные связи были очень сильны. В одном из «Дней» мы даже встречаем тот факт, что племя отказалось вступать в военный союз против своих братьев и соседей.

Между племенами существовало четкое деление на «свой – чужой». Родственным племенам всегда оказывалась поддержка, в то время как на враждебное осуществлялись постоянные набеги, против них вступали в военные союзы.

Об условиях жизни и быте в «Айам аль-араб» сказано очень мало. В «Дне ан-Нафрават» говорится: «Жили тогда очень бедно и пасли коз в горах» [Аравийская старина..., 1983, с. 123]. В неурожайные годы аравийцам приходилось совсем туго. О вкусовых пристрастиях арабов содержится мало информации. Достаточно часто упоминаются: блюдо «хайс» (финики с топленным маслом и творогом), молоко, сыр, бананы, мясо.

На страницах рассказов часто мелькают верблюды, которых арабы очень ценили и заботились о них, постоянно кочуя в поисках пастбищ, «орошенных дождем». О верблюдах слагали стихи, их воспевали в песнях [Там же, с. 11, 102, 120, 124, 128].

Место жительства племени сильно влияло на занятия людей, населявших их: «Бану Килаб охотятся на антилоп, бану Нумайр пасут верблюдов на вершинах гор, а бану Хилал продают благовония» («День ан-Нафрават») [Там же, с. 125]. Некоторые племена осуществляли защиту торговых караванов [Фролова, 2018, с. 30].

В нескольких эпизодах «Айам аль-араб» мы можем найти информацию о царствах доисламского периода. В них существовал этикет и определенные устои, которые редко осмеливались нарушать. Существовал определенный церемониал, о котором мы узнаем со страниц «Дня Тихфа»: «Радиф, сидел, справа от царя на приемах, ехал у него за спиной на выездах, на пирах, сидел, справа от царя и пил из его кубка. Ему полагалась четвертая часть добычи царя с каждого похода» [Аравийская старина..., 1983, с. 95].

Подводя итог, мы можем не согласиться с мнением мусульманских ученых и богословов, таких как ат-Табари, аль-Байдави, Ибн Манзур, о доисламском периоде Аравии, как времени «Джахилии», т.е. «невежества». История доисламской Аравии имеет особые черты и обычаи. Исходя из данных источника «Айам аль-араб», мы можем говорить о том, что арабы тогда не были так «беззаконны и невежественны», как принято считать в мусульманской историографии.

Библиографический список

1. Аравийская старина: из древней арабской поэзии и прозы: пер. с араб. / отв. ред. Б. Я. Шидфар. М.: Наука, 1983. 142 с.
2. Муртазин М.Ф. Философские сентенции в арабской доисламской поэзии // *Asiatica: Труды по философии и культурам Востока*. 2014. №8. С. 90–98.
3. Рудакова М. В. Доисламская поэзия как психотренинг счастья // *Культурология*. 2017. №4. С. 20–31.
4. Успенский Ю.И. Дни арабов: пора казней египетских. СПб.: Алетейя, 2017. 263 с.

5. Фролова Е. А. «Арабский разум». Его начала в бедуинской поэзии // Ислам в современном мире. 2018. №14(4). С. 25–44.

**"AYYAM AL-ARAB" ("DAYS OF THE ARABS"):
EPOS OF THE PRE-ISLAMIC LIFE "ARAVLYAN"**

Novikova Alexandra V.

Voronezh State University, 1, Universitetskaya sq., Voronezh, 394018, Russia,
sasha_novikova6@mail.ru

In the Arab world, the term "Jahiliya" ("ignorance") is widespread – a period in Arab history that means primitive rudeness and cruelty, replaced by the enlightened time of Islam. However, was Islam's break with pre-Islamic social structures really that sharp? For a reasonable answer to this question, the author analyzed the literary monument "Ayyam al-Arab", which contains extremely interesting facts and information about the life of the Arabians in the pre-Muslim period. The article provides a brief description of military conflicts (their causes, methods of fighting), the image of a person (his thinking, moral principles), society of pre-Muslim Arabia and other aspects. When analyzing them, arguments are given that allow us to disagree with the opinion of Muslim historiography about the pre-Islamic period of Arabia.

Key words: *Islam; Jahiliya; pre-Islamic; Arab; Arabian; military conflicts; human image.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Иванченко Ирина Сергеевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36, irinalikesjapan@mail.ru

Эпоха «Великих реформ» стала началом масштабной трансформации России и всех ее регионов с существенно отличающимися социально-экономическими характеристиками. Крестьянская семья составляла основу хозяйственной жизни России в доиндустриальную эпоху, а реформы и модернизация во второй половине XIX в. самым тесным образом охватили и эту сферу. В данной работе предпринят анализ трансформации семейно-брачных отношений на примере русского крестьянства Тобольской губернии. Предметом исследования данной статьи являются традиционные институты брака и семьи крестьянства Тобольской губернии. В результате исследования определены основные тенденции начавшейся трансформации традиционной многопоколенной (патриархальной) семьи в малую, роста количества разводов и незамужних женщин, появления разных форм «сожительства».

Ключевые слова: *Тобольская губерния; патриархальная крестьянская семья; традиционные формы брака; семейно-брачные отношения; пореформенный период.*

В дореволюционной России семейно-брачные отношения, регулировавшиеся семейным правом («Свод законов гражданских»), а также церковью, имели три формы отношений: супружеские, родительско-детские и опекунские. Браком считался только юридически оформленный союз, признанный государством, который налагал на супругов определенные личные и имущественные обязательства [Сорокин, 1997, с. 78].

Лицам мужского пола, не достигшим восемнадцати лет, а также женщинам, не достигшим шестнадцати лет, вступать в брак было запрещено [Свод законов Российской империи, 1857, с. 1]. Также запрещался брак без согласия брачующихся или без дозволения на брак родителей или опекунов [Там же, с. 2, 3].

В дореформенный период традиционный крестьянский дом состоял, как правило, из одной семьи, связанной родственными узами. Неразделённая семья на основе малой была типичной формой семейного уклада.

Рождаемость была высокой как по причине религиозности крестьян, так и из-за нужды в большом числе рабочих рук: чем больше людей было в хозяйстве,

тем выше был достаток семьи, поэтому сельские семьи были, многочисленными и жили в одном доме сразу двумя-тремя поколениями. В 1857 г. в Воронежской губернии в среднем семья включала 9,6 человек обоего пола, Курской – 9,1, Тамбовской – 9,0. [Кабузан, 1988, с. 57–58]

В пореформенный период во всех сферах жизни крестьянства постепенно стали происходить изменения. Под влиянием вольной колонизации крестьян за Урал значительной трансформации подверглась патриархальная система семьи и домоустройства. Традиционная система семейных отношений не успела пройти путь своего становления как четко функционирующей ячейки социума и претерпела ряд изменений, шедших вразрез с бытовавшим в то время государственным и церковным семейным законодательством.

Институт традиционной русской крестьянской семьи стал испытывать кризис, вызванный увеличением числа разводов, появлением таких новых элементов семьи, как незаконное сожитительство, близкородственные браки и др. Проникновение рыночных элементов в жизнь сельского населения приводило к сокращению средних размеров семьи, упрощало ее структуру за счет семейных разделов, – семья постепенно становилась самостоятельной хозяйственной и юридической единицей [Зверев, 1982, с. 10], что подрывало сам институт семьи как способ традиционного уклада и ослабляло ее организующую функцию.

Молодые семьи предпочитали выделяться в самостоятельную ячейку общества, а не оставаться, как прежде, в составе семьи мужа или жены. Тенденция к сохранению многопоколенных больших семей сохранялась среди зажиточных крестьян, ведущих расширенное хозяйство, а также среди старообрядцев, оставшихся приверженцами «старых устоев» и в семейной жизни.

Вынужденные работать по найму в чужих хозяйствах, члены маленьких семей по факту становились группой лиц, проживавших вместе и воспитывавших совместных детей. Так рыночные отношения трансформировали институт семьи, – хозяйственная роль семьи уменьшалась, хотя она и оставалась основной ячейкой аграрного производства.

Стали проникать в патриархальную среду тобольской деревни такие новые явления, как «гражданские браки» и «гражданские разводы». Увеличилось число прошений женщин в волостные суды с просьбой о разводе по причине домашнего насилия и в целом увеличилось количество сведений о преступлениях на сексуальной почве [Безгин, 2013, с. 201].

Согласно З.З. Мухиной, «главной причиной, толкавшей к разводам, были семейные ссоры и раздоры. Побой мужа, нещадная эксплуатация, конфликтные

отношения с родителями и родственниками мужа, гнетущая моральная атмосфера являлись постоянными факторами, ведущих к разладам в семье» [Мухина, 2013, с. 53].

Прежнее социально приемлемое поведение в условиях пореформенного времени, когда быстро менялись хозяйственная, общественная жизнь и ее ценности, стало быстро меняться, – начался рост преступности на основе пьянства, семейного насилия и иного асоциального поведения. Конечно, и прежде совершались преступления сексуального характера, но русская крестьянская община по большей части решала дела преступления против женской чести внутри деревни, редко прибегая к помощи волостных судов и официальной судебной системы.

В пореформенный период община в Сибири ввиду вышеуказанных причин перестала быть столь авторитетным механизмом, как в других регионах России, а границы, регламентировавшие социально-брачное поведение, расширились и стали допускать новые варианты поведения [Зверев, 1982, с. 14].

Согласно К.В. Лобановой, «Основными чертами демографического развития русской крестьянской семьи Тобольской губернии в пореформенный период было упрощение семейной структуры, снижение брачности и доли повторных браков, повышения разводимости, сглаживание сословных и национально-конфессиональных различий». [Лобанова, 2008]

В первую очередь, стал сокращаться уровень брачности в городах Западной Сибири. Так, в уездном городе Тара в 1860 г. он составлял 13,7 %, в 1880 г. – 7,3 %, а в 1910 г. – 6,2 % [Гончаров, 2006]. В семейно-брачных отношениях среди крестьянства региона стали появляться новые формы, в частности, стала расти доля юридически неоформленных «сожителств». Брак требовал официальной записи в метрическую книгу в волостном правлении, однако часть браков юридически не оформлялась.

В дореформенный период за добрачные связи девушка подвергалась тяжелым наказаниям, но постепенно отношение к таким проступкам стало меняться. Однако деревенская мораль терпимо относилась к брачному сексуальному опыту только в отношении юношей, но не девушек: народ оставался равнодушен к потере юношами целомудрия, однако дочерей старались уберечь от подобной участи, хотя и не из религиозных соображений, а из-за возможного появления в доме ещё одного ребёнка, которого нужно будет воспитывать и кормить, а также из-за страха в перспективе не выдать такую девушку замуж. Однако, так как в будущей невесте среди крестьян ценилась ее способность к труду и наличие бога-

того приданого, на отсутствие у неё целомудрия часто закрывали глаза, поскольку имущественный достаток невесты покрывал этот недостаток [Мухина, 2018, с. 149].

Такая ситуация складывалась среди тех, у кого не было денег на официальную свадьбу или же у тех, кому в официальном браке было отказано законом: несовершеннолетние, ссыльные, близкие родственники, а также старообрядцы. У этих групп крестьян чаще всего возникали брачные отношения в виде «сожительства во грехе». Хотя неофициальные браки не считались полноценными, со стороны общины явного осуждения они не встречали, однако со стороны церкви предавались анафеме как распутные. Такие браки не имели юридических прав в вопросах наделения земель, наследования имущества, усыновления детей и др.

Отношение государства и церкви к разводам в этот период не претерпело существенных изменений. Развод как таковой дозволялся лишь в случае доказанной измены или отсутствия супруга более пяти лет, а также неспособности к воспроизводству детей.

Нелегальными признавались браки, нарушавшие действующее законодательство. Поскольку доказать факт измены было довольно непросто, а остальные причины были редкими, люди, продолжая формально оставаться в официальном браке, были вынуждены сожительствовать с третьими лицами. Согласно переписи 1897 г., 7,9 % тюменских семей состояли из людей, которые не состояли в официальном браке друг с другом [Свод законов Российской империи, 1857, с. 28].

Также развод был затратным и нескорым делом, к тому же крестьянам физически трудно было ездить с прошениями в губернский город и предоставлять необходимые в суде бумаги, поэтому не всегда крестьяне решались на такой выход. Однако с течением времени количество прошений о разводе стало увеличиваться, но разводящимся приходилось выбирать «официальные» причины, бывшие, по сути, предлогами, поскольку случаи, при которых был разрешен развод, строго регламентировались.

В жизни крестьян появились такие явления, как незаконные, то есть фактические разводы, в результате которых женщина оказывалась в ситуации, когда ей приходилось добиваться отдельного паспорта (вида на жительство), без которого было невозможно вести самостоятельную жизнь, снимать жилье, переезжать и работать. Если супруги расходились по взаимному согласию, жена получала паспорт с разрешения мужа, однако паспорт мог быть выдан и без согласия, если суду не удавалось примирить супругов [Мухина, 2013, с. 58]. Как следствие, благодаря свободе и самоутверждению, в период, когда в пореформенной России

стала намечаться тенденция индивидуализма и доминирования личности над семьей, без надзора за ними мужа или свекра, крестьянские женщины постепенно стали обретать новое самосознание [Мухина, 2013, с. 58].

Власти и церковь не давали добро на разводы, однако факт распада семьи был им все-таки неподвластен, и часто бывало так, что супруги продолжали официально считаться женатыми, но жили раздельно, будучи разведены фактически. В случае невозможности примирить супругов община не предпринимала никаких официальных мер к запрещению развода, а иногда даже способствовала [Костров, 1876].

Помимо разводов на состав и численность семьи влияло и постепенное отмирание сословного слоя, сопровождавшееся социальными переменами. В своей работе «Русская крестьянка в пореформенный период» З.З. Мухина отмечает, что «главным фактором ведущим к ослаблению семейных связей и от раздельной жизни супругов были отхожие промыслы. Нередко отходники бросали свои семьи и заводили в городах новые. Другие оставляли свои семьи без всякой поддержки, и хозяйство приходило в совершенный упадок. Оставленная жена возвращалась к родителям или занималась в работницы». [Мухина, 2018, с. 415]

В основном семьи тобольских крестьян в пореформенный период продолжали оставаться традиционными, состоявшими из нескольких поколений родственников одного предка, проживавших в одном доме и занятых ведением большого хозяйства.

В то же время ближе к концу XIX в. стала распространяться «малая семья», состоявшая из супругов и их детей. По мнению К.В. Лобановой, «С развитием рыночных отношений происходило ослабление семейных связей. Ориентация на деятельность вне семьи приводила к тому, что многодетность начинала терять свое экономическое значение» [Лобанова, 2008, с. 20].

Помимо этого, существовали неполные семьи вдов и вдовцов, разведенных или вовсе незамужних женщин, а также вдов церковнослужителей, оставшихся на попечении церкви. Например, З.З. Мухина отмечает «объединения старых дев, выходившие за рамки традиционного крестьянского социума. Существовали некие общества девственников, носившие сектантский характер. Входявшие в эти общества отказывались от брака, обрезали себе косы, соблюдали посты, носили темное платье» [Мухина, с 2018, с. 396].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что эпоха реформ и индустриальной модернизации, начавшаяся после отмены крепостного права, привела к трансформации сложных неразделенных семей тобольских крестьян, упрощению их состава и дроблению семейной ячейки. Новые формы наемного

труда приводили к более поздним бракам, утверждению «малой» семьи в качестве основной формы брачных отношений.

Существовавшее законодательство перестало отвечать бытовым потребностям людей, в результате чего увеличилось количество сожительствующих, разведенных людей и одиночек, неофициальных фактических разводов. Все эти изменения в сфере семейно-брачных отношений русских крестьян Тобольской губернии были вызваны политикой реформ и индустриальной модернизацией, в пореформенный период дошедшей и до пределов Западной Сибири.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении статистических источников для более полного анализа всей глубины трансформации уклада традиционной русской крестьянской семьи Западной Сибири во второй половине XIX в.

Библиографический список

1. *Безгин В.Б.* Преступления на сексуальной почве в российской провинции второй половины XIX – начала XX века // Юридические исследования. 2013. № 5. С. 201–246.
2. *Гончаров Ю.М.* Очерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в.: монография. Барнаул: АлтГУ, 2014. 348 с.
3. *Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р.* Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX вв. Барнаул: Аз Бука, 2006. 188 с.
4. *Зверев В.А.* Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма (проблемы физического и социального возобновления): учебное пособие. Новосибирск: НГПИ, 1988. 88 с.
5. *Зверев В.А.* Русская крестьянская семья в Сибири конца XIX – начала XX в.: Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск: [б.и.], 1982. 17 с.
6. *Кабузан В. М.* Государственные крестьяне России в XVIII – 50-х годах XIX века. Численность, состав и размещение. М., 1988. С. 67–86.
7. *Костров Н.А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск: Томская губернская типография, 1876. 117 с.
8. *Лобанова К.В.* Брачные отношения крестьян Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Сборник научных трудов молодых ученых. 2010. № 4. С. 15–19.
9. *Лобанова К.В.* Сезонное распределение браков среди крестьян Тобольской губернии XIX – начала XX в. // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Матер. III Междунар. науч. конф. молодых исследователей. Челябинск, 2007. С. 135–140.

10. *Лобанова К.В.* Типология крестьянской семьи Тобольской губернии (вторая половина XIX – начала XX в.) // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Матер. III Междунар. науч. конф. молодых исследователей. Челябинск, 2008. С. 180–183.
11. *Лобанова К.В.* Брачно-возрастные особенности крестьянской семьи Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX в. // Словцовские чтения: Матер. XVIII Всерос. науч. конф. Тюмень, 2006. С. 133–135.
12. *Лобанова К.В.* Метрические книги как архивный источник для изучения крестьянской семьи Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Тюменский исторический сборник. Вып. X. Тюмень, 2007. С. 34–37.
13. *Мухина З.З.* Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 736 с.
14. *Мухина З.З.* Разводы в русской крестьянской семье в пореформенной России: гендерный аспект // Вестник Российского университета Дружбы Народов. Серия: История России. 2013. № 1. С. 49–63.
15. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [кн. 1–89] / под редакцией Н.А. Тройницкого. Санкт-Петербург: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. 78: Тобольская губерния. 1905. [4], XLVI, 247 с.
16. Свод законов Российской империи. Т. 10. Ч. I. Законы гражданские. СПб.: Издательство Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1857. 604 с.
17. *Сорокин П.А.* Кризис современной семьи // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. 1997. № 3. С. 65–79.

**TRANSFORMATION OF FAMILY AND MATRIMONIAL RELATIONS
OF RUSSIAN PEASANTRY IN WESTERN SIBERIA
IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

Ivanchenko Irina S.

Tomsk State University, 36, Lenina str., Tomsk, 634050, Russia,
irinalikesjapan@mail.ru

The "Great Reforms" era was the beginning of a large-scale transformation of Russia with all its regions having significantly different socio-economic characteristics. Since the peasant family formed the basis of economic life in Russia in the pre-industrial era, and the reforms and modernization in the second half of the 19th century covered this sphere in the closest way, this paper analyzes

the transformation of family and marriage relations on the example of the Russian peasantry of Tobolsk Province. The subject of the study is the traditional institutions of marriage and family of the Tobolsk Province peasantry that have been "corroded" by the reforms and industrial modernization in the second half of the 19th century. The study identifies the main trends in the transformation of the traditional multigenerational (patriarchal) family into a small family, the increase in divorces and unmarried women, the appearance of different forms of "cohabitation".

Key words: Tobolsk province; patriarchal peasant family; traditional forms of marriage; family and marriage relations; post-reform period.

**RESEARCH ON THE PROTECTION AND INHERITANCE STRATEGY
OF FOLK CUSTOM INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE
IN BEIBU GULF OF GUANGXI**

Wang Gang

Institute of philosophy and Social Political Sciences, Southern Federal University,
105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia, bbgwg@163.com

This thesis focuses on the protection and inheritance of folk custom intangible cultural heritage in Beibu Gulf of Guangxi, China. Based on the systematic review of the folk custom intangible cultural heritage, pointing out the difficulties faced by the protection and inheritance of folk custom intangible cultural heritage. It is proposed that the protection and inheritance of folk custom intangible cultural heritage in Beibu Gulf of Guangxi should adhere to the exploration of folk custom cultural resources, adhere to the construction of folk custom cultural brand characteristic projects, strengthen the training of intangible cultural inheritors, and expand the communication channels of intangible cultural heritage.

Ключевые слова: *Beibu Gulf of Guangxi; China; Intangible cultural heritage of folk custom; Intangible cultural heritage protection; Intangible Cultural Heritage Inheritance; folk culture.*

The Beibu Gulf is located in the northwestern part of the South China Sea and is a semi-enclosed bay. It borders China's Leizhou Peninsula and Hainan Island in the east, Guangxi Zhuang Autonomous Region in the north, Vietnam in the west, and is connected to the Qiongzhou Strait and the South China Sea in the south. It is surrounded by the land of China and Vietnam and China's Hainan Island. In this article, the Guangxi Beibu Gulf region is defined as the Guangxi Beibu Gulf Economic Zone of China, which is composed of administrative regions under the jurisdiction of Nanning, Beihai, Qinzhou, Fangchenggang, Yulin, and Chongzuo. The land area is 42,500 square kilometers, and the top of Beibu Gulf is about 1,600 kilometers. The coastline of China is the only economic sector between China and ASEAN that has both land borders and sea passages.

1. Overview of folk intangible cultural heritage in Beibu Gulf of Guangxi

Beibu Gulf region of Guangxi is a multi-ethnic inhabited area, with 12 ethnic groups, including Zhuang, Han, Yao, Miao, Dong, Mulao, Maonan, Hui, Jing, Yi, Shui and Gelao. Among them, the three islands of Jing Nationality in Dongxing City is the only inhabited area of Jing Nationality in China. Beibu Gulf region of Guangxi has a

profound national cultural heritage and a long historical and cultural tradition, forming a rich and colorful intangible cultural heritage. The intangible cultural heritage of Beibu Gulf is a kind of folk culture or folk tradition. It is the crystallization of the collective wisdom and civilization of the Beibu Gulf people. It is the essence of traditional culture [Sun Hongbing,2015].

According to China's current classification method, intangible cultural heritage is divided into ten categories: folk literature, traditional music, traditional dance, traditional drama, quyi, traditional sports, entertainment and acrobatics, traditional art, traditional skills, traditional medicine and folk customs. In "Chinese Folklore", Wu Binan divides folk customs into four major categories: economic folklore, social folklore, religious folklore, and recreational folklore. Tao Lifan's "Introduction to Folklore" is divided into four categories: material folklore, social folklore, oral language folklore, and spiritual folklore. In this article, the logical division is based on the life form to which the folk events belong, and the folk intangible cultural heritage resources in Beibu Gulf of Guangxi are divided into three categories: material life folk custom, social life folk custom and spiritual life folk custom.

Material life folk customs refer to folk activities reflecting production and life, such as Zhuang Brocade, Qinzhou Nixing Pottery, Danjia Culture, Nanzhu Culture, Jing Nationality Costumes, Jing Nationality Pulling Nets, Jing Nationality Fishing on Stilts, Dayan Yao Costumes, etc. Social life folk customs refer to folk activities that reflect social organizations, age festivals and life customs, such as Lingshan Yandun drum, dragon boat racing, paolong Festival, Shigong dance, jumping Lingtou, throwing Hydrangea, Zaojun Festival and so on. Folk customs of spiritual life refer to folk activities reflecting entertainment and folk customs, such as fireworks, board shoe dance, Ciba, Tea Picking Opera, incense fireball, Zhuang March Song fair Festival, nongdong Festival, etc. According to statistics, there are nearly 100 folk intangible cultural heritage projects in Beibu Gulf of Guangxi.

With a coastline of 1,600 kilometers in the Beibu Gulf region of Guangxi, various ethnic groups have formed unique marine cultural characteristics in the long-term production and living activities. The Beibu Gulf region of Guangxi is a multi-ethnic region. In the long-term historical development, multi-ethnic cultures coexist and are compatible, and multi-ethnic cultures develop and inherit independently, reflecting the cohesion of national individuality. Therefore, the folk intangible cultural heritage in the Beibu Gulf region of Guangxi has the characteristics of ocean and ethnicity.

2. Difficulties faced by the protection and inheritance of folk custom intangible cultural heritage in Beibu Gulf of Guangxi

In recent years, although some achievements have been made in the protection and inheritance of folk custom intangible cultural heritage in Beibu Gulf of Guangxi, there are still some problems to be solved. First of all, the original environment on which folk custom intangible cultural heritage depends has been destroyed. The folk custom intangible cultural heritage in Beibu Gulf of Guangxi has a long history, and the original production, lifestyle and environment are the soil on which it depends. With the development of modern civilization, great changes have taken place in people's production and life style and living environment. At the same time, a large number of low-quality and excessive commercial development of folk custom intangible cultural heritage has continuously impacted and damaged the original environment on which folk custom intangible cultural heritage depends, which has seriously affected the sustainable development of folk custom intangible cultural heritage in Beibu Gulf of Guangxi.

Secondly, great changes have taken place in the traditional social foundation on which folk custom intangible cultural heritage depends. In today's society, due to the rapid development of science and technology, cultural exchanges at home and abroad are becoming more and more frequent. A large number of foreign festival and custom cultures are pouring into the Chinese market, and various entertainment projects are emerging one after another. The diversification of this cultural form has brought a great impact on the inheritance of folk custom intangible cultural heritage. At the same time, the continuous improvement of traffic conditions has accelerated the population flow in the Beibu Gulf region of Guangxi, and a large number of young adults go to cities for employment, resulting in the hollowing out of rural society, resulting in the phenomenon of no successor in the inheritance of folk custom intangible cultural heritage. Moreover, the folk custom culture in Beibu Gulf region of Guangxi flourished with the development of the agricultural era. With the progress of the times and social changes, cultural content and form have changed. Watching TV, movies, surfing the Internet and using mobile phones have become people's main lifestyle. Many traditional folk customs have been difficult to arouse people's emotional resonance.

Third, the capital investment for the protection and inheritance of folk custom intangible cultural heritage is insufficient. At present, the funds for the protection and inheritance of folk custom intangible cultural heritage mainly come from the appropriation of the state and local governments, lack of social capital investment, and the source of funds is relatively single. However, there are a large number of folk custom intangible cultural heritage in Beibu Gulf of Guangxi, and the policy funds can only be used for the basic protection of some intangible cultural heritage projects, and most intangible cultural heritage projects have not received sufficient protection funds, It is

also unable to meet the capital needs of intangible cultural heritage project development and market development [Chen Wei, Huang Bining, 2018].

Fourth, the development level of folk custom intangible cultural heritage projects is low. The connotation of folk custom culture is a real and comprehensive reflection of a region and a nation in history, geography, politics, economy, culture and Society for a long time. The cultural connotation of folk custom intangible cultural heritage in Beibu Gulf of Guangxi is an important symbol that distinguishes it from other regions. Highlighting cultural connotation is an important principle that should be followed in the development of folk custom intangible cultural heritage projects, which is conducive to show the differences and characteristics of intangible cultural brands. However, at present, the development level of folk custom intangible cultural heritage projects in Beibu Gulf of Guangxi is low, and the cultural connotation of folk custom intangible cultural heritage is not deeply excavated, resulting in the low cultural value of some folk custom intangible cultural heritage projects and gradually being marginalized, which is the damage to folk custom intangible cultural heritage.

3. Protection and inheritance strategies of folk custom intangible cultural heritage in Beibu Gulf of Guangxi

The folk custom culture in Beibu Gulf of Guangxi is colorful. The folk custom intangible cultural heritage not only carries the historical memory of all ethnic groups in Beibu Gulf of Guangxi, but also is the precious wealth of the Chinese nation, which is of great development and protection value. The author suggests that the protection and inheritance of folk custom intangible cultural heritage in Beibu Gulf of Guangxi should be carried out from the following three aspects.

First, adhere to the exploration of folk custom cultural resources and highlight the cultural connotation. Guangxi Beibu Gulf region has many nationalities and special geographical conditions. Different nationalities and regions have their own unique folk custom culture. During the exploration of folk custom culture resources, a group of experts and scholars engaged in folk custom culture research and concerned about the development of cultural industry in Beibu Gulf should be organized to conduct systematic research. At the same time, they should provide consulting services such as planning and policy suggestions for the integration of folk custom culture resources, organize and build various folk custom culture forums and exchange training, and assist in the construction of folk custom culture projects, Jointly promote the inheritance and protection of folk custom culture. Highlighting cultural connotation is an important principle that should be followed in the integration of folk custom cultural resources, which is conducive to show the differences and characteristics of folk custom cultural

brands. In depth excavation of various connotations of folk custom culture in Beibu Gulf region will help to form a situation of diversified development of cultural brands.

Second, adhere to the construction of brand characteristic projects of folk custom culture and promote the coordinated development of folk custom culture. The folk custom cultural resources in Beibu Gulf of Guangxi have strong marine and national characteristics. The folk custom cultural resources widely exist in people's oral language, clothing, food, housing and transportation, weddings and funerals, age festivals, sacrifices and other rich and diverse folk activities and social habits. They are widely distributed and scattered, and also show the characteristics of "fragmentation". Promote and forge brand influence with the idea of business integration. When vigorously integrating Beibu Gulf folk custom culture resources, it is necessary to consider the combination with other business forms, which will help to realize the organic integration and development of folk culture industry and other industries, so as to create a brand, strengthen the industry and form brand influence.

According to the national and marine characteristics and construction status of folk custom culture resources in Beibu Gulf of Guangxi, resource integration can be carried out in combination with different industries from the following five aspects: "folk custom culture + fishery", "folk custom culture + manufacturing", "folk custom culture + sports", "folk custom culture + agriculture" and "folk custom culture + living environment"[Wang Gang,Chen Xi,2017], finally build three cultural brands of folk custom intangible cultural heritage in Beibu Gulf of Guangxi, including marine folk custom intangible cultural heritage, national folk custom intangible cultural heritage and well-known craft intangible cultural heritage. Through the construction of folk custom culture brand characteristics project, the integration of relevant and scattered folk custom culture resources system can not only highlight the folk custom culture characteristics of Guangxi Beibu Gulf region, but also promote the integration and coordinated development of folk custom culture.

Third, adhere to the cultivation of folk custom intangible cultural heritage inheritors and enrich the communication channels of folk custom intangible cultural heritage. In the inheritance of intangible cultural heritage, the most important thing is the inheritance of people. Therefore, for the folk custom intangible cultural heritage in the Beibu Gulf region of Guangxi that needs to be passed on by word of mouth and with apprentices in order to develop, it is necessary to raise the public's awareness of intangible cultural heritage protection, increase intangible cultural heritage publicity, and improve the inheritance management mechanism. Introducing the inheritance of folk custom intangible cultural heritage into the classroom and other measures focus on cultivating inheritors [Ma Lingling, 2019].

The construction of folk custom culture brands in the Beibu Gulf region of Guangxi cannot be separated from modern mass communication methods, and various new media, especially the Internet and mobile terminals (mobile phones, car media, etc.) can be used to promote folk custom culture brands. Filming propaganda films of folk custom culture in the Beibu Gulf region of Guangxi, and disseminating it on various platforms as much as possible in the form of video expression. The establishment of characteristic folk custom art galleries and museums can permanently display local folk custom culture. It can also make use of some high-level economic and cultural exchange activities, such as the ASEAN Expo, World Expo, etc., to let more people understand the folk custom culture of the Beibu Gulf region in Guangxi [Wang Gang, Chen Xi, 2017].

References

1. *Chen Wei, Huang Bining*. Study on the coordinated development of tourism development and protection of Intangible Cultural Heritage – Taking Beibu Gulf of Guangxi as an example // Journal of Central South University of Forestry & Technology(Social Sciences).2018. V 12(05). P. 92–99.
2. *Ma Lingling*. Modernization crisis and inheritance strategy of intangible cultural heritage in Henan – Taking folk custom as an example // Home Drama. 2019. № 34. P. 216–217.
3. *Sun Hongbing*. On the protection and inheritance of intangible cultural heritage in Beibu Gulf Area // Popular Science & Technology. 2015. № 17(02). P. 171–173.
4. *Wang Gang, Chen Xi*. Exploration on the principles and paths of the integration of folk cultural resources in Beibu Gulf of Guangxi // Journal of Educational Institute of Jilin Province. 2017. № 33(07). P. 168–170.
5. *Wang Gang, Chen Xi*. Research on the brand construction of folk culture in Beibu Gulf of Guangxi // Education Modernization. 2017. № 4(19). P. 167–168.

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАТЕГИИ ЗАЩИТЫ И НАСЛЕДОВАНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДНЫХ ОБЫЧАЕВ В ЗАЛИВЕ БЕЙБУ, ГУАНСИ

Ван Ган

Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета, 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42,
bbguwg@163.com

Статья посвящена исследованию стратегии защиты и наследования нематериального культурного наследия народных обычаев в заливе Бэйбу, Гуанси, Китай. Исследование проведено на основе систематического обзора народных обычаев как нематериального культурного наследия; внимание уделено трудностям, с которыми сталкивается общество при защите и наследовании нематериального культурного наследия народных обычаев. В качестве решения проблем защиты и наследования нематериального культурного наследия народных обычаев в заливе Бэйбу, Гуанси предлагается поддержка изучения культурных ресурсов народных обычаев, создания характерных проектов культурного бренда народных обычаев, усиление подготовки наследников нематериальной культуры и расширение каналов коммуникации нематериального культурного наследия.

Key words: Бэйбу залив Гуанси; Китай; Нематериальное культурное наследие народных обычаев; защита нематериального культурного наследия; Наследование нематериального культурного наследия; народная культура.

ТОТАЛЬНОСТЬ ПРАВА КАК ФЕНОМЕН ОТЧУЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Кононов Алексей Александрович

Череповецкий государственный университет, 162602, Россия, Череповец,
пр. Луначарского, 5, Alexey190489@mail.ru

Современное общество характеризуется неуклонным расширением пределов правового регулирования. Являясь частью культуры, право все в большей степени влияет на характер и вектор взаимоотношения человека и общества. Однако в научной литературе указанная тенденция рассматривается преимущественно с точки зрения становления правового государства и дихотомии права и произвола. В настоящем исследовании усиление роли права в обществе рассмотрено относительно иных социальных регуляторов. Утверждается, что право является сложным социокультурным феноменом, содержание которого раскрывается через три взаимосвязанных элемента: субъект права, правоотношение, правовая норма. При этом существенной чертой правового типа нормативности является отчужденный характер. Во взаимодействии человека и общества право тяготеет к социальному началу. Отчужденность правовой регуляции специфически проявляется в каждом элементе правовой системы. Результатом исследования является вывод о том, что расширение пределов действия права в социально-нормативной системе общества свидетельствует об усилении отчужденности человека, его деперсонализации и усилении социального начала.

Ключевые слова: *правовая система; субъект права; правоотношение; норма права; отчуждение; деперсонализация.*

Анализ социально-нормативной системы современного общества свидетельствует о неуклонном расширении границ правовой регуляции. Намечившаяся тенденция отмечается не только философами [Гусейнов, 2018, с. 16; Бугарчева, 2016, с. 145] и юристами [Бавсун, Попов, 2019, с. 54–55; Гончаров, 2021, с. 10]. Об этом убедительно свидетельствует и статистика. Например, согласно сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за период с 2010 по 2020 год количество дел, рассмотренных судами общей юрисдикции по первой инстанции в порядке гражданского и административного судопроизводства, возросло на 44% с 12,9 до 29,5 млн. дел [Сводные статистические сведения..., 2010, 2020]. Право охватывает все подсистемы общества, с каждым годом вовлекая в предмет своего регулирования все большее число общественных отношений, образуя новые институты и отрасли.

Сказанным обуславливается актуальность исследования тенденции усиления роли права в соотнесении с иными социальными регуляторами как частного момента, определяющего вектор развития современного общества.

С теоретической точки зрения исследуемая проблема имеет междисциплинарный характер, т.к. попадает в фокус внимания сразу нескольких философских дисциплин (социальная философия, философия права, этика, аксиология, философская антропология), а также социологических, юридических, исторических и других наук.

При этом социально-философский анализ поставленной исследовательской проблемы предполагает рассмотрение права не в качестве обособленной социально-нормативной системы, но в качестве феномена, опосредующего отношение «человек-общество» и имеющего собственные специфические форму и содержание.

Решение вопроса о месте и значении права в системе социальной регуляции, динамике его развития, имеет целый комплекс практических следствий, поскольку он непосредственно влияет на характер соотнесения в обществе индивидуального и социального начал, являясь условием стабильного существования и развития общества, безопасности и свободного развития индивидов.

Целью настоящего исследования является анализ тенденции расширения пределов действия права в современном обществе.

Исследование предполагает последовательное решение следующих задач: постановка проблемы расширения пределов действия права, установление природы данного феномена и его возможных последствий для человека и общества.

Методология исследования представлена метафизическим, диалектическим и феноменологическим методами, а также общенаучными методами анализа и сравнения. В своей совокупности указанные методы предполагают установление сущностных характеристик формы и содержания права, диалектической природы их соотнесения применительно к отношению человека и общества.

Теоретической основой исследования выступают труды классиков отечественной и зарубежной философии, размышлявших о месте человека в обществе, и роли права во взаимосвязи индивидуального и социального начал (И. Кант, М.М. Бахтин, Х. Отрега-и-Гассет, М.К. Мамардашвили, П. Рикер), а также современных мыслителей, занимающихся исследованием указанной проблемы.

Научная новизна исследования заключается в попытке показать тенденцию расширения пределов правового регулирования в качестве частного момента усиливающегося отчуждения человека в современном мире, растворения его уникальной идентичности в унифицированной тотальности социального целого.

Достижение цели исследования требует четкой постановки проблемы во избежание двусмысленности в понимании значения права в общественном бытии.

Тезис о расширении границ правовой регуляции подразумевает два аспекта. Первый аспект возможно охарактеризовать как исторический. Предполагается, что на данном этапе исторического развития общества значение права в регулировании общественных отношений выросло в сравнении с прошлыми периодами. В данном аспекте право сопоставляется с самим собой на разных исторических этапах общественного бытия. Как следствие, расширение пределов правовой регуляции при такой постановке проблемы предстает как дихотомия правового государства и общества, в котором царит произвол. Между тем, подобная постановка вопроса не предполагает противоречий в оценке, поскольку расширение правового регулирования общественных отношений и нивелирование произвола невозможно оценивать иначе, как положительно.

В ином свете предстает исследуемая тенденция при оценке места и значения права в социально-нормативной системе общества в соотнесении с иными типами нормативности. При таком подходе исследовательская проблема имеет своим предметом замещение правом иных социальных регуляторов, что, в свою очередь, предполагает установление его сущности и места в социуме, а также характеристику изменений в общественном бытии, следствием которых является исследуемый феномен.

Право является одним из древнейших регуляторов, и возникает в период догосударственного развития общества. С момента возникновения оно занимает обособленное место в системе социально-нормативного регулирования, что указывает на его самостоятельный характер и собственные нормативные функции в обществе. В частности, в литературе отмечается, что право изначально было направлено на регулирование отношений между отдельными первобытными общностями в целях нивелирования неопределенности социального взаимодействия и потенциальной конфликтности [Шалютин, 2009, с. 151]. Представляется, что обозначенный телеологический характер правового регулирования сохраняется и по сей день, являясь одной из его характерных черт. Право привносит формальную определенность и меру в общественные отношения, организуя их по выделяемой в норме права совокупности юридически значимых признаков. Обретая наряду с наличной действительностью юридическую значимость, данные признаки получают ценностно-нормативное значение для соответствующих видов социального взаимодействия, и участвующих в них субъектов. В результате, формальный (процедурный) аспект взаимодействия превалирует над содержательной его стороной. Данная особенность приводит к унификации форм пра-

вового взаимодействия, при этом нивелируя неопределенность как самого отношения, так и его результатов. Следовательно, правовой тип нормативности, в силу указанных телеологических особенностей, оказался незаменим в тех подсистемах общества, социальные взаимодействия внутри которых характеризуются фактическим неравенством, неопределенностью результата и вытекающей отсюда потенциальной конфликтностью.

Представляется, что достижение указанных целей правового регулирования в обществе невозможно без такой его сущностной черты как отчужденность. В процессе исторического развития право формируется как сложный социокультурный феномен, который обобщенно может быть представлен в виде системы следующих элементов: правовых норм, правоотношений и субъектов права. Отчужденный характер правового регулирования проявляет себя в каждом из перечисленных элементов системы.

Правовые нормы носят институционально-объективированный характер. С институциональной точки зрения они имеют формально определенное выражение своего содержания в правовых актах, характеризующихся установленной процедурой принятия и применения, системным характером и иерархичностью. Объективированный характер норм права проявляется в том, что их действительность и действенность не зависит от акта признания со стороны субъекта права.

Отчужденность в правоотношениях проявляется как в особенностях субъектного состава, так и в характере взаимосвязи между субъектами. Так, наряду с непосредственными участниками, правоотношения всегда предполагают присутствие третьего субъекта – государства. Государство, в лице публично-правовых образований, опосредует реализацию правовых отношений в соответствии с нормативно установленной моделью. С этой целью ему от непосредственных акторов делегируется определенный объем правомочий по признанию, гарантированию и обеспечению их взаимодействия. В свою очередь, субъекты права оказываются ограничены в реализации моделей поведения в правоотношении. Необходимо отметить, что для правовых отношений также характерно участие коллективных субъектов (юридических лиц, органов государственной власти, местного самоуправления). Индивид в структуре коллективного субъекта действует не в своей непосредственности, но от имени и в интересах последнего.

Определенными особенностями отличается и характер взаимосвязи в правоотношении между акторами. Как справедливо отмечал еще П.А. Сорокин, общественные отношения характеризуются дуальным (психолого-символическим) характером связи [Сорокин, 2006, с. 105]. В психолого-символической связи правоотношения акцент значимости смещается именно на символическую сторону, образуемую формально определенными и юридически значимыми действиями,

коррелирующими установленной нормой права модели поведения. Иными словами, для правовых отношений значима унифицированная, операциональная модель поведения акторов в рамках установленных юридических процедур.

Характер отчужденности правового типа нормативности проявляет себя и в статусе субъекта права. Как отмечает П. Рикер, человек, выступая в качестве правового субъекта, определяется посредством термина «лицо» и рассматривается другим субъектом права как любой другой [Рикер, 1996, с. 31]. В юридическом поле индивид имеет значение в качестве унифицированной совокупности формально определенных нормой права признаков. В остальном индивидуальные особенности личности выносятся за скобки правового регулирования. Иными словами, происходит деперсонализация человека как правового субъекта. Равным образом взаимодействие между индивидами в праве есть регламентированная нормой процедура, которая придает данному отношению операциональный характер. Деперсонализация и унификация правовых субъектов влечет ослабление связей между ними, поскольку в правовом взаимодействии «лицо» всегда относительно легко заменимо и не является самоценным для других участников отношения (например, в большей или меньшей степени является легко заменимой стороной в правовом обязательстве).

Необходимо оговориться, что перечисленные черты, характеризующие право в качестве отчужденного регулятора, укорененного в социальном начале общества, не следует оценивать в негативном ключе. Отчужденность является сущностной характеристикой права, определяющей особенности его феноменов и функционала в социуме, обуславливающих автономность от других регуляций, и достижения собственно поставленных целей регулирования.

Определенные сферы общественного бытия предполагают унификацию и формализацию образующих их содержание общественных отношений. Так, в экономической подсистеме общества унификация и формализация призвана способствовать развитию и устойчивому функционированию данной подсистемы общества посредством снятия потенциальной конфликтности и неопределенности взаимодействий индивидов и их общностей.

Однако проникновение правовых средств нормирования в сферы, ранее свободные от них (например, семейные отношения) и подчиненные иным социальным регуляциям, можно расценивать как тенденцию растущей отчужденности и деперсонализации индивида на современном этапе развития общества. Замещение правом иных социальных регуляций влияет на характер отношения «человек-общество». Наиболее ярко данные последствия проявляют себя на примере соотношения права и морали, которая имманентна индивиду.

В сравнении с вышеприведенными элементами правовой системы моральная норма всегда реализуется в индивидуе и через него, объективируясь в поступке, и требуя от человека усилия быть в этом мире. Усилие быть определяется в философии по-разному: как мотив [Кант, 1965], нравственная ответственность [Бахтин, 2003], беспокойство [Ортега-и-Гассет, 1991], усилие во времени [Мамардашвили, 1984]. Во всяком случае, морали чужда унифицированная, формально определенная операциональность поведения.

Таким образом, тенденцию расширения пределов действия права, усиления его значения в социально-нормативной системе общества можно рассматривать не только с положительной стороны в качестве процесса становления правового государства, но и как частный момент возрастающего отчуждения и деперсонализации человека, нивелирования значения уникальной идентичности человека, реализуемой посредством его усилия быть, ослабления взаимосвязи между индивидами. В результате в рассмотренном аспекте центр тяжести в отношении «человек-общество» смещается в сторону социального начала, поскольку право в обществе реализуется посредством независимых, отчужденных от человека механизмов.

Библиографический список

1. Бавсун М.В., Попов Д.В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья II. Право на задворках духовности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 1 (72). С. 53–62.
2. Бахтин М.М. К философии поступка: собр. соч в 7 т.. М.: Издательство Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. 957 с.
3. Бугарчева Е.А. Право и мораль в постиндустриальном обществе // Вестник экономики, права и социологии. 2016. №2. С. 143–146.
4. Гончаров И.В. Тенденции развития законодательства в постиндустриальном обществе // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2 (58). С. 8–14.
5. Гусейнов А.А. Мораль и право: линия разграничения // Lex russica. 2018. № 8. С. 7–22. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.141.8.007-022.
6. Кант И. Основы метафизики нравственности. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. 544 с.
7. Мамардашвили М.К. Из курса лекций в Тбилисском государственном университете (факультет искусства и гуманитарных профессий), 1984–1985 годы. Лекция первая. URL: <https://mamardashvili.com/files/pdf/proust/Лекция%201.pdf> (дата обращения: 28.10.2021).
8. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991. 408 с.

9. Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. 1996. №4. С. 27–36.
10. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2010 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=836> (дата обращения: 02.12.2021).
11. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 02.12.2021).
12. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006. 618 с.
13. Шалютин Б.С. К вопросу о происхождении права // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. №2. С. 147–155.

LEGAL TOTALITY AS A PHENOMENON OF HUMAN ALIENATION

Kononov Alexey A.

Cherepovets State University, 5, Lunacharsky Ave., Cherepovets, 162602, Russia,
Alexey190489@mail.ru

Modern society is characterized by a steady expansion of legal regulation. Being a part of culture, law increasingly influences both the nature and the directionality of the relationship between a person and society. However, in the scientific literature, this trend is considered mainly from the point of view of the formation of the rule of law and the dichotomy of law and arbitrariness. In this research the strengthening of the role of law in society is explored relative to other social regulators. It is emphasized that law is a complex social and cultural phenomenon, the content of which is revealed through three interrelated elements: the subject of law, legal relationship, legal norm. Meanwhile, the essential feature of the legal type of normativity is the alienated character. In the interaction of man and society, law tends to the societal foundation. The alienation of legal regulation is specifically manifested in each element of the legal system. As the result drew conclusion that the expansion of the legal limits in the social-and-normative system of modern community indicates an increase in the alienation of a person, his depersonalization and strengthening of the societal foundation.

Key words: *legal system; subject of law; legal relationship; legal norm; alienation; depersonalization.*

Научное издание

ART OF SCIENCE

Материалы V Международной гуманитарной
научно-практической конференции

(г. Пермь, ПГНИУ, 3–4 декабря 2021 года)

Издается в авторской редакции
Техническая подготовка материалов: *А. Р. Ехлакова*

Объем данных 2,12 Мб
Подписано к использованию 15.11.2022

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15